

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СТИХОТВОРЕН.

Т

О. Л. С. Т. А. Г. О.

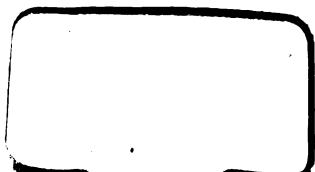
NEVILL FORBES PETERSBURG 1908.

Presented to the
Library by Prof. Nevill Forbes.
30 Sept. 1924.

~~300 K. 11~~

PG-33E3. A17.1877. Ed.2
Donated by Prof. Nevill Forbes
PROV.

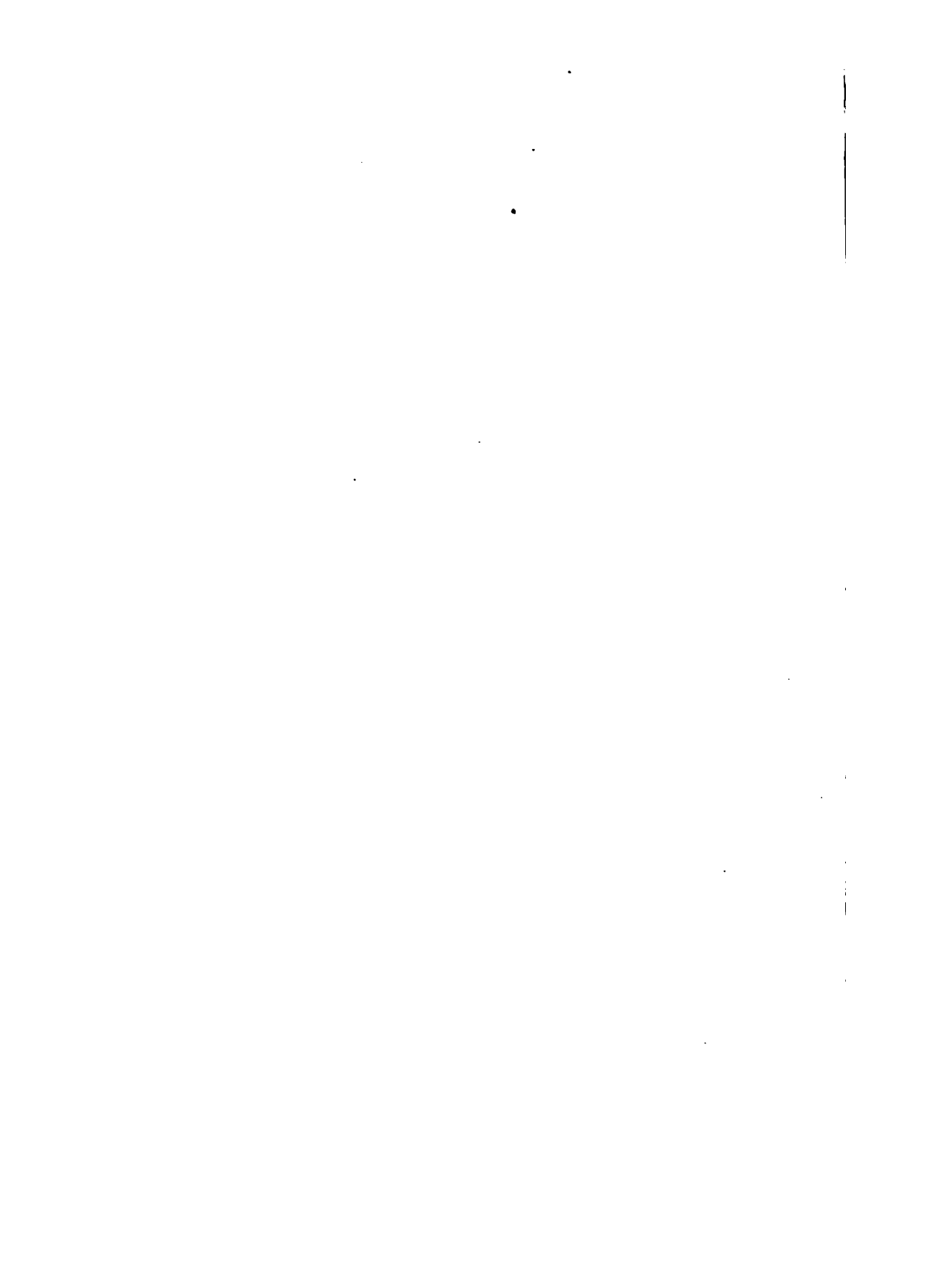

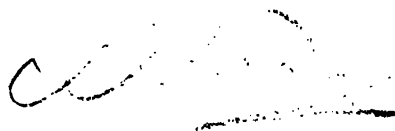
302576044V

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

ДРАМЫ, РОСНЫ, РОВЪСТН, БЫЛНЫ, БАЛЛАДЫ,
ПРИТЧИ, ПЪСНИ, ОЧЕРКИ.

1855—1875

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

—
1877

ПРЕДИСЛОВІЕ

ВЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ 1867 году вышло въ свѣтъ первое собраніе всѣхъ стихотвореній графа Алексѣя Константиновича Толстого, какія были имъ напечатаны въ „Современникѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русской Бесѣдѣ“ за первыя десять лѣтъ его поэтической дѣятельности, начиная съ 1855 года и по 1866 г. *). Съ того времени прошло новое десятилѣтіе, въ теченіи котораго гр. А. К. Толстой ежегодно помѣщалъ свои произведенія въ „Вѣстникѣ Европы“, или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мысль объ изданіи новаго сборника снова заняла поэта въ послѣдніе годы его жизни, какъ то видно изъ его автобіографіи, помѣщаемой ниже. Благодаря этому обстоятельству, настоящее полное собраніе его стихотвореній, хотя и посмертное, является въ свѣтъ тщательно просмотрѣнное самимъ авторомъ, и съ текстомъ, не только исправленнымъ имъ

*) „Стихотворенія графа А. К. Толстого“. Спб. 1867. Стр. 397. Цѣна 2 р.

собственноручно, но мѣстами и измѣненнымъ, сравнительно съ изданіемъ перваго собранія и печатью въ журналахъ. Первое собраніе исправлено авторомъ по печатному тексту карандашомъ, а новыя стихотворенія второго десятилѣтія были переписаны въ особую тетрадь и провѣрены имъ самимъ, за исключеніемъ „Дракона“, явившагося въ „Вѣстникѣ Европы“ почти въ самый день смерти гр. А. К. Толстого, постигшей его 28 сентября 1875 г., въ черниговскомъ имѣніи, Красный-Рогъ, гдѣ и погребено его тѣло.

При новомъ изданіи принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ: первый томъ составляетъ вмѣстѣ и первый отдѣлъ, обнимающій прежній періодъ поэзіи гр. А. К. Толстого, отъ 1855 до 1866 г.; второй томъ заключаетъ въ себѣ второй отдѣлъ, отъ 1866—1875 г.; въ третьемъ отдѣлѣ собрано вмѣстѣ все переводное. Первые два отдѣла расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Поэмы, Повѣсти, Драмы;—II. Былины, Баллады, Притчи;—III. Пѣсни, Очерки.—Двѣ послѣднія рубрики, какъ многочисленныя, расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ цѣлью доставить удобство безъ труда отыскать то или другое изъ болѣе мелкихъ стихотвореній. Въ самомъ концѣ второго тома помѣщены отдѣльно два стихотворенія послѣдняго года жизни поэта, изъ которыхъ второе не успѣло даже попасть въ печать.

Къ первому тому приложенъ портретъ, исполненный по фотографіи, снятой съ автора незадолго до его смерти, и автобіографическій очеркъ, заимствованный въ извлеченіи изъ письма гр. А. К. Толстого къ флорентинскому профессору г. Де-Губернатису; оно было издано послѣднимъ въ „Rivista Europea“, декабрь, 1875 г., подъ заглавіемъ: „Autobiographia di Alessio Tolstoi“. Авторъ пись-

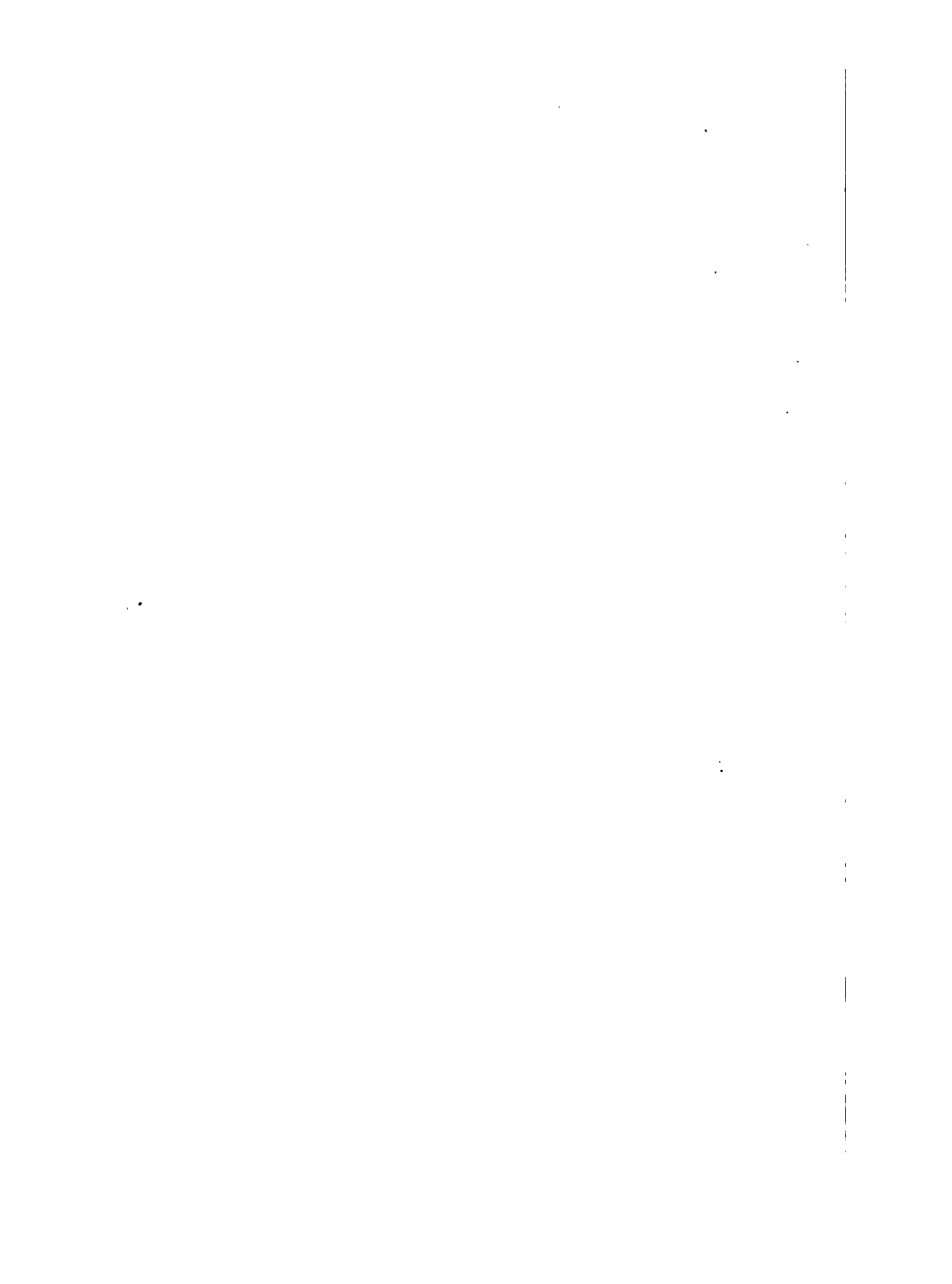
ма отвѣчалъ профессору на его просьбу сообщить ему нѣсколько данныхъ для составленія біографическаго очерка.

М. С.

17 марта, 1876.

Въ настоящемъ изданіи, болѣе компактномъ, оба тома предыдущаго изданія, разошедшагося въ теченіи шести мѣсяцевъ по его появленіи въ свѣтъ, соединены въ одинъ, и дополнена неоконченная драма „Посадникъ“ шестью явленіями въ началѣ перваго дѣйствія, не успѣвшими войти въ изданіе прошедшаго года. Прежнее раздѣленіе на три отдѣла сохранено и въ нынѣшнемъ изданіи, равно какъ и внутреннее распредѣленіе отдѣловъ. Портретъ автора прилагается къ однимъ веленовымъ экземплярамъ, а при экземплярахъ, напечатанныхъ на простой бумагѣ, можетъ приобрѣтаться особо.

18 февраля, 1877.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Ментона. — 4-го марта, 1874.

Вилла „Rais Tranquille“.

... Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г. (24 августа), но еще шести недѣль былъ увезенъ въ Малороссію матерью моею и моимъ дядею со стороны матери, Алексѣемъ (Алексѣевичемъ) Перовскимъ, бывшимъ позднѣе попечителемъ харьковскаго университета, и извѣстнымъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣніи, почему я смотрю на Малороссію, какъ на мою истинную родину. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ одни свѣтлыя воспоминанія. Бывъ единственнымъ сыномъ, безъ товарищей игръ, и одаренный весьма пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, гдѣ я жилъ, много тому содѣйствовала:

... Je suis né à St.-Petersbourg l'année 1817, mais dès l'âge de six semaines je fus emmené en Petite Russie par ma mère et mon oncle maternel M. Alexis Péroffsky, plus tard curateur de l'université de Kharkoff et connu dans la littérature russe sous le pseudonyme d'Antoine Pogorelsky. C'est lui qui m'a élevé, et mes premières années se sont passées dans ses terres, ce qui fait que je regarde la Petite Russie comme ma véritable patrie. Mon enfance a été très heureuse et ne m'a laissé que des souvenirs lumineux. Etant fils unique, n'ayant pas de compagnons de jeu, et doué d'une imagination très vive, je me suis habitué de bonne heure à la rêverie qui se transforma bientôt en un penchant décidé pour la poésie. La nature du pays que j'habitais y a beaucoup contribué; l'air et la vue de nos grandes forêts,

воздухъ и зрѣлище нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, нѣтъ еще вліяніе на мой характеръ и жизнь, и сохраняемое мною до сей поры. Мое воспитаніе по прежнему продолжалось дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ Цесаревичу, нынѣ Государю Императору, и допущенъ въ кругъ дѣтей, составлявшихъ Его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германію. Въ одно изъ нашихъ пребываній въ Веймарѣ, дядя взялъ меня къ Гёте, къ которому я по инстинкту проникся величайшимъ почтеніемъ благодаря тому, что я слышалъ, какъ говорили о немъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте, и то, что я у него сидѣлъ на волѣняхъ. Съ тѣхъ поръ и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родными, то по Россіи, то за-границей, но часто возвращался въ нѣмніе, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ вновь видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти моего дяди, назначившаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; поздиже, я пере-

que j'aimais passionnément, m'a laissé des impressions profondes qui ont influencé mon caractère et ma vie et que je garde jusqu'à présent. Mon éducation s'est toujours faite à la maison. A l'âge de 8 ou 9 ans j'allais avec mes parents à St.-Petersbourg, où je fus présenté au Césarévitch, aujourd'hui Empereur de Russie, et admis au nombre des enfants qui formaient sa société des Dimanches. Depuis ce jour sa bienveillance pour moi ne s'est jamais démentie. L'année suivante j'allai avec ma mère et mon oncle en Allemagne. Dans un séjour que nous fîmes à Weimar mon oncle me mena chez Göthe, pour qui j'avais conçu un grand respect d'instinct, grâce à la manière dont j'en entendais parler. De cette visite j'ai conservé l'impression des traits imposants de Göthe et le souvenir d'avoir été assis sur ses genoux. Depuis lors jusque à l'âge de 17 ans, où j'ai passé mon examen de sortie à l'université de Moscou, je n'ai pas cessé de voyager avec mes parents, tant en Russie qu'à l'étranger, mais en revenant souvent dans la terre, où j'avais passé mes premières années, et que je n'ai jamais pu revoir sans une grande émotion. Après la mort de mon oncle, qui m'avait fait son héritier, je fus en 1836, d'après le désir de ma mère, attaché à la légation de Russie près la diète Germanique à Francfort s.-M; plus

шелъ во II-е Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, редактирующее законы. Въ 1855 г., я пошелъ въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской фамилии, съ цѣлью принять участіе въ крымской кампаніи; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и дошелъ только до Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, которымъ заболѣлъ и я. Императоръ Александръ II-й, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не готовилъ себя для военнаго дѣла и намѣревался оставить службу вслѣдъ за окончаніемъ войны, то я и представилъ скоро мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычною Ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора, — званіе, которое я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ лѣтопись моей внѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь передать вамъ и ее, какъ сумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи — такъ поражено было мое воображеніе нѣкоторыми изъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ обертву грязно-краснаго цвѣта. Наружность этой книги запечатлѣлась въ моей памяти и заставила бы биться сердце и теперь, если бы она мнѣ снова попалась на

tard j'entrai dans la 2-e section de la Chancellerie de l'Empereur, celle de la rédaction des lois. En 1855 je m'enrôlai parmi les volontaires qui venaient de former le régiment des tirailleurs de la Famille Impériale pour faire la campagne de Crimée; mais notre régiment n'eut pas l'occasion d'aller au feu et n'arriva que jusque à Odessa, où nous perdîmes plus de mille hommes par le typhus que je gagnai aussi. L'Empereur Alexandre II, lors de son couronnement à Moscou, me fit l'honneur de me nommer son aide-de-camp. Cependant, comme je ne m'étais jamais préparé à être militaire et que mon intention avait été de quitter le service quand la guerre serait terminée, je soumis bientôt mes scrupules à S. M. qui accepta ma démission avec sa bonté ordinaire et me nomma veneur de sa cour, titre que je conserve jusque à présent. Ceci est l'histoire de ma vie extérieure. Quant à celle de mon âme, je tâcherai de Vous la dire de mon mieux.

Dès l'âge de six ans je commençai à barbouiller du papier et à faire des vers, tant mon imagination avait été frappée par quelques pièces de nos meilleurs poètes que je trouvai dans un gros recueil mal imprimé et mal broché avec une couverture rouge-sale. L'extérieur de ce volume s'est gravé dans mon souvenir et me ferait battre le cœur si je le revoyais. Je le trai-

глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, зачитываться ею по цѣлымъ часамъ. Вскорѣ я зналъ ее наизусть; я упивался музыкаю разнообразныхъ ритмовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были недѣльны мои первые опыты, я долженъ сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ упражнять себя такимъ образомъ, совершенствуясь, насколько могъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, но въ печати я появился только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ для печати въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ разные журналы, а поздѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникъ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникъ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни, — я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или хорошая музыка, производили на меня такое впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Изобразить вамъ всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусства душъ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той

nais partout avec moi, et je me cachais au jardin, ou dans le bois, pour l'étudier pendant des heures, couché sous les arbres. Bientôt je le sùs par cœur, je me grisais de la musique des divers rythmes et je m'en assimilai la technique. Quelques absurdes qui ne pouvaient manquer d'être mes premiers essais, je dois dire que sous le rapport de la mesure ils étaient irréprochables. Je continuai ainsi, en me perfectionnant autant qu'il était en moi, pendant bien des années, mais je ne parus dans la presse qu'en 1842, où je débutai non par des vers, mais par quelques nouvelles en prose. En 1855 je fis pour la première fois imprimer des poésies lyriques et épiques dans plusieurs journaux, et depuis j'en ai fait paraître tous les ans dans le „Wiestnik Evropi“, ou le „Rousskii Wiestnik“.

Puisque Vous avez désiré avoir une caractéristique de ma vie morale, je Vous dirai, qu'indépendamment de la poésie, j'ai de tout temps éprouvé un attrait irrésistible pour l'art en général, dans toutes ses manifestations. L'aspect de tel tableau, ou de telle statue, de même que l'audition d'une belle musique, m'ont souvent impressionné au point de me faire littéralement dresser les cheveux sur la tête. J'avais 13 ans lorsque je fis avec mes parents mon premier voyage d'Italie. Vous dire la violence de mes impressions et la

минуты, когда довелось мнѣ ихъ видѣть — было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ старомъ дворцѣ Гримани. Въ томъ числѣ находился бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю: этотъ бюстъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ графу Павлу (Сергѣевичу) Строгонову. Когда бюстъ перенесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посмотреть на него, и нелѣпнѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ сдѣлать для спасенія бюста, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я, въ такомъ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы поѣхали въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ росли во мнѣ мой энтузіазмъ и любовь къ искусству; такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италиі въ настоящую „тоску по родинѣ“, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай. Съ этою страстью къ Италиі вскорѣ соединилась другая и составила съ нею странный контрастъ, который на первый взглядъ можетъ казаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она стала такъ сильна, и я отдавался ей съ такимъ пыломъ, что жертвовалъ ей всѣмъ

révolution qui se fit en moi quand les trésors de l'art se révélèrent à mon âme qui en avait l'intuition avant de les connaître—me serait impossible. Nous commençâmes par Venise, où mon oncle fit de grandes acquisitions dans le vieux palais Grimani. Il y avait, entre autres, un buste de jeune faune, attribué à Michel'Ange, une des plus magnifiques choses que je connaisse, et qui se trouve aujourd'hui à St.-Petersbourg dans la possession du comte Paul Stroganoff. Quand on l'apporta à l'hôtel où nous logions, je ne le quittai plus. Je me levai la nuit pour le contempler, et les appréhensions les plus folles tourmentaient mon imagination. Je me demandais ce que je ferais pour sauver ce buste si la maison prenait feu, et j'essayais de le soulever pour voir si je pourrais l'emporter dans mes bras. De Venise nous allâmes à Milan, à Florence, à Rome et à Naples, et à chacun des séjours que nous fîmes dans ces villes, mon enthousiasme et mon amour de l'art grandissaient; si bien que, revenu en Russie, je tombai dans un vrai *mal du pays* pour l'Italie, dans une espèce de désespoir, qui me faisait refuser ma nourriture le jour, et sangloter la nuit, quand mes rêves me reportaient dans mon paradis perdu. A cette passion de l'Italie une autre ne tarda pas à s'associer et à former avec elle un singulier contraste, qui à première

временемъ, какими только могъ располагать. Въ ту пору я состоялъ при Дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ обаянія, но отъ которой я часто убѣгалъ, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно одинъ. Между нашими записными охотниками я скоро приобрѣлъ извѣстную репутацію хорошаго охотника на медвѣдей и лосей, и всецѣло погрузился въ стикію, которая столь же мало согласовалась съ моими артистическими инстинктами, какъ и съ условіями моей официальной жизни; она не осталась безъ вліянія на краски моего поэтическаго творчества. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что почти все мои стикотворенія писаны въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотчичи мои пѣли по болѣе части въ минорномъ. Я думаю въ своей старости разказать многіе захватывающіе эпизоды изъ этой жизни въ лѣсахъ, которую я велъ въ мои лучшіе годы, и отъ которой моя настоящая болѣзнь, быть можетъ, оторвала меня навсегда. Теперь скажу только, что моя любовь къ нашей дикой природѣ сказалась въ моихъ поэтическихъ произведеніяхъ такъ же, можетъ быть, сильно, какъ и мое чувство пластической красоты...

Моимъ первымъ большимъ произведеніемъ былъ историческій романъ, подъ заглавіемъ *Князь Серебряный*. Онъ имѣлъ три изданія... Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій

vue pourrait paraître contradictoire; c'était la passion de la chasse. Depuis ma 20-me année elle devint si violente et je m'y livrai avec tant d'ardeur que je lui sacrifiais tout le temps dont je pouvais disposer. J'étais à cette époque attaché à la cour de l'empereur Nicolas et je menais une vie très mondaine qui n'était pas sans attrait pour moi, mais à laquelle j'échappais souvent pour passer des semaines entières dans les forêts, quelquefois avec un compagnon, mais ordinairement seul. J'acquis bientôt parmi nos chasseurs de profession une certaine réputation comme tueur d'ours et d'élans et je me plongeais tête baissée dans un élément qui ne jurait pas moins avec mes instincts artistiques qu'avec mon existence officielle; il ne fut pas sans influence sur la couleur de mes poésies. Je crois que je lui dois la circonstance qu'elles sont presque toutes écrites en ton majeur, tandis que mes compatriotes ont pour la plupart chanté en mineur. Je me réserve pour mes vieux jours de décrire bien des épisodes émouvants de cette vie de forêts que j'ai menée pendant mes meilleures années et dont ma maladie actuelle m'a peut-être arraché pour toujours. Aujourd'hui je me bornerai à dire que mon amour de notre nature sauvage s'est reflétée dans mes poésies peut-être aussi souvent que mon sentiment de la beauté plastique...

языки. Этотъ послѣдній переводъ, сдѣланный въ Веронѣ профессоромъ Патузци при помощи нашего соотечественника, г. Задлера, появился, три года тому назадъ, въ миланской газетѣ „*la Perseveranza*“... Затѣмъ я написалъ трилогію: *Борисъ Годуновъ*, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, *Смерть Иоанна Грознаго*, давалась часто въ Петербургѣ... Ее ставили на сцену въ Веймарѣ, и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ нѣмецкомъ переводѣ г-жи Павловой. Есть также переводы этой драмы французскій, англійскій и польскій. Вторая драма трилогіи, *Царь Федоръ* (переведенная по-нѣмецки и по-польски), была запрещена для сцены съ перваго ея появленія въ печати. Иво всего, что мною написано въ стихахъ и въ прозѣ, это—лучшее что я сдѣлалъ... По этому поводу я хочу указать на брошюру о постановкѣ этой драмы на сцену; тамъ, между прочимъ, я опровергаю доводы, послужившіе къ наложенію на нее запрѣта. Третья часть трилогіи носить заглавіе *Царь Борисъ*,—и также не была допущена на сцену *).

Есть еще одно собраніе моихъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, къ которымъ присоедишена драматическая поэма *Донъ-Жуанъ*,

Ma première œuvre de longue haleine a été un roman historique nommé: *Le prince Strébryany*. Il a eu trois éditions... On l'a traduit en français, en allemand, en anglais, en polonais et en italien. Cette dernière traduction, faite à Vérone par le professeur Patuzzi, conjointement avec un russe, M. Sadler, a paru, il y a trois ans, dans le journal milanais *La Perseveranza*... Puis j'ai écrit une trilogie: *Boris Godounoff*, en trois drames séparés, dont le premier, *La mort d'Ivan le Terrible*, a été donné souvent à St.-Petersbourg... On l'a également donné à Weimar avec un grand succès dans une belle traduction allemande de M-me Pavloff. Il en existe aussi une française, une anglaise et une polonaise. Le second drame de la trilogie, *le Cesar Fedor* (traduit en allemand et en polonais), a été défendu pour la scène dès sa publication. C'est de tout ce que j'ai écrit en vers, ou en prose, ce que j'ai fait de meilleur... A ce propos je tiens à signaler une brochure que j'ai fait paraître pour la mise en scène de ce drame et où, entre autre, je réfute les arguments qui ont servi pour le mettre à l'index. La troisième partie de la trilogie porte le titre de *Cesar Boris* et n'a pas non plus été admise sur la scène.

Il existe encore de moi un recueil de poésies lyriques et épiques auxquelles est joint un poème dramatique: *Don-Juan*, traduit en allemand par M-me

*) Въ началѣ 1876 года всѣ три драмы изданы вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Драматическая Трилогія“ гр. А. К. Толстого. Спб. 1876.

переведенная на нѣмецкій языкъ г-жею Павловой. Со времени изданія этого сборника (1867) я написалъ много балладъ и лирическихъ стихотвореній, разсѣянныхъ, главнымъ образомъ, въ „Вѣстникъ Европы“ и въ „Русскою Вѣстникъ“; но я нахѣренъ вскорѣ собрать ихъ въ новомъ изданіи....

Алексѣй Толстой.

Pavloff. Depuis la publication de ce recueil j'ai écrit beaucoup de ballades et de poésies lyriques disséminées principalement dans le „Wiestnik Evropi“ et le „Rousskii Wiestnik“, mais que je compte bientôt réunir dans un nouveau recueil....

Alexis Tolstoi.

В. У. В. Государыня Императрица
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

*Къ Твоимъ, ЦАРИЦА, я ногамъ
Несу и радость, и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье съ грустью пополамъ.*

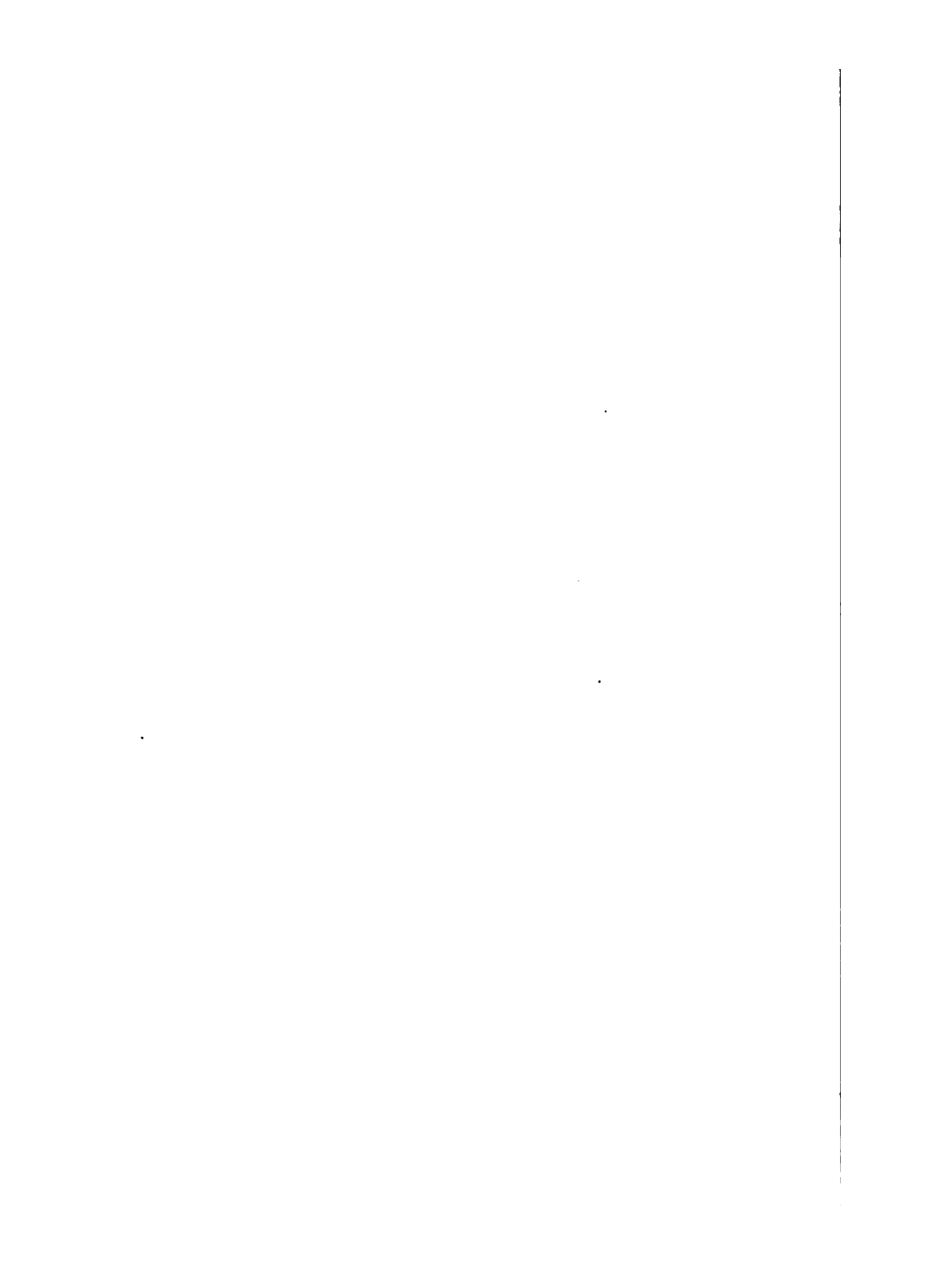
*Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу,
Своею русскою душой;*

*Я мыслилъ, пьсни ть слабая,
Онъ невѣдомо замрутъ,—
Но Ты дала имъ, о, блабая,
Свою защиту и пріютъ.*

*Встрѣчай же въ солнцѣ и въ лазури,
Царица, радостные дни,
И насъ, пѣвцовъ, въ ядину бури,
Въ Своихъ молитвахъ помяни!*

1866 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

1855—1865.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ.

I.

Любилъ калифомъ Іоаннъ, —
Ему, что́ день, почётъ и ласка;
Къ дѣламъ правленія призванъ
Лишь онъ одинъ изъ христіанъ
Порабощеннаго Дамаска,
Его поставилъ влѣстелинъ
И судъ рядить, и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной пріютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы шелкомъ тѣаны,
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеные фонтаны.

Но отъ него бѣжитъ покой,
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой;

Онъ счастливъ былъ-бы и убогій,
 Когда-бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
 Въ глухой степи, въ уединеньи,
 Двора волненіе забыть
 И жизнь смиренно посвятить
 Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.

И раздавался ужъ не разъ
 Его краснорѣчивый гласъ
 Противу ереси безумной,
 Что на искусство поднялась
 Грозой неистовой и шумной.
 Упорно съ ней боролся онъ,
 И отъ Дамаска до Царьграда
 Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
 И какъ художества ограда,
 Давно извѣстенъ и почтенъ.

Но шумъ и блескъ его тревожатъ,
 Ужиться съ ними онъ не можетъ,
 И тяжелой душой обуянъ,
 Тоска въ душѣ и скорбь на лицѣ,
 Вошелъ правитель Іоаннъ
 Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
 „О, государь, вземли: мой санъ,
 „Величье, пышность, власть и сила —
 „Все мнѣ несносно, все постыло!
 „Инымъ призваніемъ влекомъ,
 „Я не могу народомъ править:
 „Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
 „Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
 „Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
 „Мученья полонъ я и скуки;
 „Среди шировъ, въ главѣ дружинъ,
 „Иные слышатся мнѣ звуки.
 „Неодолимый ихъ призывъ
 „Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —

„О, отпусти меня, калифъ,
„Дозволь дышать и пѣть на волѣ!“

И тотъ просищену въ отвѣтъ:
„Возвеселись, мой рабъ любимый!
„Печали вѣчной въ мірѣ нѣтъ,
„И нѣтъ тоски неналечной.
„Твоею мудростью одной
„Кругомъ Дамаскъ могучъ и славенъ;
„Кто нынѣ намъ величьемъ равенъ,
„И кто дерзнетъ на насъ войной?
„А я возвышу жребій твой —
„Не даромъ я окрестъ державенъ —
„Ты примешь чести торжество,
„Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
„Возьми полцарства моего,
„Лишь правъ другою половиной!“

Къ нему пѣвецъ: „Твой щедрый даръ,
„О, государь, пѣвцу не нуженъ;
„Съ новою силою онъ друженъ;
„Въ его груди пылаетъ жаръ,
„Которымъ зиждется созданье;
„Служить Творцу его призванье;
„Его души незримый міръ
„Престоловъ выше и порфиръ —
„Онъ не измѣнитъ, не обманетъ —
„Все, что другихъ влечетъ и манитъ:
„Богатство, сила, слава, честь,
„Все въ мірѣ томъ въ избыткѣ есть;
„А всѣ сокровища природы:
„Степей безбережный просторъ,
„Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
„И моря пѣнистыя воды,
„Земля, и солнце, и луна,
„И всѣхъ созвѣздій хороводы,
„И синей тверди глубина, —

„То все одно лишь отраженье,
 „Лишь тѣнь таинственныхъ красоть,
 „Которыхъ вѣчное видѣнье
 „Въ душѣ избранника живетъ.
 „О, вѣрь, ничѣмъ тотъ неподкупенъ,
 „Кому сей чудный міръ доступенъ,
 „Кому Господь дозволилъ взглядъ
 „Въ то сокровенное горнило,
 „Гдѣ первообразы кипятъ,
 „Трепещутъ творческія силы.
 „То ихъ торжественный приливъ
 „Звучитъ пѣвцу въ его глаголъ —
 „О, отпусти меня, калифъ,
 „Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

И рекъ калифъ: „Въ твоей груди
 „Не властенъ я сдержать желанье:
 „Пѣвецъ, свободенъ ты, иди,
 „Куда влечетъ тебя призванье!“

И вотъ правителя дворцы
 Добычей сдѣлались забвенья,
 Одѣлись пестрые зубцы
 Травой и прахомъ заустѣнья;
 Его несчетная казна
 Давно ужъ нищимъ роздана,
 Усердныхъ слугъ не видно болѣ,
 Рабы отпущены на волю,
 И не уважатъ ни одинъ,
 Куда ихъ скрылся господинъ.
 Въ хоромахъ стѣны и картины
 Давно затканы паутиной,
 И икошь фонтаны заросли;
 Плющи, ползущіе по хорамъ,
 От самыхъ сводовъ до земли
 Зеленымъ падаютъ узоромъ,
 И какъ спокойно полевой

Ростеть кругомъ на звонкихъ плитахъ,
И вѣтеръ, шелестя травой,
Въ чертогахъ ходить позабытыхъ.

II.

Благословляю васъ, дѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И стѣнь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если-бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей растетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужъ на устахъ дрожить хвала
Всему, что благо и достойно —
Какія-жъ мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы, или войны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передамъ я торжество,
Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,

Блаженъ, кто жизнию угълъ
 Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
 Блаженъ, кто истину искалъ,
 И тотъ, кто, побѣжденный, палъ
 Въ толпѣ ничтожной и холодной,
 Какъ жертва мысли благородной!
 Но не для нихъ моя хвала,
 Не имъ восторга измѣнья —
 Мечта для пѣсень избрала
 Не ихъ высокія дѣянья,
 И не въ вѣницѣ сіяетъ Онъ,
 Къ кому душа моя стремится;
 Не блескомъ славы окружень,
 Не на звенящей колесницѣ
 Стоитъ онъ, гордый сынъ побѣдъ,
 Не въ торжествѣ величья — вѣтъ —
 Я зрю Его передо мною
 Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
 Онъ тихо, мирною стезею,
 Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
 Благихъ рѣчей своихъ отраду
 Въ сердца простыя Онъ лиетъ,
 Онъ правды алчущее стадо
 Къ ея источнику ведетъ.

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами, во плоти,
 Неся мучительное бремя,
 Онъ шелъ на жизненномъ пути!
 Зачѣмъ я не могу нести,
 О, мой Господь, Твои оковы,
 Твоими страданіемъ страдать
 И крестъ на плечи Твой пріять
 И на главу вѣнецъ терновый!
 О, если-бъ могъ я лобызать
 Лишь край святой Твоей одежды,
 Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!

О, мой Господь, моя надежда,
 Моя и сила, и покровъ!
 Тебѣ хочу я всё мышленья,
 Тебѣ всёхъ пѣсней благодать,
 И думы дня, и ночи бдѣнья,
 И сердца каждое биенье,
 И душу всю мою отдать!
 Не отвержайтесь для другого
 Отнынѣ вѣщія уста!
 Греми лишь именемъ Христа,
 Мое восторженное слово!

III.

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
 Не разъ снѣжала зной палачій,
 Не разъ, всходя, лазурный день
 Свивалъ покровъ съ природы спящей;
 И передъ странникомъ вдали
 И волновались, и росли
 Разнообразныя картины:
 Бѣлѣли снѣжныя вершины
 Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ;
 Иорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
 И Мертвое чернѣло море,
 Сливаясь съ небомъ голубымъ.
 • И вотъ, вѣясь въ стени широкой
 Чертой изогнутой легло
 Предъ нимъ Кедронсваго потока
 Давно безводное русло.

Смеркалось. Паръ струился синій;
 Кругомъ царяла тишина;
 Мерцали звѣзды; надъ пустыней
 Востодла медленно луна.
 Бреговъ сожженныхъ стремнины
 На дно сбѣгаютъ крутизной,

Спирая узкую долину
 Двойной отвѣсною стѣной.
 Внизу кресты, символы вѣры,
 Стоять въ обрывахъ здѣсь и тамъ,
 И видны странника очамъ
 Въ утесахъ рытыя пещеры.
 Сюда, со всѣхъ концовъ земли,
 Вѣжавъ мірскаго тревоженья,
 Отцы святыя притекли
 Искать покоя и спасенья.
 Съ краевъ до высохшаго дна,
 Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
 Руками ихъ возведена
 Изъ камней крѣпкая стѣна,
 Отпоръ степному сарацуну.
 Въ стѣнѣ ворота; тѣсный входъ
 Надъ ними башня стережётъ,
 Тропинка вьется надъ оврагомъ;
 И вотъ, спускаясь по скаламъ,
 При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
 Подходить странникъ къ воротамъ.
 „Тебя, безбурное жилище,
 „Тебя, познанія купель,
 „Житейскихъ помысловъ кладбище,
 „И новой жизни колыбель,
 „Тебя привѣтствую, пустыня,
 „Къ тебѣ стремился я всегда!
 „Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
 „Пріютомъ пѣсенъ и труда.
 „Всѣ попеченія мірскія
 „Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
 „Приносятъ вамъ, отцы святыя,
 „Свой даръ и гусли новый братъ“.

IV.

— „Отшельники Кедронскаго потока,
 „Игуменъ васъ сзываетъ на совѣтъ.

„Собирайтесь всё: пришедшій издалёка,
 „Вашъ новый братъ приноситъ свой привѣтъ.
 „Велики въ немъ и вѣра, и призванье,
 „Но должесть опъ пройти чрезъ испытанье.

„Изъ васъ его вручаю одному:
 „Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
 „Что разогналъ иконоборства тьму,
 „Чьиъ словомъ ложь поправа и разбита,
 „То Иоаннъ, святыиъ иконъ защита—
 „Кто хочеть быть наставникомъ ему?“

И лишь назвавъ игуменъ это имя,
 Заволновался весь монаховъ рядъ,
 И на пѣвца дивятся и глядятъ,
 И пробѣгаетъ шопоть между ними.
 Главами всё поникнувши сѣдыми,
 Съ смиреніемъ игумну говорятъ:

„Благословенъ сей славный Божій воинъ,
 „Благословенъ межъ насъ его приходъ,
 „Но кто-же здѣсь учить того достоинъ,
 „Кто правды свѣтъ вокругъ себя лѣтъ?
 „Чье слово намъ какъ колоколъ звучало —
 „Того-ль пріять дерзнемъ мы подъ начало?“

Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ;
 То черноризецъ былъ на видъ суровый,
 И строгъ его пытующій былъ взглядъ,
 И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
 „Держать посты уставы намъ велятъ,
 „Служенья-жъ мы не вѣдаемъ иного.

„Коль подъ моиъ началомъ хочешь быть,
 „Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
 „Но долженъ ты отнынѣ отложить
 „Неужныхъ думъ безплодное броженье;

„Духъ праздниости и прелесть пѣснопѣнья
„Постою, пѣвецъ, ты долженъ побѣдять.

„Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
„Ужѣ мечты житейскія попрать,
„И на уста, смиривъ свою гордыню,
„Ты наложи молчанія печать;
„Исполни духъ молитвой и печалью —
„Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалѣ!“

* * *

Замокъ монахъ. Нежданный приговоръ
Какъ громъ упалъ средь мирнаго свѣтлота.
Смутились всѣ. Пѣвца померкнулъ взоръ,
Покрыла блѣдность впамя ланиты.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто-бы отвѣта онъ искалъ,
Но отвѣчать недоставало мочи.

И началъ онъ: „Моихъ всю бодрость силъ,
„И мысли всѣ, и всѣ мои стремленья
„Одной я только цѣли посвятилъ:
„Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣннѣ.

„Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать —
„Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ;
„Весельемъ сердце не възграетъ болѣ,
„Уста сомкнетъ молчанія печать.

„Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
„Что я не разъ въ молитвахъ общалъ!
„Моей отрадой было пѣснопѣнье,
„И въ жертву ты, Господь, его избралъ!

„Настаньте-жъ дни молчанія и муки!
 „Прости, мой даръ! Ложись на гусли, прахъ!
 „А вы, въ груди взлелѣянныя звуки,
 „Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

„Спустися, ночь, на горестнаго брата
 „И тьмой его отъ солнца отлучи!
 „Померкните, затнитесь безъ возврата,
 „Можъ псалмовъ звенящяе лучи!

„Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
 „Уянься во мнѣ, взволнованная кровь!
 „Свѣти лишь ты, небесная любовь,
 „Въ моей ночи звездою лучезарной!

„О, мой Господь, прости послѣдній стонъ,
 „Послѣдній сердца страждущаго ропотъ!
 „Единый мигъ—замреть и этотъ шопотъ,
 „И встану я, Тобою возрожденъ!

„Свершилось. Мрака набѣгаютъ волны —
 „Взоръ гаснетъ — стынетъ кровь — всему конецъ!
 „Изъ міра звуковъ нынѣ въ міръ безмолвный
 „Нисходитъ къ вамъ развѣнчанный пѣвецъ!“

V.

Въ глубокомъ ущельи,
 Какъ гнѣзда стрижей,
 По желтымъ обрывамъ темвѣютъ пустынные кельи,
 Но рѣчи не слышно ничьей;
 Все тихо, пока не сберется къ служенью
 Отшельниковъ рой,
 И вторить тогда ихъ обрядному пѣнью
 Одинъ отголосокъ глухой.
 А тамъ, надъ краями долины,
 Безлюдной пустыни царитъ торжество,

И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
 Все пусто кругомъ и мертво.
 Какъ жгучее бремя,
 Такъ небо усталую землю гнететь,
 И кажется, будто-бы время
 Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полеть.
 Порой отдаленное слышно рычанье
 Голоднаго льва;
 И снова наступитъ молчанье,
 И снова шумить лишь сухая трава,
 Когда изъ-подъ камней змѣя, выползая,
 Влоснетъ чешуей;
 Крылами треща, саранча полевая
 Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
 Пустыня проснется отъ дикаго клика,
 Посыпятся камни, и тамъ, въ вышинѣ,
 Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
 Покажется въ небѣ; на легкомъ конѣ
 Появится всадникъ; надъ самымъ врагомъ
 Сдержавъ скакуна запѣннаго летъ,
 Проѣдетъ онъ мимо обители шагомъ,
 Да инокамъ сверху проклятье пошлетъ.
 И снова все стихнетъ. Лишь въ полночь орлицы
 На крыльяхъ недвижныхъ парять,
 Да вечеромъ звѣзды горять,
 И скучною таятся длинные дни вереницей.

VI.

Порою, въ тверди голубой
 Проходятъ тучи надъ долиной;
 Онѣ картину за картиной,
 Плыва, свиваютъ межъ собой.
 Такъ, въ нескончаемомъ движенъи,
 Клубится надо мной всегда
 Воспоминаній череда,
 Погибшей жизни отраженъи;

И льнуть, и вьются безъ конца,
 И вѣчно волю осаждаютъ,
 И онѣившаго пѣвца,
 Ласкаясь, къ пѣснямъ призываютъ.
 И казнью сталъ мнѣ праздный даръ,
 Всегда готовый къ пробужденью;
 Такъ ждетъ лишь вѣтра дуновенья
 Подъ непломъ глѣбующій пожаръ.
 Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
 Тѣсятся образы толпой,
 И въ тишинѣ, надъ чуткимъ ухомъ,
 Дрожить созвучій мѣрный строй;
 И я, не смѣя святотатно
 Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,
 Въ хаоса ночь гоню обратно
 Мои непѣтые псалмы.
 Но тщетно я, въ безплодной битвѣ,
 Твержу уставныя слова
 И заученныя молитвы —
 Душа беретъ свои права!
 Увы, подъ этой ризой черной,
 Какъ въ оны дни подъ багрецомъ,
 Живымъ палимое огнемъ,
 Метется сердце неповорно.
 Юдоль, гдѣ я похоронилъ
 Броженъ дѣятельныхъ силъ,
 Свободу творческаго слова —
 Юдоль молчанья рокового —
 О, передай душѣ моей
 Твоихъ стреминъ покой угрюмый!
 Пустынный вѣтеръ, о, развѣй
 Мои недремлющія думы!

VII.

Тщетно онъ просить и ждетъ отъ безмолвной юдоли покоя,
 Вѣтеръ пустынный не можетъ недремлющей думы развѣять;

Годы проходят одинъ за другимъ, все бесплодные годы!
 Все тяжелѣе надъ нимъ тяготить роковое молчанье.
 Такъ онъ однажды сидѣлъ у входа пещеры, рукою
 Грустныя очи закрывъ и внутреннимъ звукамъ внимая.
 Въ скорбному тутъ къ нему подошелъ одинъ черноризецъ,
 Паль на колѣни предъ нимъ и сказалъ: „Помоги, Іоанне!
 „Братъ мой по плоти преставился; братомъ онъ былъ по душѣ мнѣ.
 „Тяжкая горестъ снѣдаетъ меня; я плакать хотѣлъ-бы —
 „Слезы не льются изъ глазъ, но скипаются въ горестномъ сердцѣ.
 „Ты-же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную пѣсню,
 „Пѣснь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
 „Могъ я рыдать, и тоска-бы моя получила ослабу!“
 Кротко взглянулъ Іоаннъ и печально въ отвѣтъ ему молвилъ:
 „Или не вѣдаешь ты, какимъ я связанъ уставомъ?
 „Строгое старецъ на пѣсни мои наложилъ запрещенье“.
 Тотъ-же сталъ паки его умолять, говоря: „Не узнаешь
 „Старецъ о томъ никогда; онъ отсель отлучился на три дня,
 „Брата-жъ мы завтра хоронимъ; молю тебя всею душою,
 „Дай утѣшеніе мнѣ въ безпредѣльно горькой печали!“
 Паки-жъ отказъ получивъ: „Іоанне, сказалъ черноризецъ,
 „Если-бы былъ ты тѣлеснымъ врачомъ, а я-бъ отъ недуга
 „Такъ умиралъ, какъ теперь умираю отъ горя и скорби,
 „Ты-ли бы въ помощи мнѣ отказалъ! И не дашь-ли отвѣта
 „Господу Богу о мнѣ, если нынѣ умру безутѣшенъ?“
 Такъ говоря, колебалъ въ Дамаскинѣ онъ мягкое сердце.
 Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто;
 Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
 Образы мрачной явились толпой, и въ воздухѣ звуки
 Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ рыданье.
 Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то незримое пѣнье,
 Долго слушалъ, и всталъ, и, съ молитвой вошедши въ пещеру,
 Тамъ послушной рукою начерталъ, что ему прозвучало —
 Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было молчанье.

* * *

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
 Насиліе и гнѣтъ:

Она, въ душѣ рожденная свободно,
 Въ оковахъ не умереть!
 Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,
 Сковать свои мечты?
 Ужель попать въ себѣ живые звуки
 Насильно думалъ ты?
 Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,
 Блѣбеть дальній снѣгъ,
 Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный,
 Удержитъ-ли свой бѣгъ?
 И потекутъ-ли вспять струи потока,
 Чтò между скалъ гремятъ?
 И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
 Вернется-ли назадъ?

VIII.

Колоколовъ унылый звонъ
 Съ утра долину оглашаетъ;
 Покойникъ въ церковь принесенъ;
 Обрядъ печальный похоронъ
 Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
 Свѣчами свѣтится алтарь,
 Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
 Поетъ напутственный тропарь,
 Ему монахи вторять хоромъ.

ТРОПАРЬ.

„Какая сладость въ жизни сей
 „Земной печали непричастна?
 „Чье ожиданье не напрасно,
 „И гдѣ счастливый межъ людей?
 „Все то превратно, все ничтожно,
 „Чтò мы съ трудомъ приобрѣли —
 „Какая слава на земли
 „Стоитъ тверда и непреложна?

„Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
 „Исчезнетъ все какъ вихорь пыльный,
 „И передъ смертью мы стоимъ
 „И безоружны, и бессильны.
 „Рука могучаго слаба,
 „Ничтожны царскія велѣнья—
 „Прійми усопшаго раба,
 „Господь, въ блаженныя селенья!

„Какъ ярый витязь смерть нашла,
 „Меня какъ хищникъ низложила,
 „Свой зѣвъ разинула могила
 „И все житейское взяла.
 „Спасайтесь, сродники и чада,
 „Изъ гроба къ вамъ зываю я,
 „Спасайтесь, братья и друзья,
 „Да не узрите пламень ада!
 „Вся жизнь есть царство суеты,
 „И дуновенье смерти чую,
 „Мы увядаемъ какъ цвѣты —
 „Почто-же мы метемся всуе?
 „Престолы наши суть гроба,
 „Чертоги наши разрушенье —
 „Прійми усопшаго раба,
 „Господь, въ блаженныя селенья!

„Средь груды тлѣющихъ костей
 „Кто царь, кто рабъ, судья, иль воинъ?
 „Кто царства Божія достоинъ,
 „И кто отверженный злодѣй?
 „О, братья, гдѣ серебро и золото,
 „Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
 „Среди невѣдомыхъ гробовъ
 „Кто есть убогій, кто богатый?
 „Все пепель, дымъ, и пыль, и прахъ,
 „Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
 „Лишь у Тебя, на небесахъ,

„Господь, и пристань и спасенье!
 „Исчезнетъ все, что было плоть,
 „Величье наше будетъ тлѣнье —
 „Прійми усопшаго, Господь,
 „Въ твои блаженныя селенья!

„И Ты, предстательница всѣмъ,
 „И Ты, заступница скорбящимъ,
 „Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
 „Къ Тебѣ, Святая, вопиеть!
 „Моли божественнаго Сына,
 „Его, Пречистая, моли,
 „Дабы отжившій на земли
 „Оставилъ здѣсь свои кручины!
 „Все пенель, прахъ, и дымъ, и тѣнь,
 „О, други, призраку не вѣреть!
 „Когда дохнетъ въ неожиданный день
 „Дыханье тлительное смерти,
 „Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба,
 „Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ —
 „Прійми усопшаго раба,
 „Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

„Иду въ незнаемый я путь,
 „Иду межъ страха и надежды;
 „Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
 „Не внемлетъ слухъ, сонкнуты вѣжды;
 „Лежу безгласенъ, недвижимъ,
 „Не слышу братскаго рыданья,
 „И отъ кадила синій дымъ
 „Не мнѣ струитъ благоуханье;
 „Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
 „Моя любовь не умираетъ,
 „И ею, братья, васъ молю,
 „Да каждый къ Господу взываетъ:
 „Господь! Въ тотъ день, когда труба
 „Вострубитъ міра преставленье —

„Прійми усопшаго раба
 „Въ Твои блаженныя селенья!“

IX.

Такъ онъ съ монахами поетъ.
 Но вотъ межъ ними гость неожиданный,
 Нахмури брови, предстаетъ
 Наставникъ старый Іоанна.
 Суровы строгія черты,
 Главу подъявля величаво:
 „Пѣвецъ—онъ молвить—такъ-ли ты
 „Блюдешъ и чтить мои уставы?
 „Когда предъ нами братній прахъ,
 „Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
 „Въ твоихъ-ли звукахъ и стихахъ
 „Теперь нуждается покойный?
 „Изыди, инокъ недостойный—
 „Не въ нашихъ жеть тебѣ стѣнахъ!“

И гнѣвной рѣчью пораженный,
 Виновный палъ къ его ногамъ:
 „Прости, отецъ! Не знаю самъ,
 „Какъ преступилъ твои законы!
 „Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
 „Въ неодолимой сердца мукѣ
 „Невольнo вырвались звуки,
 „Невольнo пѣсня полилась!“
 И ноги старца онъ объемлетъ:
 „Прости вину мою, отецъ!“
 Но тотъ раскаянью не внемлетъ,
 Онъ говоритъ: „Бѣги, пѣвецъ!
 „Досель житейская гордыня
 „Еще жива въ твоей груди —
 „Отъ нашихъ келій отойди,
 „Не оскверняя собой пустыни!“

X.

Прошла по лаврѣ роковая вѣсть.
 Отшельниковъ смутилося собрание:
 „Нашъ Іоаннъ, Христовой церкви честь,
 „Наставника навлекъ негодованье!
 „Ужель ему прійдется перенести,
 „Ему, пѣвцу, позорное изгнанье?“
 И жалостью исполнились сердца,
 И всѣ соборомъ молятъ за пѣвца.

Но, словно столпъ, наставникъ непреклоненъ,
 И такъ въ отвѣтъ просящимъ молвитъ онъ:
 „Уставъ, что мной однажды узаконенъ,
 „Не будетъ даромъ нынѣ отиженъ.
 „Кто къ гордости и къ ослушанью склоненъ,
 „Того какъ тернъ мы вырываемъ вонъ.
 „Но если въ немъ не ложны сожалѣнья,
 „Эпитимей онъ выкупитъ прощенье.

„Пусть лавры онъ обходитъ черный дворъ,
 „Съ лопатомъ обходить и съ метлою;
 „Свой духъ смиривъ, пусть всюду грязь и соръ
 „Онъ неповорной вымететъ рукою.
 „Дотоль надъ нимъ мой крѣпокъ приговоръ,
 „И нѣтъ ему прощенья предо мною!“
 Замолокъ, и, внявъ безжалостный отказъ,
 Вся братія въ печали разошлась.

* * *

Презрѣнье, други, на пѣвца,
 Что даръ священный унижаетъ,
 Что предъ кумирами склоняетъ
 Красу лавроваго вѣнца!
 Что гласу истины и чести
 Внушенье выгодъ предпочель,

Чтó угожденію и лести
 Безстыдно продалъ свой глаголь!
 Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,
 Ему на казнь и на поворъ,
 Его безсовѣстное слово,
 Какъ всенародный приговоръ!
 Но ты, мной взалкавшій нищи,
 Ты, чтó молитвою влекомъ,
 Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
 Живущій мыслью со Христомъ,
 Ты, чтó пророческаго взора
 Предъ блескомъ міра не склонялъ —
 Испить ты можешь безъ укора,
 Весь униженія фіалъ!

И старца рѣчь дошла до Дамаскина;
 Эпитимьи условія узнавъ,
 Пѣвецъ спѣшить свои загладить вины;
 Спѣшить почтить неслышанный уставъ;
 Слѣвила радость горькую кручину.
 Безъ ропота лопату въ руки взявъ,
 Пѣвецъ Христа не мыслить о пощадѣ,
 Но униженіе терпѣть Бога ради.

* * *

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
 Воздавалъ за зло доброю —
 Избѣнъ, покрытый кровію,
 Вѣнчанъ тѣрновымъ вѣнцомъ,
 Всѣхъ съ собой страдаемъ сближенныхъ,
 Въ жизни долею обиженныхъ,
 Угнетенныхъ и униженныхъ,
 Осѣнилъ Своимъ крестомъ.
 Вы, чьи лучшія стремленія
 Даромъ гибнуть подъ ярмомъ,
 Вѣрьте, други, въ избавленіе,

Къ Божью свѣту мы градемъ.
 Вы, кручиною согбенные,
 Вы, цѣпями удрученные,
 Вы, Христу сопребенные,
 Совоскреснете съ Христомъ!

XI.

Темнѣеть. Паръ струится синій;
 Въ ущельи мракъ и тишина;
 Мерцають звѣзды, и луна
 Восходитъ тихо надъ пустыней.
 Въ свою пещеру одинокъ
 Ушелъ отшельникъ раздраженный;
 Все спитъ; луной посеребранный
 Изсякшій видится потокъ;
 Надъ нимъ скалистыя вершины
 Изъ мрака смотрять тамъ и тутъ;
 Но сердце старца не влекутъ
 Природы мирныя картины;
 Оно для жизни умерло;
 Согнувши строгое чело,
 Онъ, чуждый міру, чуждый братьямъ,
 Лежитъ, простертъ передъ раснатыемъ.
 Въ пыли сѣдая голова,
 И смерть къ себѣ онъ призываетъ,
 И шепчетъ мрачныя слова,
 И камень въ перси ударяетъ.
 И долго онъ поклоны клалъ,
 И долго смерть онъ призывалъ,
 И наконецъ, въ изнеможенъи,
 Безгласенъ наземь онъ упалъ
 И старцу видится видѣнье:

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
 И разлилось благоуханье,
 И отъ невидимыхъ высотъ

Въ пещеру падаетъ сіянье.
И въ трепетныхъ его лучахъ,
Одеждой звѣздною блистая,
Явилась Дѣва пресвятая
Съ Младенцемъ спящимъ на рукахъ.

Изъ свѣта чуднаго слиянный,
Ея небесно-кרותокъ видѣ:

„Почто ты гонишь Іоанна?“

Она монаху говорить.

„Его молитвенные звуки,

„Какъ годось неба для земли,

„Въ сердца послушныя текли,

„Врачуя горести и муки.

„Почто-жь ты, старецъ, заградилъ

„Нешадно тотъ источникъ сильный,

„Который миръ-бы напоилъ

„Водой цѣлебной и обильной!

„На то-ли жизни благодать

„Господь послалъ своимъ созданьямъ,

„Чтобъ имъ бесплоднымъ истязаньемъ

„Себя казнить и убивать?

„Онъ далъ природѣ изобилъе,

„И бѣгъ струящимся рѣкамъ,

„Онъ далъ движенъе облакамъ,

„Землѣ цвѣты и птицамъ крылья.

„Почто-жь пѣвца живую рѣчь

„Сковалъ ты заповѣдью трудной?

„Оставь его глаголу течь

„Рѣкой пѣвучей неоскудно!

„Да оросятъ его мечты

„Какъ дождь житейскую долину —

„Оставь землѣ ея цвѣты,

„Оставь созвучья Дамаскину!“

Видѣнъе скрылось въ облакахъ,

Заря выходитъ изъ тумана...

Встаетъ встревоженный монахъ,

Зоветь и ищетъ Юанна —
 И вотъ обнялъ его старикъ:
 „О, сынъ смиренія Христова,
 „Тебя душою я постигъ —
 „Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
 „Отверзи вѣщія уста,
 „Твои окончены гоненія;
 „Во имя Господа Христа,
 „Пѣвецъ, святія вдохновенія
 „Изъ сердца звучнаго налей —
 „Меня-жъ, молю, прости, о, чядо,
 „Что слову вольному преградой
 „Я былъ, по грубости моей!“

XII.

Воспой-же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
 Возрадуйся жизнию новой!
 Исчезла косненія долгая пѣснь,
 Воскресло свободное слово!

Того, кто оковы души сокрушилъ,
 Да славить немолчно созданье!
 Да хвалить торжественно Господа силъ
 И солвце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
 И всякое въ мирѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
 И мыслить, и молвить возможно!
 Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
 Во имя Твое онъ выходитъ на бой
 Со всѣмъ, что неправо и ложно!

Раздайся-жъ, воскресная пѣсня моя,
 Какъ солнце взойди надъ землею!
 Расторгни убійственный сонъ бытія

И свѣтъ лучезарный повсюду лия,
Громи, что создано тьмою!

* * *

Не съ дикихъ падаетъ высота,
Средь темныхъ скалъ потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми —

То Иоанна льется рѣчь,
И сила исполненная новыхъ,
Она громитъ, какъ Божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей выиграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ —

То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликование христіанъ —
То славить рѣчию свободной
И хвалить въ пѣсняхъ Иоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

ГРЪШНИЦА.

I.

Народъ кипить; веселье, хохоть,
 Звонъ лютей и киваловъ грохоть,
 Кругомъ и зелень, и цвѣты,
 И межъ столбовъ, у входа дома,
 Парчи тяжелой переломы
 Тесьмой узорной подняты.
 Чертоги убраны богато,
 Вездѣ горить хрусталь и злато,
 Возницъ и коней полонъ дворъ;
 Тѣсясь за трапезой великой,
 Гостей пируетъ шумный хоръ,
 Идетъ, сливаясь съ музыкой,
 Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
 Они свободно говорятъ
 О ненавистномъ игѣ Рима,
 О томъ, какъ властвуетъ Пилать,
 О ихъ старшинѣ собранья тайномъ,
 Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
 И мужѣ томъ необычайномъ,
 Чтѣ появился въ ихъ странѣ:

II.

„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
 „Народъ смиренью онъ училъ,
 „Онъ всѣ законы Моисея
 „Любви закону подчинилъ.
 „Не терпѣть гнѣва онъ, ни щеня,
 „Онъ проповѣдуетъ прощенье,
 „Велитъ за зло платить добромъ,

„Есть неземная сила въ немъ:
 „Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
 „Даритъ и крѣпость, и движенье
 „Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
 „Ему признанія не надо,
 „Сердце мышленье отперто,
 „Его пытающаго взгляда
 „Еще не выдержалъ никто.
 „Цѣля недугъ, врачуя муку,
 „Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
 „И всѣмъ простеръ благую руку
 „И никого не осудилъ.
 „То, видно, Гогомъ мужъ избранный.
 „Онъ тамъ, по бнполю Иордана
 „Ходилъ какъ посланный небесъ,
 „Онъ много тамъ свершилъ чудесъ,
 „Теперь пришелъ онъ, благодушный,
 „На эту сторону рѣки,
 „Толпой прилежной и послушной
 „За нимъ идутъ ученики“.

III.

Такъ гости, виѣстѣ разсуждая,
 За длинной трапезой сидятъ,
 Межъ ними чашу осушая,
 Сидитъ блудница молодая.
 Ея причудливый нарядъ
 Невольно привлекаетъ взоры:
 Ея нескромные уборы
 О грѣшной жизни говорятъ.
 Но дѣва падшая прекрасна,
 Взирая на нее, наврядъ,
 Предъ силой прелести опасной
 Мужи и старцы устоятъ:
 Глаза насмѣшливы и смѣлы,
 Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
 Какъ зной улыбка горяча;

Вкруг стана падая широко,
 Сквозныя ткани дразнить око,
 Съ нагого спущены плеча.
 Ея и серьги, и запястья,
 Звены, къ восторгамъ сладострастья,
 Къ утѣхамъ пламеннымъ зовуть,
 Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
 И тѣнь бросая на ланиты,
 Во всекъ обліи красы,
 Жемчужной нитью перевиты,
 Падутъ роскошныя власы.
 Въ ней совѣсть сердца не тревожить,
 Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
 Купить за злато всякій можетъ
 Ея продажную любовь.

И вмешать дѣва разговорамъ,
 И ей они звучать укоромъ,
 Гордыня пробудилась въ ней,
 И говорить съ хвастливымъ взоромъ:
 „Я власти не страшусь ничьей!
 „Закладъ со мной держать хотите-ль?
 „Пускай предстанетъ вашъ учитель,
 „Онъ не смутитъ моихъ очей!“

IV.

Вино струится, шумъ и хохоть,
 Звонъ лютей и киваловъ грохоть,
 Куренье, солнце и цвѣты —
 И вотъ къ толпѣ, шумящей праздню,
 Подходить мужъ благообразный.
 Его чудесныя черты,
 Осанка, поступь и движенья,
 Во блескѣ юной красоты,
 Полны огня и вдохновенья;
 Его величественный видъ
 Неотразимой дышетъ властью,

Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участя,
 И взоръ въ грядущее глядитъ.
 То мужъ на смертныхъ не похожій,
 Печать избранника на немъ,
 Онъ свѣтлъ какъ архангелъ Божій,
 Когда пылающимъ мечомъ
 Врага въ крошечныя оковы
 Онъ гналъ по манію Іегобы.
 Невольно грѣшная жена
 Его величьемъ смущена,
 И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
 Но, вспомя свой недавній вызовъ,
 Она съ сѣдалища встаетъ,
 И станъ свой выпрямивши гибкой,
 И смѣло выступивъ впередъ,
 Пришельцу съ дерзкою улыбкой
 Фіалъ шипящій подаетъ.

„Ты тотъ, что учить отреченью?
 „Не вѣрю твоему ученю,
 „Мое надежнѣя и вѣрнѣя.
 „Меня смутить не мысли нынѣ,
 „Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
 „Въ постѣ проведеншій сорокъ дней!
 „Лишь наслажденьемъ я влекома,
 „Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
 „Я вѣрю только красотѣ,
 „Служу вину и поцѣлую,
 „Мой духъ тобою неволнуемъ,
 „Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея еще звучала,
 Еще смѣялася она,
 И пѣна легкая вина
 По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
 Какъ общій говоръ вокругъ возникъ,
 И слышитъ грѣшница въ смущеньи:

„Она ошиблась! Въ заблужденъе
 „Ее привелъ пришельца лигъ:
 „То не Учитель передъ нею,
 „То Иоаннъ изъ Галилеи,
 „Его любимый ученикъ“.

V.

Небрежно немощнымъ обиданъ
 Внималъ онъ дѣвы молодой,
 И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
 Подходить къ храминѣ другой.
 Въ его смиренномъ выраженьи
 Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
 Но мысль глубокая легла
 На очеркъ дивнаго чела.
 То не пророка взглядъ орлиный,
 Не прелесть ангельской красоты —
 Дѣлятся на двѣ половины
 Его волнистые власы;
 Поверхъ хитона упавая,
 Одѣла 'риза шерстяная
 Простою тканью стройный ростъ,
 Въ движеньяхъ скромнѣе онъ и простъ;
 Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
 Слегка раздвоена брада —
 Такихъ очей благихъ и ясныхъ
 Никто не видѣлъ никогда.
 И пронеслося надъ народомъ
 Какъ дуновение тишины,
 И чудно благостнымъ приходомъ
 Сердца гостей потрясены.
 Замолкнувъ говоръ. Въ ожиданьи
 Сидитъ недвижимое собранье,
 Тревожно духъ перевода —
 И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
 Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
 И въ домъ веселья не входя,

На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачноѣ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таино,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужась ея овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла въ изумленья,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаяся зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днѣмъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ преновъ,
Она, колебляся, стояла....
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Влѣдѣветъ грѣшница младая,
Дрожать открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Моцарта и Гёфманна.

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, dass der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann.

ПРОЛОГЪ.

**Красивая страна. Весенний вечеръ. Захождение солнца.
Небесные дужи спускаются на землю.**

ДУХИ.

Изъ иной страны чудесной,
Людямъ въ горести помочь,
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь:
Принести живое слово,
Жатвы всѣ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить!

ОДИНЪ ДУХЪ.

Жаль мнѣ рода, что для хлѣба
 Маять вѣкъ свой осужденъ;
 Мысль его стремится въ небо,
 Самъ надъ плугомъ онъ согбенъ;
 Всѣмъ страданьямъ, безъ изъятья,
 Долженъ данъ онъ заплатять,
 И не лучше-ль было-бъ, братья,
 Вовсе смертному не жить?

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Всѣ явленія вселенной,
 Всѣ движенья вещества —
 Все лишь отблескъ Божества,
 Отраженьемъ раздробленный!
 Врозь лучи его скользя,
 Раздѣлились безпредѣльно,
 Миръ земной есть лучъ отдѣльный —
 Не свѣтить ему нельзя!

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
 Нераздѣльно въ немъ слита
 Совокупность всѣхъ явленій,
 Всѣхъ сіяній полнота;
 Но струящаясь отъ Бога
 Сила борется со тьмой;
 Въ Немъ могущества покой —
 Вкругъ Него время тревога!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Мірозданіемъ раздвинуть,
 Хаосъ мстительный не спитъ:
 Искаженъ и опрокинутъ,
 Божій образъ въ немъ дрожитъ;
 И всегда, обмановъ полный,

На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Огнь старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

И усилямъ духа злого
Вседержитель волю даль,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Вѣчно вокругъ текутъ созвѣзды,
Вѣчно свѣтомъ кракъ снѣговъ:
Нарушенъе и возмездье
Есть движенія законъ.
Черезъ всемірное явленье
Богъ проводитъ мысль одну
И, какъ символъ возрожденья,
За зимой ведетъ весну!

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Вотъ она, весна младая,
Свѣжихъ трепетомъ полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
Въ неба синія объятъя
Поднялась земли краса —
Тише! Слышите-ли, братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятъя,
Всѣ природы голоса!

ВСЯ.

На изложинахъ росистыхъ,
 На поверхности озеръ,
 Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
 И куда ни кинешь взоръ,
 Всюду звонкая тревога,
 Всюду въ зелень убрана,
 Торжествуя, хвалить Бога
 Жизни полная весна!

ПРОХОДЯТЪ ОБЛАКА.

Миновало холодное царство зимы,
 И на встрѣчу движенью живому,
 Въ юныхъ солнца лучахъ позлатились мы
 И по небу плывемъ голубому.
 Миновало холодное царство снѣговъ,
 Не гонимы погодою бурной,
 Въ парчевой мы одѣты снова покровъ,
 Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

РАСЦВѢТАЮТЪ ЦВѢТЫ.

Снова небо съ высотъ улыбается намъ,
 И головки поднимъ понемногу,
 Воздымаемъ изъ нашихъ мы чашъ ениамъ,
 Какъ моленіе Господу Богу!

ПРОЛЕТАЮТЪ ЖУРАВЛИ.

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
 Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
 Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
 Длинной цѣпью вѣсь издалека.
 Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли,
 Здѣсь кончается наша дорога,
 И мы кружимся вокругъ, журавли, журавли,
 Хвалимъ криками Господа Бога!

ОЗЕРА И РЪКИ.

Зашумѣли ручьи и расторгнулся ледъ,
 И сквозять темно-синія бездны,
 И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
 Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
 Въ красотѣ лучезарной и звѣздной.
 И вверху, и внизу, все міры безъ конца,
 И двояко является вѣчность:
 Высота съ глубиной хвалить вмѣстѣ Творца,
 Славятъ вмѣстѣ его безконечности!

СОЛНИЦЕ ЗАШЛО, ВЪ РОЩѢ ЗАПѢВАЕТЪ СОЛОВЕЙ.

Нисходитъ ночь на міръ прекрасный,
 Кругомъ все дышетъ тишиной;
 Любви и грусти полною страстной,
 Пою одинъ про край иной!
 Весеннихъ листьевъ трепетанье,
 Во вѣтвяхъ вѣющіе сны,
 Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
 Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
 Другой, невѣдомой весны!

ДУХИ.

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою,
 Чей духъ молитвъ не закрыть,
 Кто вмѣстѣ съ юною землею
 Творца міровъ благодарить,
 Но мыслью, вѣчно восходящей,
 Не въ жизни ищетъ идеалъ,
 И кто души своей любящей
 Упорно къ ней не приковалъ!

СОЛОВЕЙ.

Весны томительная сладость,
 Тоска по дальней сторонѣ,

Любовь и грусть, печаль и радость,
 Всегда межуются во мнѣ;
 Но въ ихъ неровномъ колыханьи
 Полны надеждъ мои мечты:
 Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
 Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
 Другой, далекой красоты!

ДУХИ.

Чѣмъ тѣни сумрачнѣй ночныя,
 Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй:
 Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи,
 Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
 Кто среди тьмы денницы новой
 Провидитъ радостный восходъ
 И утѣшительное слово
 Средь общихъ слезъ произнесетъ!
 И тьму пусть терпитъ Божья воля,
 Явленій двойственность храня —
 Блаженны мы, что наша доля
 Быть представителями дня!
 Пути Творца необъяснимы,
 Его судьбъ таинственъ ходъ,
 Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
 Дорогой свѣтлою идетъ!

ГОЛОСЪ.

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
 Что на землѣ теперь весна.
 Жаль только, что ея краса недолговѣчна,
 И декорация ужъ слишкомъ непрочна!

ДУХИ.

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
 Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

ГОЛОСЪ.

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
 Необходимости логическая дань.
 Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
 Я черная та ткань,
 По коей шьете вы нарядные цвѣточки.

ДУХИ.

Зарницы блещутъ. Изъ болотъ
 Съдой туманъ клубится и встаетъ,
 Земля подъ нами задрожала —
 О, братья, близко здѣсь недоброе начало!

ГОЛОСЪ.

Хотя не Слово я, за то я—всѣ слова!
 Все двигаю собой, куда лишь самъ ни двинусь;
 По математикѣ я—инусь,
 По философіи — изнанка божества;
 Короче, я ничто, я жизни отрицанье;
 А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
 То я тотъ самый матерьялъ,
 Который послужилъ для мірозданья.
 Клеветникамъ на зло, прогрессъ во всемъ любя,
 Чтобъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
 Не пожалѣлъ отдать часть собственного тѣста,
 Чтобъ выглянуться могъ вселенной сложный шаръ;
 А такъ какъ быть нельзя, не записавъ мѣста,
 То въ остальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.
 Когда вы, полные восторженной хвалою,
 Поднявши очи къ небесамъ,
 Акаеисты свои поете фистулою,
 Я къ звонкимъ вашимъ дискантамъ —
 Фундаментальный басъ.

ДУХИ.

По дерзостнымъ рѣчамъ
 Тебя узнать легко. Явись же лучше къ намъ

И не веди происхожденья
 Хвастливо отъ предвѣчной тьмы;
 Увы, ты былъ, до дня паденья,
 Такииъ же свѣтлымъ, какъ и мы!

ГОЛОСЪ.

Мнѣ грамату мою отстаивать—безплодно;
 Во мнѣ такъ много есть сторонъ,
 Что быть готовъ я, коль угодно,
 Не что иное, какъ *бурбонъ*.
 Но если съ этой точки зрѣнья
 Мы будемъ на мое смотрѣть происхожденье,
 Тогда осмѣлюся сказать,
 Вамъ не во гнѣвъ и не въ обиду,
 Что я, имѣвъ несчастье потерять
 Архангельскій мой видъ, лишился вовсе виду.
 Поэтому, коль я вамъ подлинно собратъ,
 То одолжите мнѣ, любезные собратья,
 Какой-нибудь нарядъ,
 Приличный обликъ, или платье!

ДУХИ.

Бери любой; явился намъ
 Какъ змій, какъ воронъ, иль иначе!

САТАНА—является въ видѣ чернаго ангела.

Вотъ такъ извѣстенъ я пѣвцамъ,
 А живописцамъ наипаче.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Замолкнулъ соловей, поблекнули цвѣты,
 Подернулись звѣзды облаками...
 Скажи, погибшій братъ, чего здѣсь хочешь ты,
 И чтó есть общаго межъ нами?

ВТОРОЙ ДУХЪ

Духъ отрицанія, безвѣрія и тьмы,
 Духъ возмущенья и гордыни!

Тебя ли снова видимъ мы,
Врага и правды и святыни?

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Ты-ль, мной самимъ, какъ червь, низверженный во прахъ,
Теперь, съ насмѣшкой на устахъ,
Дерзашь въ сонмѣ семъ являться?

САТАНА.

Превосходительный! не стыдно-ль такъ ругаться?
Припомни: въ оный день, когда я вздумалъ самъ
Владыкой сдѣлаться вселенной
И на великій бой поднялся дерзновенно
Изъ бездны къ небесамъ,
А ты, чтобъ замысламъ противостать свободнымъ—
Съ негодованьемъ благороднымъ,
Какъ ревностный жандармъ, съ небесъ на встрѣчу мнѣ
Пустился и меня шарахнулъ по спинѣ,
Не я-ль въ той схваткѣ благотворной
Тебѣ былъ точкою опорной?
Ты сверху напиралъ, я снизу далъ отпоръ;
Потомъ вернулся мы, я внизъ, ты въ поднебесье,
И во движеніи силъ всемірныхъ съ этихъ поръ
Установилось равновѣсье.
Но еслибъ не пришлось тебѣ меня сшибить
И, прыгнувъ сгоряча, ты мимо далъ бы маху,
Куда, осмѣлюся спросить,
Ты самъ бы полетѣлъ сразмаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это все *дѣла давно минувшихъ дней,*
Преданья старины глубокой—
Кто вспомнить старое, того да лопнетъ око!

ДУХИ.

Какое-жъ нынѣ замышленье
Тебя изъ бездны вызвало опять?

САТАНА.

Хотѣлось мнѣ, для развлеченья,
 Весной немножко погулять.
 Но, впрочемъ, у меня есть и другое дѣло.
 Колю вамъ бесѣдовать со мной не надоѣло,
 Охотно сообщу задуманный мной планъ.

Садитса на обгорѣлый пень.

Есть юноша въ Севильѣ, донъ-Жуанъ,
 А по фамилии — де-Марања.
 Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
 Чуть пухокъ поросла младая борода,
 Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
 И безпокойство видны иногда.
 Какъ размышляетъ онъ глубоко,
 И какъ задумчивъ онъ порой!
 Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
 Стремится онъ неопытной душой;
 Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ,
 Или любви коснется разговоръ,
 Его рука уже на шпагѣ,
 Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
 Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
 Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
 Когда онъ клонитъ такъ притворно
 Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
 За то какъ иногда онъ смѣло
 На нихъ украдкою глядитъ!
 Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ ...
 О, молодость моя, куда ты улетѣла!
 Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
 Мечтателемъ когда-то былъ и я,
 Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ.

О, Сатана, кого называлъ ты намъ!
 Сей донъ-Жуанъ любимецъ есть природы,

Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
 Предъ нимъ преклонятся народы,
 Онъ будетъ славенъ до конца,
 Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
 Къ нему ты не прострешь руки своей преступной —
 Познай: сей донъ-Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА.

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
 Я знаю, сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ,
 И юношу всѣмъ сердцемъ возлюбя,
 Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ.

Но гдѣ же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА.

Оно и не легко. И дорого, да мило!
 Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
 Вѣдь, каждый данный пунктъ, характеръ, или лискъ,
 Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
 И кверху продолжить и книзу.
 Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ,
 Какъ иногда моя мѣняется натура:
 Взберусь наверхъ — я мрачный идеаль;
 Спущусь внизъ — карриатура.
 Теперь, какъ съ каедры адъюнктъ,
 Я вашего прошу вниманья:
 Любую женщину возьмемъ какъ данный пунктъ;
 Коль кверху продолжимъ ея мы очертанье,
 То наша линия, какъ я уже сказалъ,
 Прямохонько въ ея упрется идеаль,
 Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
 Для каждой личности заранѣ припасенный.
 Я этотъ прототипъ, незримый никому,
 Изъ дружбы покажу любимцу моему.
 Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть вѣскольکو годящемъ,

Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
 Онъ вмѣсто копій все зрѣть оригиналь,
 Послѣдній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
 Когда-жъ захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,
 Въ объятіяхъ любви найти себѣ блаженство,
 Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
 И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
 И пусть онъ бѣсится. Пусть ловить съ вѣчной жаждой
 Все новый идеалъ въ объятіяхъ дѣвы каждой!
 Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
 Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
 Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
 И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовить горе!

ДУХИ.

О, духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ,
 Кто жаждетъ лишь обнять чтó вѣчно и прекрасно,
 Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ,
 И ты сгубить его надѣешься напрасно.
 Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
 Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!

САТАНА.

Вотъ въ этомъ-то и закорючка.
 Уладить дѣло надо такъ,
 Чтобы, во что бы то ни стало,
 Все подъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ,
 И съ толку сбился бы искатель идеала.
 Вѣдь, чорту, говорятъ, достаточно схватить
 Кого-нибудь хоть за единый волосъ,
 Чтобъ душу всю его держать за эту нить,
 И чтобы съ нимъ она ужъ не боролась;
 А донъ-Жуанъ душой какъ ни высокъ,
 И какъ ни велики въ немъ правила и твердость,
 Я у него одинъ подмѣтилъ волосокъ,
 Которому названье—гордость!

ДУХИ.

О, братья, окружимъ незримою толпой
 Младое сердце довъ-Жуана,
 Съ врагомъ въ упорный вступимъ бой,
 Да не свершится надъ нимъ обмана!
 Туманъ и иракъ разгонимъ съ юныхъ думъ,
 Да явится имъ истины дорога!

САТАНА.

Къ чему весь этотъ трескъ и шумъ?
 Помигуйте, побойтесь Бога!
 Зачѣмъ кричатъ заранѣ: караулъ!
 Могу сказать вамъ непритворно,
 Мое вліянье благотворно,
 Безъ дѣла праведникъ пожалуй бы заснулъ.
 Повѣрьте, для людей толчки полезны эти,
 Какъ гальванизмъ полезенъ для больныхъ,
 И еслибъ чорта не было на свѣтѣ,
 То не было бы и святыхъ!

ДУХИ.

Довольно. Въ сумракѣ земля уже почла,
 Безмолвенъ лѣсъ, тиха поверхность водъ,
 Покой и миръ для смертныхъ настаеъ....
 Да сгинетъ Сатаны завистливая сила!

САТАНА.

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ, чья возьметъ!

Исчезаетъ.

ДУХИ — одни.

Въ тревожномъ жизни колебани
 Всегда съ душой враждуетъ плоть;
 Да озаритъ твое сіянье
 Стезю блудящаго, Господь!
 Но если, пламенный и страстный,

Онъ слѣпо вступитъ въ мракъ и ночь,
 Въ часъ испытанья, въ часъ опасный,
 Дозволь намъ слабому помочь!
 Твои пути необъяснимы,
 Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
 Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
 Дорогой свѣтлою идетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ПРОЛОГА.

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛЪ ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Засѣданіе въ Casa Santa. Инквизиторъ, три члена, фискаль
 и секретарь. У дверей стража.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Предметъ, о коемъ разсуждать мы будемъ,
 Уже извѣстенъ вамъ, святые братья:
 Надъ исполнителями Sant'Officio,
 Тому три дня, открыто свершено
 Ужасное, несмыханное дѣло.
 Прочтите обвиненіе, фискаль.

ФИСКАЛЬ—читаетъ.

„Три дня тому назадъ, святое братство
 „Подъ стражею вело изъ Антекеры
 „Въ тюрьму отпавшаго Мориско. Вдругъ,
 „Одѣтый въ плащъ, черты сокрыты шляпой,
 „На нихъ напалъ какой-то кавалеръ.
 „Съ угрозами и шпагою махая,
 „Онъ многихъ ранилъ, прочихъ разогналъ,
 „Преступника-жъ освободилъ и скрылся“.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Мориско былъ назначенъ на костеръ —
Святая церковь вопіеть о нести.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

И не нашли виновнаго?

ФИСКАЛЬ.

Слѣдъ найденъ.

При кавалерѣ былъ его слуга.
Агентъ, узнавъ его по описанью,
Подговорилъ идти съ собой въ трактиръ;
Тамъ скваченъ онъ и ждетъ теперь допроса.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Дозволить ли священный предсѣдатель
Намъ допросить агента и слугу?

ИНКВИЗИТОРЪ—къ офицеру стражи.

Сеньоръ Мигель, введите ихъ обоихъ.

Входятъ шпіонъ и Лепорелло. Последний съ
завязанными глазами.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сними съ себя повязку, сынъ мой. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО—снимая повязку.

Ай, ай! Гдѣ я?

Увидѣвъ шпіона.

А, господинъ Діэго!
Такъ поступать нечестно. Вы меня
Своими недавно другомъ называли!

ФИСКАЛЬ.

Преступникъ, отвѣчай, кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте—

Меня вчера на улицѣ онъ встрѣтилъ,
Подговорилъ съ нимъ вмѣстѣ отобѣдать,
И угостилъ пуляркой. А теперь...

ФИСКАЛЬ.

Теперь, когда ты отвѣчать не станешь,
Ты будешь пыткой угощенъ. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Я, господинъ почтенный? Я не знаю.

ФИСКАЛЬ—къ инквизитору.

Позволите-ль желѣзныя ему
Надѣть ботинки?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что за вздоръ? Зачѣмъ?

Я сущю вамъ правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенокъ.
Коль по моимъ наклонностямъ судить,
Я гранда сынъ, а можетъ-быть прелата!

ФИСКАЛЬ.

Сеньоръ Мигель! Желѣзныя ботинки!

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Не будемъ торопиться.

Къ шпиону.

Что съ тобой

Онъ говорилъ, когда вы вмѣстѣ шли?

ШПИОНЪ.

Онъ хвастался, что съ господиномъ онъ
Преступника избавилъ отъ кюстра.

Слуга онъ донъ-Жуана де-Маранья
И соучастникъ въ дѣлѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО—тихонько къ шпиону.

Фуй, Діэго!

Мы говорили вмѣстѣ какъ друзья;
Что я тебѣ за рюмкой сообщилъ,
Должно остаться было между нами!

ШПИОНЪ.

Его прозванье Лепорелло. Онъ
Уже лѣтъ десять служитъ донъ-Жуану.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не хорошо, Діэго; право, стыдно!
Я вижу, ты болтушь. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя-ль скорѣй домой меня отправить?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вмѣстѣ вы съ Мараньей, на дорогѣ,
Напали на святую инквизицію?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кто? Я? Избави, Воже! Я былъ сзади!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Теперь ты долженъ все намъ рассказать,
Что о своемъ ты знаешь господинѣ:
Какихъ онъ лѣтъ? И кто его друзья?
И часто-ль въ церковь ходитъ онъ? И кто
Въ интригѣ съ нимъ? И что онъ говоритъ?
И какъ онъ судить о священномъ братствѣ?
Все долженъ откровенно ты повѣдать,
Или мученья пытки испытать.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилюте, священный председатель!
 Вы столько задали вопросов вдругъ,
 Что съ памятью сперва собраться надо,
 Чтобъ по-ряду на все вамъ отвѣчать.
 Какихъ онъ лѣтъ? Я думаю, ему
 Лѣтъ двадцать-пять, а можетъ-быть, и болѣ.
 Какіе у него друзья? Ихъ много,
 Но, кажется, онъ имъ не очень вѣритъ...
 И хорошо онъ дѣлаетъ! Чтѣ дружба?!
 Вотъ этотъ господинъ меня сейчасъ
 Пуляркой угостилъ; теперь же онъ
 Показываетъ на меня. Діэго!
 Признайся, братъ, что скверно?

ФИСКАЛЬ.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, чтѣ-жъ еще? Да! часто-ль ходить въ церковь?
 Коль правду говорить—не слишкомъ часто;
 Такъ, развѣ для забавы; да и то,
 Когда въ кого влюбленъ, то встрѣчи ради.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ интригѣ съ кѣмъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Онъ-то? Правый Боже!
 Да съ кѣмъ въ интригѣ не былъ донъ-Жуанъ?
 Подумать страшно! Вѣрите-ль, сеньоръ,
 Изъ силъ я выбился носить записки
 И на часахъ стоять то тутъ, то тамъ.
 Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ по Европѣ:
 Не пропустилъ ни гдѣ онъ никого;
 Чтѣ городъ, то интрига; а въ иныхъ

По десяти, по двадцати случалось.
 Ужъ я ему, бывало, говорю:
 Сенборъ, остепенитесь! Такъ вотъ нѣтъ же!
 Вотъ такъ и преть его въ интриги; право;
 И точно будто ищетъ онъ чего-то;
 Попробуетъ одной, давай другую!
 Какъ будто женщины не всѣ равны.
 Вѣдь, согласитесь, отцы святые,
 У курицы одинъ и тотъ же вкусъ,
 Что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ бѣлымъ!

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Немножко дерзокъ этотъ Лепорелло,
 Но вѣстѣ глупъ. Изъ болтовни его
 Намъ кое-что, быть-можетъ, пригодится.

Къ Лепорелло.

Твой господинъ великій грѣховодникъ.
 Теперь въ кого влюбленъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ донну-Анну,
 Въ дочь командора донъ-Альвара. Но
 Не слишкомъ-то податлива она;
 Ужъ съ мѣсяцъ мы волочимся напрасно.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Что говорить онъ про духовныхъ лицъ?
 Объ инквизиціи святой какъ мыслить?
 Въ его рѣчахъ, съ друзьями, за виномъ,
 Или съ любезной въ тайныхъ разговорахъ,
 Загѣтна-ль ересь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Правду вамъ сказать,
 Съ любезными своими донъ-Жуанъ
 Не много говорить о богословьи.

ИНВЕЗИТОРЪ.

Но быть не можетъ, чтобъ въ его рѣчахъ
Ты ереси преступной не подслушалъ.

ФИСКАЛЬ.

Подумай, вспомни. Дай намъ въ руки нить,
Чтобъ до его безвѣрія добраться—
Не то, готовься къ пыткамъ. Выбирай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, вѣдь я его слуга:
Не честно доносить на господина!

ФИСКАЛЬ.

Сеньоръ Мигель, желѣзные ботинки!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Я вспомнилъ! Погодите!
Дозвольте только мнѣ одинъ вопросъ:
Бѣды ему отъ этого не будетъ?
Вѣдь это только такъ? Изъ любопытства?

ФИСКАЛЬ.

Изъ любопытства.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А когда я вамъ
Все расскажу, меня вы отошлете?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Когда ты все расскажешь намъ, мой сынъ,
И приведешь точь-въ-точь его слова,
Тебѣ даруетъ церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если-жъ ты
Хотя одно лишь слово утаишь,

Я долженъ буду, съ сокрушеннымъ сердцемъ,
На пытку согласиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Понимаю.

Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
„Святые братья глупы. Человѣкъ
„Молиться воленъ какъ ему угодно.
„Не влѣзешь силой въ совѣсть никому,
„И никого не вгонишь въ рай дубиной“.
Онъ говорилъ, что мавры и мориски
Народъ полезный былъ и работающій;
Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманинъ, иль еретикъ,
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравнивали всѣхъ правами,
То не было-бъ ни отъ кого вражды.
„Поэтому“, такъ говорилъ мой баринъ,
„Святые братья глупы“. Даже стыдно
Передавать имъ вамъ такія рѣчи,
Но часто слышалъ я, какъ донъ-Жуанъ
Говаривалъ: „святые братья глупы“.

ФИСКАЛЪ.

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя въ желѣзную посадятъ клѣтку!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ этого ужъ я не понимаю:
Молчу—ботинки; ротъ разину—клѣтка!

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Оставьте, братъ фискаль. Слова глупца

Святѣни нашей оскорбить не могутъ.

Къ Лепорелло.

Послушай. Съ господиномъ ты своимъ,
Вы совершили вмѣстѣ преступленье,
Которое заслуживаетъ смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный судъ согласенъ,
Съ тѣмъ, чтобы свято намъ ты обѣщалъ
Слѣдить и наблюдать за донъ-Жуаномъ.
О каждомъ шагѣ долженъ ты его,
О каждомъ словѣ доносить—не то—
Увы, мой сынъ—смерть и проклятье церкви!

ЛЕПОРЕЛЛО—въ сторону.

Вотъ этого еще недоставало!

Къ инквизитору.

Извольте, я готовъ за нимъ слѣдить
И доносить про все съ благоговѣньемъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Иди же съ миромъ.

Показавъ ему кошелекъ.

А червонцы эти

Дарить тебѣ святая инквизиция.

ЛЕПОРЕЛЛО — кладя кошелекъ въ карманъ.

Веру—изъ уваженья. Господина-бъ
Не продалъ я ни за какія деньги.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ступай, мой сынъ, но помни обѣщанье!

ФИСКАЛЪ.

Коль будешь ты болтать—костеръ и пытка!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не безпокойтесь, отцы святые,

Все можно сдѣлать лаской изъ меня.
 Мое почтеніе всему собранью!
 А вы, сеньоръ Діэго, вы себѣ
 Другихъ друзей ищите; на меня
 Вы болѣ не надѣйтесь. Вашъ слуга!
 Лепорелло и шпіонъ уходятъ въ сопровожденіи стражи.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сомнѣнья нѣтъ. Преступникъ былъ Маранья,
 Еретикъ онъ, святого братства врагъ,
 И на кострѣ заслуживаетъ смерть.

ФИСКАЛЪ.

Давно прихѣръ остывшей вѣрѣ нуженъ.
 Вездѣ сильнѣе ересь возрастаетъ,
 И слабые колеблются умы.
 Сожженъе донъ-Жуана де-Маранья
 Спасетъ отъ казни тысячу другихъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Такъ. Но принять въ соображенъе надо,
 Что онъ испанскій грандъ, богатъ связями,
 Что явной на него улики нѣтъ,
 И что отъ словъ онъ можетъ отказаться.
 Когда его мы прямо обвинимъ,
 Надѣлаетъ процессъ нашъ много шума,
 А преступленъе такъ невѣроятно,
 Что ропотъ всѣхъ подымется на насъ.
 Пожалуй, самъ король за донъ-Жуана
 Заступится, и этимъ пошатнется
 Религін святой авторитетъ.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

Процессъ начать неловко. Но нельзя-жъ
 Еретика оставить на свободѣ.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Избавиться его есть много средствъ.

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Цѣль освящаетъ средства. Братство наше
Намъ дозволяетъ въ случаяхъ подобныхъ
Къ кинжалу, или къ яду прибѣгать.

ФИСКАЛЬ.

Торжественную казнь въ глазахъ народа,
Великолѣпное auto-da-fe,
Я предпочелъ бы этой темной казни;
Но если всѣ согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжаль.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ, мы въ настоящемъ засѣданьи
Торжественно, но тайно объявляемъ
Еретикомъ Жуана де-Маранья,
Ему же нынѣ смертный приговоръ
Постановляемъ всѣ единогласно.
Да будетъ такъ. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ ДОНЪ-ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое
письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опомнись, донъ-Жуанъ! Какое чувство
Въ твоей груди проснулося опять?
Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
Въ тебѣ записка эта пробудила?
Чѣмъ донна-Анна лучше всѣхъ другихъ?
Такой же стань, и гибкій, и прекрасный,
Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
Я прижималъ горячія уста;

Такой же голось и такой же взглядъ
Не разъ меня Мадонной заклинали...
И этотъ взглядъ, и голось, и моленья,
И мой восторгъ, и жизни поднота —
Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
Отъ женщины, которую любилъ я,
Которую такъ ставилъ высоко,
И на землѣ небеснымъ исключеньемъ
Считалъ — не оставалось ничего —
Она была такая-жъ, какъ другія!
А, кажется, я понималъ любовь!
Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
Она меня родила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по мірозданью,
Въ другомъ я сердцѣ вѣстѣ-бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій,
И сжатымъ свѣтомъ ярко-бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
О, если бы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
Хотя-бъ одна сдержала обѣщанье!
Я имъ не измѣнялъ — нѣтъ, нѣтъ — онѣ,
Онѣ меня безстыдно обманули,

Мой идеаль онѣ мнѣ подиѣнили,
 Подставили чужую личность мнѣ,
 И ихъ любить, на мѣсто совершенства —
 Вотъ гдѣ-бъ измѣна низкая была!
 Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
 Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
 Которая являлась въ нихъ сначала;
 Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
 Одну покинувъ, я искалъ другую,
 И каждый разъ все сызнова обмануть,
 Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
 Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать;
 Когда-жъ онѣ рвалися, равнодушно
 Изломанный бросалъ я инструментъ
 И далѣ шелъ, и всюду находилъ
 Одни и тѣ же пошлыя явленья!
 И въ ярости тогда я покаялся
 Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
 Искалъ я въ ней одно лишь обладанье,
 Лишь чувственность одну въ ней находилъ.
 Да, я искалъ ее лишь для того,
 Чтобы насмѣшкой истить ее насмѣшкамъ...
 А вынѣ? Чтó со мной? Чтó эти строки?
 Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
 Ужъ въ третій разъ прочитываю ихъ,
 И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепетъ.

Читаетъ.

„Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ-Жуанъ,
 „Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,
 „Но объясниться съ вами я должна.
 „Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
 „Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
 „Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
 „Для васъ легко любить и разлюбить...
 „Уже-ль вы также и меня хотѣли-бъ
 „Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
 „Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,

„Которыѣ много такъ на васъ лежить,
 „Мнѣ говорить какой-то тайный голось,
 „Что уважать васъ можно, донъ-Жуанъ!
 „Скажете-жъ, какъ должна я оправдать
 „Преслѣдованья ваши? Можетъ-быть,
 „Вамъ самолюбье не дастъ покоя,
 „И требуете вы, чтобы я вамъ
 „Сама въ любви призналась? Если такъ —
 „Я притворяться долѣ не умѣю —
 „Я васъ люблю — да — высказано слово —
 „Но заклинаю васъ святой Мадонной
 „И честью вашей заклинаю васъ,
 „Меня увидѣть болѣ не ищите;
 „Отнынѣ я почла бы оскорбленьемъ
 „Старанье ваше сблизиться со мной.
 „Я вамъ призналась — вы достигли цѣли —
 „Теперь не трудно вамъ меня забыть“.

Послѣ нѣкотораго молчанія.

Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
 Такія-жъ строки часто я читалъ.
 Всѣ заклинають честью, долгомъ, вѣрой,
 Потомъ свиданье робко назначаютъ,
 Потомъ придетъ развязка, а потомъ...
 Исчезнетъ сонъ, и правды часъ наступитъ!
 Все это я ужъ знаю напередъ.
 Но отчего-жъ записка донны-Анны
 Мнѣ душу такъ волнуесть глубоко?
 Встануть опять чудесныя видѣнья
 И маять снова призраки любви!
 Такъ марево въ пустынѣ аравійской,
 Предъ путникомъ рисуесть вдалекѣ
 Озеръ и рѣкъ желанныхъ очертанья;
 Когда же онъ, собравъ остатокъ силъ,
 Дотащится до нихъ, изнеможенный —
 Исчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
 Песковъ сыпучихъ пламенное море!

Смотреть на письмо.

Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
 Другой, и будто между этихъ строкъ
 Читаю я невидимыя строки.
 А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
 Кропилъ руки невѣрной начертанья.
 И это мнѣ знакомо. Часто я
 Такія пятнышки видалъ на письмахъ.
 Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
 Желанья дразнить ненасытный бѣсъ!
 Такъ что же? Гдѣ-жъ преграда? Или вкралось
 Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
 Меня тревожить? Что такое совѣсть?
 Пойми себя, Жуанъ! Когда любовь
 Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
 Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
 Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
 Религія, законовъ уваженье,
 Привязанность къ отечеству—все ложь!
 Религія! Не на любви-ль ея
 Основано высокое начало?
 Но если основанье есть ничто—
 Тогда и самое ничтожно зданье!
 Двойкая въ немъ ложь заключена:
 По мысли ложь, и ложь по прииѣнью.
 Вы, райскаго вербовщнки спасенья,
 Во имя ли любви вы громоздите
 Для вашихъ жертвъ священные костры?
 А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,
 Вы, проповѣдники свободной мысли,
 Вы для кого себя даете жечь?
 Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій;
 Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!
 Вы-жъ за отечество въ кровавыхъ битвахъ
 Безсмысленно губящіе другъ друга,
 Вы можете-ль сказать, кто приковалъ
 Къ извѣстному пространству человѣка?
 Кто ограничилъ вашъ свободный духъ

Стѣной, горами, моремъ, иль заставой?
 Когда-бъ любовь оправдывалась въ мѣрѣ,
 Отечествомъ была бы вся земля,
 И человекъ тогда душою вольной
 Равно любилъ бы весь широкій мѣръ,
 Отечествомъ бы звалъ не только землю,
 Онъ звалъ бы имъ и звѣзды, и планеты!

А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
 Все громкія и пошлыя слова,
 Все той же джи лишь разныя названья!
 Что-жъ остается въ жизни? Слава? Власть?
 Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тиара,
 Которые бы стояли труда
 Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
 Того насытить, кто искалъ блаженства?
 И еслибъ всѣ живущіе народы
 И всѣхъ грядущихъ поколѣній тѣны,
 Всѣ пали ницъ передо мной — ужели-бъ
 Я хотъ на мигъ ту жажду позабылъ,
 Которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья?

Все въ мѣрѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
 И, если всѣ явленья перебрать
 И призраки пустыя всѣ откинуть,
 Останется лишь чувственность одна,
 Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
 Который иногда, зажурия очи,
 Еще принять мы можемъ за любовь.
 Къ чему же намъ зазрѣнными стѣсняться?
 Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
 И рабски покоряться тѣни. Нѣтъ!
 Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
 Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
 Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
 Достигну скоро, все попру ногами,
 Унижу все и жизни отомщу!
 Я не хочу искать, какое чувство
 Меня теперь приводитъ къ доннѣ-Аннѣ!

Я къ ней влекомъ—она мою будетъ!
 Не нужно мнѣ лукавить, ни хитрить;
 Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
 Не обольщалъ съ холодностью безстрастной
 И никогда разсчитывать не могъ.
 Воображенью дать лишь стоить волю,
 Оно меня на крыльятъ унесетъ,
 Минутной вѣрой мнѣ наполнить душу,
 Искусственной любовью опьянить;
 Краснорѣчиво жгучія слова
 Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ,
 Я непритворно въ роль мою войду
 И до развязки самъ себѣ повѣрю.
 Такъ. Рѣшено. Возстанъ же, донъ-Жуанъ!
 Иди впередъ какъ ангелъ истребленья!
 Брось снова вызовъ призраку любви,
 Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
 Вокругъ себя какъ паутину рви —
 Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
 На зло судьбѣ, иль той враждебной власти,
 Чьей силой ты на бытіе призванъ,
 Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
 И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
 Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ!
 Лепорелло вбѣгаетъ, запыхавшись.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай, сеньоръ! О, о! Ай, ай! О, о!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Откуда ты? И чѣмъ ты такъ встревоженъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Откуда я? Сейчасъ все по порядку,
 Сеньоръ любезный, все вамъ расскажу.
 По вашему когда я приказанью
 Отнесъ вчера записку къ доннѣ-Аннѣ,

Дорогой я немного на мосту
 Остановился, посмотрѣть все такъ же-ль,
 По прежнему-ль бѣжить Гвадалквивиръ?
 Облокотясь на перилы, тамъ
 Съ часъ мѣста я, не болѣ, оставался,
 Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ господинъ
 И въ разговоръ со мной вступаетъ; онъ
 Наружности былъ самой благородной.
 Поговоривъ со мной о томъ, о семъ,
 Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ отобѣдать
 И угостилъ пуляркой...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за вадоръ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

И угостилъ пуляркой. Вдругъ меня
 Схватили, завязали мнѣ глаза
 И повели — куда? Ей-ей, не знаю,
 Но гдѣ-бъ вы думали я очутился?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, гдѣ же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Casa Santa, ей-же-ей!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ого! И что же тамъ тебѣ сказали?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Разспрашивали вѣжливо меня
 О нашемъ нападеніи на стражу,
 Когда Мориско мы освободили.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И, вѣроятно, ты во всемъ признался?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Во всемъ упорно заперся, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наврядъ ли. Но потомъ? Чтѣ было послѣ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Потомъ, сеньоръ? Потомъ мы говорили
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ;
Они со мной совѣтовались, какъ
Искоренить еретиковъ въ Испаньи.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи, болтунъ, безъ лжи и отступленій,
О чемъ тебя спрашивали тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ любезный, будьте осторожны,
Повѣрьте мнѣ, святая инквизиция
Участье въ васъ большое принимаетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я по твоимъ глазамъ, мошенникъ, вижу,
Чтѣ ты болталъ; но мнѣ то все равно.
Чѣмъ кончился допросъ твой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ,
Они меня настойчиво просили
О каждомъ вашемъ словѣ, каждомъ шагѣ,
Имъ доносить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты принялъ порученье?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что́ было дѣлать? Тамъ у нихъ лежать
Какія-то желѣзныя ботинки.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда они хотятъ за мной слѣдить,
Дѣла мои еще не слишкомъ плохи.
Я къ свѣдѣнью участіе ихъ приму;
Ты-жъ, Лепорелло, будешь къ нимъ являться
И доносить имъ, слово въ слово, то,
Что́ каждый разъ тебѣ я продиктую.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Душевно радъ, сеньоръ. Но хорошо-бъ
На время вамъ Испанію оставить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Теперь оставить? Ни за что на свѣтъ!
А донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО.

То-то, донна-Анна!
Изъ-за нея бы не нажить бѣды!
Ей-ей, повѣрьте мнѣ, остепенитесь,
Въ опасную играешь ты игру.

Уходить и тотчасъ возвращается.

Сеньоръ, что́ я сейчасъ вамъ сообщилъ,
Не правда ли, останется межъ нами?
Вѣдь это государственная тайна,
Я имъ честное слово дамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай.

Лепорелло уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—одинъ.

Итакъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по-сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросаю. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами.
Войди-жь, моя злобѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

ДОМЪ КОМАНДОРА.

Командоръ и донъ-Октавіо.

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, мнѣ тяжело, мнѣ очень больно
Нежданнымъ васъ отказомъ огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ея ужъ выборъ сдѣланъ. Донъ-Жуанъ
Изъ устъ ея ужъ получилъ согласье.
Я ваши чувства знаю и цѣню;
Повѣрьте, я люблю васъ, донъ-Октавйо,
Я самъ, какъ вы, глубоко огорченъ.
Вѣдь этотъ бракъ моею былъ мечтою,
Я васъ давно хотѣлъ усыновить.
Но вы, не правда-ль, будете намъ другомъ
И братомъ доннѣ-Аннѣ. Видитъ Богъ,
Я вамъ хотѣлъ отдать ее. Что-жь дѣлать?
Судьба не такъ рѣшила. Дайте руку!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

О, мой отецъ! Могу ли я еще
Назвать васъ этимъ именемъ священнымъ?
Прощайте, донъ-Альваръ. Скажите ей,
Что я иду—куда? И самъ не знаю!
Иду я далѣ, далѣ отъ нея.

Забуть ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, донъ-Альваръ!

КОМАНДОРЪ.

Постой, Октавіо. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Что значать эти рѣчи, донъ-Альваръ?

КОМАНДОРЪ.

Октавіо, послушай. Если вправду
Ты любишь дочь мою—не уходи.
Я все скажу тебѣ. Не даромъ сердце
Предчувствуетъ бѣду. Ты знаешь Анну.
Ея душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просилъ ее; напрасно
Молилъ отсрочить горькую помолвку—
Не помогли мольбы, ни увѣщанья.
Она бы помѣшалась, или зачахла,
Когда-бъ я власть мою употребилъ.
Ея умомъ теперь Жуанъ владѣеть,
Въ ея душѣ лишь онъ одинъ царить.
Быть-можетъ, я несправедливъ. Быть-можетъ,
Онъ искренно отрекся для нея
Отъ прежнихъ заблужденій. Онъ святыней
Клялся мнѣ отказаться навсегда
Отъ бурной жизни юношескихъ лѣтъ.
Дай Богъ! Но сердце чуетъ, донъ-Октавіо,
Что дочь не будетъ счастлива за нимъ.
Я старъ, уже давно гляжу въ могилу.
Случиться можетъ, я умру сегодня-жъ
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другомъ ей, Октавіо, будь братомъ;
А если онъ свою забудетъ клятву
И если оскорбитъ мое дитя—

Будь мстителемъ ей! Клянись мнѣ, сынъ мой,
Своей сестры въ бѣдѣ не покидать!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Тяжелый долгъ, отецъ, на сердце мнѣ
Ты просьбою своею возлагаешь.
Ихъ счастья быть свидѣтелемъ я долженъ!
О, лучше-бъ тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мнѣ,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всемъ, о, донъ-Альваръ,
Клянусь тебѣ, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ.

Донна-Анна. У ногъ ея сидитъ донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА.

Такъ это правда? Это не обманъ?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Другихъ ты женщинъ для меня забылъ?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не расскажешься!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, донна-Анна!

Тебя одну и вижу я, и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что я прожилъ, все, что ощущалъ,
Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
Въ бездонное, всѣ рѣки и ручьи,
Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
Въ твоей любви теперь поглощены!

ДОННА-АННА.

Я часто такъ во снѣ тебя видала,

Какъ ты теперь у ногъ моихъ сидишь;
Во снѣ я такъ въ глаза тебѣ глядѣла,
И было въ нихъ темно и глубоко;
И мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ взглядѣться,
И я въ нихъ дна не находила; мнѣ
Казалось, что въ пропасть я гляжу;
И страшно было, и такъ сладко видѣть!
Что, если и теперь я вижу сонъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, жизнь моя! Все призракъ и мечта!
Все дымъ и сонъ—одна любовь есть правда!

ДОННА-АННА.

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно? Всегда! Твой образъ, донна-Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
Я съ жизнью боролся какъ пловецъ,
Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ.

ДОННА-АННА.

О, мой Жуанъ! И я была одна,
И мнѣ тебя всегда недоставало!
Зачѣмъ отцу ты прежде не открылся?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Меня пугалъ его суровый нравъ.
Боялся я отказа. И теперь
Я-бъ не рѣшился говорить, когда бы
Онъ не засталъ меня у ногъ твоихъ.

ДОННА-АННА.

То видно насъ соединило небо!

Но, милый другъ, теперь, когда наши
 Мы оба въ жизни твердою опорю,
 Скажи, куда направишь ты свой бѣгъ?
 Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
 Душѣ высокой, свѣтлому уму,
 Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Весь миръ открытъ предъ нами, донна-Анна;
 Моя душа свободна и ясна.
 Къ чему бы мыслью я ни обратился,
 Я до всего достигну. Но оставимъ
 Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
 Одна любовь, моею будетъ цѣлью!

ДОННА-АННА.

Ты самъ себя не знаешь, донъ-Жуанъ,
 Но сердцею я давно тебя постигла.
 Я буду помогать тебѣ. Когда
 Любовь твои стремленья заградить,
 Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомию.
 Я не хочу тебѣ преградой быть,
 И твоему орлиному полету
 Мѣшать я не должна. Но что съ тобой?
 Какая мысль твой омрачила взоръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я вспомнилъ... да, прости мнѣ...

ДОННА-АННА.

Что ты вспомнилъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что ты меня не перваго ужъ любишь.

ДОННА-АННА.

Какъ? Ты ревнуешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донъ-Октавю былъ
Тобой любимъ.

ДОННА-АННА.

И ты ревнуешь? О,
Скажи мнѣ все, расспрашивай меня —
Я отвѣчать на все тебѣ готова!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чистосердечью твоему я вѣрю.

ДОННА-АННА.

Но ты, не правда-ль, часто былъ обмануть,
И оттого ты сталъ ревнивъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Напротивъ,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда-жъ соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межъ нами споръ мой кончала шпага
И не давала времени созрѣть
Ревности. Я чуждъ ей остался.

ДОННА-АННА.

Что-жъ значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,

И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
 Что отъ налѣйшаго прикосновенья
 Легко мрачится онъ и увядаетъ.
 Когда любилъ я, и когда во мнѣ
 Другой, неясный образъ зарождался,
 Я, чтобъ любви священное начало
 Борьбою двухъ явленій не нарушить,
 Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...

ДОННА-АННА.

Разстаться, донъ-Жуанъ? Но отчего же
 Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зарождался?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
 И двумъ идеямъ вѣстѣ не служилъ.
 Просторно сердце женщины, напротивъ;
 Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
 Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
 Среди любви живой и настоящей,
 Нерѣдко запоздалый отголосокъ
 Другой, отжившей, конченной любви.
 Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья
 Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
 И съ тѣнью даже не могу тѣмъ сердцемъ,
 Которое мнѣ отдалось. Въ немъ
 Я долженъ быть одинъ.

ДОННА-АННА.

Ты въ немъ одинъ.

То чувство, что меня смущаетъ, было
 Одно ребячество, и я тогда
 Сама себя еще не понимала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Но, можетъ-быть, ты и теперь вполне
 Себя не понимаешь?

ДОННА-АННА.

Донъ-Жуанъ,

Не оскорбляй меня такимъ сомнѣньемъ.
 Когда-бъ я не увѣрена была
 Въ себѣ самой, когда-бъ я колебалась,
 Я бы твоей любви не приняла,
 Мнѣ собственная гордость помышала-бъ
 Собою располагать. Нѣтъ, я твоя!
 Съ сознаниемъ твоя, и безъ раздѣла!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, ангелъ мой, клянись мнѣ въ томъ скорѣй,
 Клянись всѣмъ, что для тебя священно!

ДОННА-АННА.

Клянусь тебѣ пречистою Мадонной,
 Клянусь тебѣ Спасителя крестомъ,
 Клянусь отца священной сѣдиною,
 Клянуся прахомъ матери моею —
 Вся жизнь моя и всѣ мои мысленья
 На вѣкъ, Жуанъ, тебѣ принадлежать!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А если бы тебѣ я измѣнилъ?

ДОННА-АННА.

Въ тебя я вѣрю; мнѣ того довольно —
 Не требую я клятвы отъ тебя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако, если-бъ?

ДОННА-АННА.

Если бы въ тебя
 Я вѣрить перестала, о, тогда...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что-бъ сдѣлала тогда ты?

ДОННА-АННА.

Донъ-Жуанъ,

Не спрашивай меня, мнѣ страшно думать!

Я не хочу о невозможномъ думать!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И не тревожишься ты тѣмъ, что я

Ужъ измѣнилъ столь многихъ?

ДОННА-АННА.

Сознаюсь,

Мнѣ эта мысль не разъ ужъ приходила.

Но для меня скрывается тутъ тайна;

Сейчасъ ты что-то намекнулъ объ этомъ,

Но я тебя, Жуанъ, не поняла.

Не можетъ быть, чтобы съ подобнымъ взглядомъ,

Съ улыбкой этой, съ голосомъ твоимъ,

Была совѣстна ложь. Не можетъ быть,

Чтобы когда-нибудь ты притворялся

И могъ смѣяться надъ любящимъ сердцемъ!

Нѣтъ, не такимъ является обманъ!

Въ его очахъ замѣтно беспокойство,

Изысканна его бываетъ рѣчь,

И самое стараніе казаться

Прямымъ, и откровеннымъ, и правдивымъ,

Его всегда невольно выдаетъ.

Ты не таковъ. Не хочешь ты казаться,

Нѣтъ ничего поддѣльнаго въ тебѣ;

Ты не старался предо мною скрыть

Своихъ ошибокъ, или недостатковъ.

Когда тебя еще я не видала,

А знала только по одной молвѣ,

Глубоко я была возмущена
 И сильно на тебя негодовала;
 Когда же я увидѣла тебя,
 Невольное сомнѣніе во мнѣ
 Насчетъ худой твоей возникло славы;
 Я начала отыскивать тогда,
 Придумывать старалась оправданья
 Твоей преступной жизни. Ты въ то время
 Сближаться съ нами понемногу сталъ,
 И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась,
 Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе
 Противорѣчье межъ твоей душой
 И жизнью твоей. Я поняла,
 Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
 Да, донъ-Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
 Твоихъ бровей грозящая дуга
 Являетъ самолюбіе и гордость,
 Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть —
 Но непритворенъ ликъ твой благородный,
 И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, проникательность души любящей!
 Такъ. Для обмана не былъ я рожденъ.
 Когда-бъ изъ тѣхъ, кого я въ жизни встрѣтилъ,
 Хотя-бъ одна съ тобой могла сравниться,
 Я не былъ бы теперь у ногъ твоихъ!

ДОННА - АННА.

Мнѣ говорили также про тебя,
 Что ты не уважаешь ни законовъ,
 Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
 Твои ошибочно толкуютъ мысли.
 Не правда ли, со временемъ, когда
 Увидишь ты, что я тебя достойна,
 Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жизнь моя! Зачѣмъ,
 Чего мнѣ ждать? Теперь, не отлагая,
 Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
 На прочихъ женщинъ; все тебѣ доступно.
 Суди меня — и если я виновенъ,
 Я предъ твоимъ склонюся приговоромъ.
 Тебя не обманули. Да, я врагъ
 Всего, что люди чтутъ и уважаютъ.
 Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:
 Достойны-ль ихъ кумиры поклоненья?
 Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный мѣръ
 Той жадѣ правды, чувству красоты,
 Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
 Вездѣ условья, ханжество, привычка,
 Общественная ложь и раболѣпство!
 Весь этотъ мѣръ нечистый я отвергъ.
 Но я другой хотѣлъ соорудить,
 Свѣтлѣй и краше видимаго мѣра,
 Изъ вѣщность я хотѣлъ облагородить;
 Мнѣ говорило внутреннее чувство,
 Что въ женскомъ сердцѣ я его найду —
 И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
 Разсказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
 Довольно. Жизнь мою ты поняла.

ДОННА-АННА.

О, не страшися своего довѣрья!
 Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
 Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
 Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, или чѣмъ обмануть?
 Чего ты требовалъ? Скажи мнѣ все!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
 Опредѣлить уже не въ силахъ я.

Теперь я все нашелъ, теперь я счастливъ!
 Не полно было-бъ это чувство, если-бъ
 Его словами выразить я могъ!

ДОННА-АННА.

А я, Жуанъ, когда-бъ мою любовь
 Могла измѣрить, или обзрѣть,
 Мнѣ было-бъ страшно; я боялась бы,
 Что до тебя она не достигнетъ.
 Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!
 Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
 Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя, Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Да! Вѣрь, о, ангель! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
 Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
 Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
 Прочь думы! Прочь сомнѣнья хладный червь!
 Забудемъ все! Весь миръ! Себя самихъ!
 Въ однонъ восторгѣ и въ однонъ блаженствѣ
 Смишаемъ жизнь и смерть!

Входитъ Командоръ.

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, простите.

Вамъ долго виѣстѣ быть еще нельзя.
 Никто еще не извѣщенъ въ Севильѣ
 О вашемъ сватовствѣ. Но я сегодня
 Пошлю къ роднымъ и близкимъ приглашенье,
 Чтобъ съѣхались наговоръ; до того-жъ
 Вамъ видѣться лишь можно на гуляньѣ.
 Обычай такъ велитъ. Коль вамъ угодно,
 Вы встрѣтите насъ завтра у фонтана
 Въ тотъ часъ, когда взойдетъ луна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ сторону.

Проклятье!

Холодною водой меня онъ обдалъ,
 Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
 Что я сюда пришелъ лишь фоль играть.
 Перехитрилъ старикъ, поторопился
 Накидывать арканъ свой на меня!

Къ Командору.

Сеньоръ, тяжелъ вашъ строгій приговоръ,
 Но я во всемъ вамъ покоряться долженъ;
 До завтра я изгнанью обреченъ.

КОМАНДОРЪ.

Простите, донъ-Жуанъ. Мы у фонтана
 Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не опоздаю!

Уходить.

КОМАНДОРЪ — про себя, слѣди за нимъ
 глазами.

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
 Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
 Что выраженье ясное внезапно
 Въ немъ исчезаетъ, и вокругъ бровей
 И возлѣ устъ играетъ и зѣбится
 Насмѣшливо-суровая черта.
 Не нравятся мнѣ эти перемены!

ДОННА-АННА — ласкалась къ отцу.

Ты все еще не примирился съ нимъ?
 Не бросилъ ты своихъ предубѣжденій?

КОМАНДОРЪ.

Его любить готовъ я горячо,
 Когда твою любовь онъ оправдаетъ.

ДОННА-АННА.

Но ты ему не вѣришь. Для меня
 Свое ты пересилилъ отвращенье,
 Свой нравъ крутой съ трудомъ переломилъ ты,
 Къ улыбкѣ принужденной приневомилъ
 При встрѣчѣ съ нимъ ты свой враждебный ликъ;
 О, мой отецъ, не сожалѣй о томъ,
 Что далъ ты намъ согласіе. Ты знаешь,
 Тебѣ во всемъ покорна я была;
 Но сердцу я приказывать не въ силахъ,
 Любить я въ половину не могу.
 Вотъ видишь ли, во мнѣ частица есть
 Твоей рѣшимости. Когда бы ты
 Насъ разлучилъ, о, что-бъ со мною было!
 Тебя любить, отецъ, я перестала-бъ,
 Съ тобой остаться я бы не могла!

КОМАНДОРЪ.

Ты никогда ни въ чемъ не знала мѣры.
 Бывало, до его знакомства съ нами,
 Когда о немъ лишь заводили рѣчь,
 Ты словъ не находила порицать
 Его двуличный и коварный нравъ;
 Когда о немъ упоминали только,
 Ты измѣнялась вся въ лицѣ; тебѣ
 Чудовищемъ казался онъ; а нынѣ...
 Но я не упрекать тебя пришелъ.
 Онъ твой женихъ; любить его ты въ правѣ;
 Но ты теперь въ другую впала крайность:
 Всѣ совершенства ты находишь въ немъ,
 На все ты смотришь лишь его очами,
 Отъ собственныхъ суждений отреклась.
 Дитя, повѣрь мнѣ, крайности опасны,
 Ихъ избѣгать должно благоразумье
 И среднюю дорогою идти.

ДОННА - АННА.

О, не брани меня! Я сознаюсь,
Что не всегда такъ думала какъ нынѣ;
Но я не вдругъ переѣнила мысли,
Не вѣтрено ему я отдалась.
Нѣтъ, кровь твоя течетъ во мнѣ не даромъ,
Моей любви, отецъ, я знаю цѣну
И важность всю поступка моего.
О нежь, отецъ, я долго размышляла
И долго, передъ тѣмъ чтобы рѣшиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни, какъ ты нынѣшней весною
Со мной садился ночью у окна,
Дышать прохладой и внимать гитарами,
Которыя, вблизи, вдали, кругомъ,
До самаго разсвѣта раздавались.
Онъ часто мимо проходилъ тогда,
И останавливался у рѣшетки,
И зачиналъ съ тобою разговоръ.
Не много на меня вниманья онъ
Въ то время обращалъ; но я, напротивъ,
Уже тогда, молвъ не довѣряя,
Его старалась втайнѣ изучить.
Для васъ обонхъ часто непримѣтно,
И будто ненарочнымъ словомъ, я
Давала направленіе бесѣдѣ
И вызывала васъ на мирный споръ;
Сама-жь надъ нимъ я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и послѣ,
Одна, въ моемъ покоѣ запершись,
Я проходила весь вашъ разговоръ,
И каждое имъ сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взглядъ его припоминала
И долго, долго взвѣшивала ихъ.
Такъ этотъ нравъ, непонятый никѣмъ,

Себѣ я понемногу объяснила.
 Но вспомни, мой отецъ, ты самъ его
 Не безусловно осуждалъ. Ты часто
 Его благоразумію дивился
 И говорилъ, шутя, ему не разъ:
 „Вы, донъ-Жуанъ, боюся, повредите
 „Себѣ во мнѣннн дамъ: въ тотъ часъ, когда
 „Другіе имъ приносятъ серенады,
 „Теряете вы золотое время
 „Со мною, старикомъ!“ Потому, когда
 Ко сну я отходила, часто ты,
 Со мной прощаясь, говорилъ: „однако,
 „Мнѣ нравится довольно донъ-Жуанъ;
 „Гораздо онъ скромнѣе, чѣмъ я думалъ,
 „И старость онъ умѣетъ уважать.
 „Его мнѣ слишкомъ черныиъ описали“.
 Не такъ ли было, мой отецъ?

КОМАНДОРЪ.

Все правда,
 Обворожить умѣлъ онъ и меня;
 Я былъ неостороженъ. Но въ то время
 Не думалъ я, что ты его полюбишь...
 Иныя были у меня надежды.

ДОННА-АННА.

Да, мой отецъ, его я полюбила,
 Когда узнала сердце я его.
 Сперва во мнѣ проснулось любопытство,
 Потомъ участие; а потомъ, лишь только
 Я поняла значенье донъ-Жуана,
 Участье обратилось въ удивленье,
 И волю я любви тогда дала —
 Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
 Ты правъ, отецъ мой, я его люблю
 Безъ памяти, безъ воли, безъ сознанья!

КОМАНДОРЪ.

Храни Господь тебя, мое дитя,
Отъ поздняго раскаянья!

ДОННА-АННА.

Я знаю,

Тебя страшить прошедшее его.
Но вѣрь, отецъ, минувшія тѣ бури
Порукой намъ грядущихъ ясныхъ дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Онъ былъ преступень, но порочень не былъ.
Его дѣла нельзя равнять съ другими,
И общей мѣрой мѣрить ихъ нельзя.
Кто надъ другими такъ стоитъ высоко,
Чья мысль проникнуть алчетъ въ нѣдра жизни,
Кто въ ней, какъ средь египетскаго храма,
Героглифы видитъ и загадки,
И объяснить себѣ ихъ вѣчно хочетъ,
И вѣчно неудачей раздражень —
Тому невыносимъ условій гнеть,
И тотъ не могъ законамъ подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иныхъ путей душа его искала,
Неясная звѣзда его вела,
Ему другой души недоставало,
Которая-бъ понять его могла!
Изъ женщинъ не одна его любила,
Но ихъ союзъ былъ слишкомъ боязливъ;
Пугала ихъ его стремленій сила,
Его ума несдержанный порывъ,
И робко всѣ остались у преддверья,
Когда онъ смѣло шелъ во храма тьму —
Жуана сердце требуетъ довѣрья,
И я, отецъ, повѣрила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И къ правдѣ путь мы вмѣстѣ совершимъ;

Ему помочь есть силъ во мнѣ довольно —
Моя любовь меня сравнила съ нимъ!

КОМАНДОРЪ.

Мой милый другъ, къ чему намъ снова спорить
И разсуждать о томъ, что рѣшено!

ДОННА-АННА—обнимая отца.

Будь добръ къ нему! Оставь свои сомнѣнья!

КОМАНДОРЪ.

Дитя мое, я васъ благословилъ,
И съ той поры онъ сдѣлался мнѣ дорогъ.

ДОННА-АННА.

О, мой отецъ, повѣрь ему, какъ я!
Тотъ донъ-Жуанъ, который бурной жизнью
Негодование наше возбуждалъ,
Не есть Жуанъ счастливый, возрожденный,
Который нынѣ любить дочь твою!
Будь добръ къ нему! Когда мы завтра ночью
Съ нимъ на условленномъ сойдемся мѣстѣ,
Не оскорбляй холодностью его!

КОМАНДОРЪ.

Я оскорблять Жуана не намѣренъ.
Но... я сейчасъ съ Октавйо говорилъ.
Узнавъ изъ устъ монъ, что для него
Надежды нѣтъ, хотѣлъ онъ удалиться,
Искать хотѣлъ онъ смерти гдѣ-нибудь.
Я удержалъ его — онъ былъ намъ другомъ —
Я упротилъ его остаться съ нами —
Онъ здѣсь. Судьбѣ тяжелой онъ покоренъ.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была къ нему не безъ участія прежде.
Онъ въ горести, и много облегчило-бъ

Его твое привѣтливое слово...
Скажи, согласи-ль ты его принять?

ДОННА-АННА.

Къ чему, отецъ мой? Чтѣ ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза.

КОМАНДОРЪ — про себя.

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ея какъ сонъ пріятно опьянѣнье —
Но горестно бываетъ пробужденье!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ въ богатой одеждѣ. Лепорелло надѣваетъ
на него кружевной воротникъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ такъ. Личь дайте эту цѣпь поправить,
И настоящій вы теперь женихъ!
Ну, слава Богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конецъ!
А знаете-ль, сеньоръ, что вся Севилья
Завидуетъ вамъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Право? Но откуда
Ты взялъ, что я хочу жениться?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?
Да развѣ не объявлена ужъ свадьба?
Нѣтъ, вы теперь женихъ, и, слава Богу,
Вамъ на попятный дворъ уже нельзя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жениться не намѣренъ я.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте,

Позвольте, что́ это такое? Какъ?
Досель вы измѣняли, это правда,
Но не были ничѣмъ вы женихомъ,
И слова никому вы не давали;
А слово вещь святая. Быть не можетъ,
Чтобъ вы хотѣли взять его назадъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Его возьметъ назадъ сама невѣста.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Донна-Анна васъ чтобъ разлюбила?
Коль на нее рассчитывали вы,
То я совсѣмъ на этотъ счетъ спокоенъ;
Она васъ любить, какъ досель никто.
Нѣтъ, вы теперь уже не отвертитесь,
Ужъ дѣло въ шляпѣ. И позвольте мнѣ
Вамъ принести покорнѣйшую просьбу:
Вы знаете, какъ честно я всегда
И безкорыстно вамъ служилъ; какъ ваши
Любовныя я часто порученья
Съ опасностью здоровья исполнялъ.
Теперь за всѣ заслуги я прошу,
Чтобы, когда у васъ родятся дѣти,
Вы мнѣ ихъ воспитанье поручили,
И жалованье положили-бъ мнѣ
Приличное наставнику. Сеньоръ,
Я хвастать не хочу, я не ученый,
О, нѣтъ! Но что касается до чести,
Поспорить я могу съ великимъ Сидомъ,
Дурному я дѣтей не научу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—смотримъ къ окно.

Луна взошла. Дай плащъ мнѣ и гитару.

Въ сторону.

Рѣшительнымъ ударомъ кончить надо!

Старикъ откажетъ мнѣ и напумитъ;

А передъ ней найду я оправданье,

И безъ отца сойдуся съ ней опять!

ЛЕПОРЕЛЛО—подавая гитару и плащъ.

Задайте-жъ ей скорѣ серенаду.

Онѣ вѣдь это любятъ. Въ женихѣ

Предупредительность всегда похвальна!

Донъ-Жуанъ уходитъ.

ЛЕПОРЕЛЛО — одинъ, потирая рука.

Ну, слава Богу! Скоро отдохнемъ!

Его понудить къ браку было надо,

Какъ робкаго купальщика, который

Воды холодной до тѣхъ поръ боится,

Пока его насильно не толкнуть.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА.

Два кавалера встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Вы слышали ли новость? Донъ-Жуанъ

Посватанъ съ донной-Анной.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Быть не можетъ!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Увидите; они сегодня вмѣстѣ

Здѣсь будутъ на гуляньѣ. Кто-бъ подумалъ,
Что кончить такъ похвально донъ-Жуанъ?

Двое въ другихъ разговорахъ.

ПЕРВЫЙ.

Я этому повѣрю лишь тогда,
Когда увижу самъ. Пусть кто другой—
Но донъ-Жуанъ—продать свою свободу!

ВТОРОЙ.

Сеньоръ, напрасно такъ вы говорите,
Дочь командора хороша какъ день,
Охотно былъ бы на его я мѣстѣ!

Пожилая дама съ супругомъ и дочерью.

ДАМА.

И что они нашли въ немъ? Какъ отецъ
На то могъ согласиться? Ни за что-бъ
Не отдала ему я Инесиль!

СУПРУГЪ.

Гнѣ, гнѣ!

ДОЧЬ.

За что его такъ всѣ бранять?
Что въ немъ дурного, маменька?

ДАМА.

Молчи,

Тебѣ рассказывать про это рано.

Двѣ молодыя дамы.

ПЕРВАЯ.

Какъ могъ въ нее влюбиться онъ? Скажи,
Что въ ней хорошаго?

ВТОРАЯ.

Одно кокетство!
Она его кокетствомъ завлекла!

Нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Здѣсь подождемъ. Они сюда придуть.

ПЕРВАЯ ДАМА.

Но доннѣ-Кларѣ, можетъ-быть, теперь
Не хочется увидѣть донъ-Жуана?

ВТОРАЯ ДАМА.

Зачѣмъ же, если доннѣ-Консепсьонѣ
Пріятно будетъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ
Счастливую соперницу свою!

ПЕРВАЯ ДАМА.

Когда бы мнѣ онъ сдѣлалъ предложенье,
Я, молча, дверь ему бы указала.

ВТОРАЯ ДАМА.

Какъ жаль, что онъ не сдѣлалъ вамъ его!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Вотъ онъ идетъ! Смотрите! И гитара
Въ его рукѣ. Зачѣмъ теперь гитара?
То прежде встать было бы, когда,
Вздыхая, онъ у дома командора
Проставвалъ до самаго утра.

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какъ онъ глядитъ на эти окна. Кто
Живетъ надъ тѣмъ балкономъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Какъ, надъ тѣмъ?

Не смѣю вамъ сказать, сеньора, тамъ...
Живетъ одна... одна... не смѣю, право!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Смотрите, онъ остановился. Онъ
Гитару стронть. Кто же тамъ живетъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Глазамъ своимъ не вѣрю! Тамъ живетъ
Потерянная женщина одна,
По имени Нисета. Цѣлый городъ
Нисету знаетъ, но никто-бъ не смѣлъ
На улицѣ ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Какъ?
Онъ сбросилъ плащъ, онъ шляпу загибаетъ,
Его лицо освѣщено луной,
Какъ будто хочетъ онъ, чтобъ вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишкомъ!
Возможно-ль! Онъ поетъ!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какая наглость!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—поетъ подъ балкономъ.

Гаснутъ дальной Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звонъ гитары
Выйди, милая моя!
Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой,
Всѣхъ, любовью старая,
Всѣхъ зову на смертный бой!

Отъ луннаго свѣта
Зардѣль небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

НИСЕТА—показываясь у окна.

О, донъ-Жуанъ, уйдите, ради Бога!
Вы губите меня. Скорѣй уйдите!
Когда о томъ узнаетъ командоръ,
Онъ заколотъ меня велитъ. Молю васъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ—продолжаетъ.

Отъ Севилли до Гранады,
Въ тихомъ сумракѣ ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стукъ мечей;
Много крови, много пѣсней
Для прелестныхъ льется дамъ, —
Я же той, кто всѣхъ прелестнѣй,
Пѣснь и кровь мою отдамъ!

Отъ луннаго свѣта
Горитъ небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ.

Въ продолженіи серенады подходитъ Командоръ,
подъ руку съ довной-Анной, и останавливается
въ нѣкоторомъ разстояніи.

КОМАНДОРЪ.

Какъ? Что? Не можетъ быть! Не вѣрю! Нѣтъ!

Донъ-Жуанъ обращивается къ нему, про-
должая перебирать струны.

Такъ! Это онъ! Злодѣй! Бездѣльникъ! Извергъ!

Къ тѣмъ, которые хотятъ удержать его.

Прочь отъ меня!

Къ Донъ-Жуану, обнажая шпагу.

Бездѣльникъ! шпагу вонъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—насмѣливо.

Сеньоръ, умѣрьте гнѣвъ вашъ. Это шутка.

КОМАНДОРЪ.

Вонъ шпагу, иль убью тебя!

ДОННА-АННА.

О, Боже!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньоръ, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

КОМАНДОРЪ—выпадая.

Такъ умри-жъ теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—отскакиваетъ и вынимаетъ
шпагу.

О, если такъ, извольте, я готовъ!

Дерутся. Командоръ роляетъ шпагу.
Донъ-Жуанъ скрывается.

КОМАНДОРЪ.

Я раненъ! Дочь! Ко мнѣ... я умираю!

ДОННА-АННА.

Отецъ, отецъ! О, Боже! Помогите!
Врача! Скорѣй врача!

КОМАНДОРЪ—падая.

Не надо, Анна.

Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мнѣ поближе, Анна. Милый другъ,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свѣтѣ...

Ты сирота... но другъ есть у тебя...
 Октавіо... не отвергай его...
 Быть-можетъ, послѣ... черезъ годъ... о, Анна,
 Нѣтъ силъ... я умираю...

Умираетъ.

ДОННА-АННА—бросаясь на трупъ отца.
 Боже, Боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА.

Донъ-Жуанъ и Лепорелло, въ разговорѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота, право, вамъ была, сеньоръ,
 Связаться съ этимъ старикомъ. Извольте
 Съ его семействомъ справиться теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я знать не могъ, что онъ остервенится
 И бросится со шпагой на меня.
 Покойникъ бѣшенъ былъ не по лѣтамъ.
 А я хотѣлъ его лишь подразнить
 И отъучить наставлять на свадьбѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ только въ томъ была его вина,
 Что сдѣлаться хотѣлъ онъ вашимъ тестемъ?
 Ну, что-жъ? И слава Богу! Въ добрый часъ!
 Давно бы вамъ пора остепениться.
 Чтó мы за жизнь ведемъ? Скажите сами.

А донна-Анна чѣмъ была не пара?
 Вы были бы теперь отцомъ семейства,
 И жили-бъ смирно, тихо, хорошо,
 Какъ Богъ велитъ, и прыгали-бъ вокругъ васъ
 Безъ счета и числа, малъ-мала меньше,
 Все маленькіе донъ-Жуаны. Да.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пріятная картина, въ самомъ дѣлѣ,
 Но забываешь ты, что года нѣтъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ женихомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ что же?

Вы въ полгода успѣли-бъ сдѣлать то,
 На что другимъ бываетъ жизни мало;
 Вы время не теряете.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Глупецъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И кажется, вѣдь вы ее любили,
 По крайней мѣрѣ больше чѣмъ другихъ.
 Когда вы вашу выкинули штуку,
 Вы были пасмурны дня три потомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я и теперь люблю ее.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Быть-можетъ,
 Да проку-то отъ этого намъ мало.
 Теперь, небось, не сунетесь вы къ ней.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Она моею будетъ. Такъ хочу я.
Я до моей достигну цѣли.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой ли?

Спровадивши отца, за дочкой вы
Ужъ не хотите-ль снова волочатся?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я никому ее не уступлю.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ха, ха! го, го! А донъ-Октавьо? А?
Я чай, уже теперь ихъ свадьба близко;
Пожалуй, донна-Анна ужъ за нимъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

За нимъ, иль нѣтъ, она моею будетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Забавная была бы то исторья!
Ха, ха! Какъ, донна-Анна?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Полно врать.

Смотри. Ты видишь этого гидальго,
Въ плащѣ и маскѣ, что минутъ ужъ съ пять
Взадъ и впередъ все ходитъ передъ нами?
Спроси его, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?

Вонъ этого? Не лучше-ль намъ, сеньоръ,
Убраться отъ него подалѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ!

Спроси его сейчасъ, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, уйдите лучше прочь,
Не нравятся мнѣ новыя знакомства.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ оставайся. Я его спрошу.

Идетъ на встрѣчу незнакомцу.

Кого вамъ надобно, сеньоръ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Сеньоръ,

Ищу я донъ-Жуана де-Маранья,
Къ нему есть у меня письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Подайте,

Я донъ-Жуанъ.

Незнакомецъ, подавая письмо, хочетъ ударить
донъ-Жуана книжломъ. Донъ-Жуанъ хватаетъ его за руку и сжимаетъ ему горло.

Въ другой разъ будь ловчѣе!

Мнѣ голосъ твой знакомъ. Эй, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО — издали.

Я говорилъ, сеньоръ, уйдемъ! Ну, что же?
Вы-ль держите его, или онъ васъ держитъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Простите, я ошибся.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вижу, другъ.

Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

ЛЕПОРЕЛЛО — издали.

Сейчасъ, сеньоръ! Башмакъ мой развязался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! Я держу разбойника. Иди!

ЛЕПОРЕЛЛО — издали.

Держите же покрѣпче. Да кольните
Его сперва немножко подъ ребро.

Подходить съ осторожностью.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сними съ него скорѣ маску.

Лепорелло снимаетъ съ незнакомца маску.

Какъ?

То нашъ пріятель Боавдиль? Мориско,
Котораго спасли мы отъ костра?
Скажи, за что хотѣлъ меня убить ты?
Что сдѣлалъ я тебѣ?

БОАВДИЛЬ.

Сеньоръ, простите,
Я силою былъ вынужденъ къ тому.
Освобожденный вами такъ чудесно,
Я пойманъ былъ опять. Святое братство
Мнѣ обѣщало полное прощенье,
Когда я васъ убью въ извѣстный срокъ,
Не то, я долженъ быть сожженъ. Сегодня
Срокъ кончился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Итакъ, любезный другъ,
Тебя сожгутъ. Но кто-жъ тебѣ мѣшалъ
Уйти и скрыться гдѣ-нибудь?

ВОАВДИЛЪ.

Нельзя!

За мной слѣдятъ. Меня-бъ опять поймали.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты, видно, снова принялъ христіанство?

ВОАВДИЛЪ.

Вторично; вамъ къ услугамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Но зачѣмъ

Ты въ первый разъ отрекся отъ Христа?

ВОАВДИЛЪ.

Торговлю я веду съ тунисскимъ беємъ,
Въ Берберію невольницъ поставляю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Причина не дурна. Ты вѣришь въ Бога?

ВОАВДИЛЪ.

Смотря по обстоятельствамъ, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А въ совѣсть вѣришь?

ВОАВДИЛЪ.

Въ совѣсть? Какъ придется.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я вижу, ты мошенникъ откровенный.
Философъ ты, не зная самъ того.
Безъ размысленій дальнихъ и глубокихъ,
Ты до того же вывода дошелъ,

Къ которому меня приводить опытъ
И логики неумолимой нить.
Куда-жъ ты дѣнешся теперь?

БОАБДИЛЪ.

Теперь?

Когда бы были у меня цехины,
Я гдѣ-нибудь фелуку бы досталъ
И сдѣлался-бъ пиратомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

Сейчасъ его въ дворецъ мой проводи.
Пусть спрячется онъ. Тамъ его не будетъ
Искать теперь святая инквизиція.
Да угости его какъ можно лучше,
Онъ мой пріятель. Въ Бога онъ не вѣритъ.
Я такихъ людей люблю. Ступайте.

ЛЕПОРЕЛЛО — снимая шляпу и низко
кланаясь Боабдилу.

Донъ-Боабдилъ, слуга я вашъ покорный!
Рекомендуюсь вамъ. Я въ Бога вѣрю;
Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Если
Одинъ лишь чортъ вселенной господишь,
На томъ свѣту прошу васъ мнѣ у чорта
Въ протекціи своей не отказать.

Уходить вѣстѣ.

КОМНАТА ДОННЫ-АННЫ.

ДОННА-АННА—вся въ черной одеждѣ сидитъ
у окна.

Какъ въ ясный день крушительная буря,
Такъ на меня обрушилась судьба.
О, мой отецъ! Услышь меня изъ гроба!

Передъ тобой его я обвиняю!
 Да, онъ тебя не одного убилъ.
 Онъ, онъ убилъ души моей святиню,
 Надежды всѣ, и чистыя мечты,
 Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
 Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ свергнулъ,
 Въ безвѣрїе низринувъ дочь твою!

То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,
 Но въ немъ не я ошиблась — нѣтъ, не я!
 Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣть
 Никто не могъ того, ни угадать.
 Здѣсь выводы нарушены событій,
 Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;
 То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
 Разбился о двуличіе его!
 Нѣтъ, не меня ты обмануль, Жуанъ —
 Ты обмануль и Бога, и природу!

Входитъ донъ-Октавіо. Она его не замѣчаетъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО—послѣ долгаго молчанія.

Ужъ годъ къ концу приходитъ, донна-Анна,
 Съ тѣхъ поръ, какъ страшный васъ постигъ ударъ.
 Ужели нѣтъ вамъ въ горѣ облегченья?
 Отчаянью ужели нѣтъ конца?
 Все такъ же вы блѣдны и молчаливы,
 Все такъ же смотреть вашъ недвижный взоръ;
 О, если бы на мигъ я васъ увидѣлъ
 Какою я когда-то васъ знавалъ!

ДОННА-АННА.

Прошло то время, донъ-Октавѣо. Нынѣ
 Пора другая настаетъ. Я стала,
 Вы видите, спокойнѣе теперь.
 Я въ монастырь рѣшилась удалиться.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Что слышу я? Возможно-ль, донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Я такъ рѣшилась, донъ-Октавіо.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Нѣтъ!

Я не могу молчать предъ вами долѣ!
 Я далъ себѣ святое обѣщанье
 Не говорить вамъ о любви, но нѣтъ,
 Молчать нѣтъ силы долѣ. Донна-Анна!
 Я васъ люблю, какъ никогда никто
 Доселѣ не любилъ еще на свѣтѣ!
 Я васъ люблю не для себя. Богъ видитъ,
 Нѣтъ жертвы, нѣтъ такого униженья,
 Котораго-бъ не принялъ я для васъ.
 Мученья ада были бы ничто
 Въ сравненіи съ ревнивостью моею!
 Но я ее насильно заглушилъ,
 Обезоруженную подалъ руку
 Сопернику. Я зналъ, о, донна-Анна,
 Что онъ васъ недостоинъ; но его
 Любили вы — и онъ мнѣ сталъ священенъ!
 И самое мнѣ ваше заблужденье
 Священно было; и чтобы для васъ
 Спасти того, кто жизнь мою похитилъ,
 Я, не колеблясь, кинулся бы въ пламя!
 Забывъ кто онъ, забывъ себя, весь міръ,
 Я васъ лишь видѣлъ, васъ однихъ лишь помнилъ;
 Когда меня отвергли вы, когда,
 Злодѣйства ставъ неслыханнаго жертвой,
 Вы на мое безмолвное участие
 Холодностью одною отвѣчали,
 Я васъ любилъ, любилъ васъ безнадежно!
 Всѣ дѣйствія мои и всѣ мысленья
 Къ одной я только цѣли направлялъ,
 Въ себѣ самоѣ давно ужъ не живу я,
 Мою всю душу въ вашу перелилъ!

Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринулъ, все въ себѣ убилъ, —
Все, что не вы — мнѣ все невыносимо!

ДОННА-АННА — разсѣянно.

Мнѣ кажется, дня три ужъ, донъ-Октавйо,
Я не видала васъ.

ДОНЪ-ОКТАВЙО.

Дня три? Безъ чувствъ
Лежалъ я съ мѣсяцъ. Я былъ раненъ.

ДОННА-АННА.

Право?

Кѣмъ ранены вы были?

ДОНЪ-ОКТАВЙО.

Тѣмъ, кого
Назвать при васъ я не хочу.

ДОННА-АННА.

И что же?

Вы ранены... а онъ?... убить?

ДОНЪ-ОКТАВЙО.

Два раза

Мы съ нимъ сходились. Первый разъ онъ шпагу
Изъ рукъ мнѣ вышибъ и хотѣлъ мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Онъ выпалъ и насквозь мнѣ прокололъ
Плечо. Насъ разлучили.

ДОННА-АННА—послѣ нѣкотораго молчанія.

Донъ-Октавйо,

Вы о любви сейчасъ мнѣ говорили;
Какъ думаете вы, могу ли я

Спокойно васъ и хладнокровно слушать?
 Могу ли жить, смотрѣть на это небо,
 На эту зелень, на природу всю,
 Пока онъ живъ? Какъ? онъ, мой врагъ смертельный,
 Убійца моего отца, губитель
 Всего, что было свято для меня,
 Онъ живъ, онъ также видитъ это небо,
 Онъ воздухомъ однимъ со мною дышетъ,
 Онъ на одной живетъ со мной землѣ,
 Своимъ присутствіемъ онъ заражаетъ
 Тотъ мѣръ, гдѣ жить я съ нимъ осуждена,
 А вы, вы о любви мнѣ говорите!

Презрительно.

Вы съ нимъ дрались! Онъ вышибъ вашу шпагу!
 Онъ ранилъ васъ! И думаете вы,
 Что долгъ вы свой исполнили, что можно
 Вамъ о любви теперь мнѣ говорить!
 Да развѣ все вы совершили? Развѣ
 Къ нему законы чести примѣнимы?
 Дрались вы развѣ съ человѣкомъ? Какъ?
 Когда-бъ съ цѣпей сорвался хищный звѣрь
 И въ бѣшенствѣ весь край опустошалъ бы,
 Ему бы также вызовъ вы послали?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

О, донна-Анна, вѣрьте, вамъ не нужно
 Мою вражду насмѣшкой разжигать!
 Межъ имъ и мной не конченъ споръ кровавый,
 Но гдѣ слова, что вырвались у васъ,
 Они не ваши были, донна-Анна,
 Отчаяніе ихъ произнесло!

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, онъ не такъ бы поступилъ какъ вы!
 Когда бы онъ любилъ меня, когда бы
 Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ—о, давно

Съумѣлъ бы онъ отъ васъ меня избавить!
Любить онъ могъ бы, если-бъ захотѣлъ!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ ли
Меня извить такъ горько, донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Какія только знаю я проклятыя,
Я всѣ зову на голову его!
Быть-можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
Но намъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
Душою всей, и каждымъ помышленьемъ,
Дыханьемъ каждымъ я его клянусь,
Биемъ сердца каждымъ ненавижу,
Но ваше малодушье, донъ-Октавю,
Я презираю. Слышите ли? Васъ
Я презираю.

Уходить.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Да проститъ ей Богъ!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА БЛИЗЪ КАДИКСА.

Донъ-Жуанъ съ пріятелями за столомъ.

ПЕРВЫЙ.

Ха, ха, ха, ха! Забавное, донъ-Цезарь,
Вы рассказали похождение намъ!

ВТОРОЙ.

И что-жъ? Чѣмъ кончилось оно?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Инеса

Въ тотъ самый годъ отъ горя умерла.

ПЕРВЫЙ.

И совѣсть васъ не мучила?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нисколько.

ВТОРОЙ.

Ее вы развѣ не любили?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ.

ПЕРВЫЙ.

А долго ли вы были женихомъ?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Пока моя къ ней прихоть продолжалась.

ВТОРОЙ.

Что скажете намъ на это донъ-Жуанъ,
Учитель нашъ и мастеръ въ волокитствѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—къ донъ-Цезарю.

Святая церковь васъ осудить.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ,

Мой дядя кардиналъ, и мнѣ изъ Рима
Прислалъ онъ отпущеній про запасъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы цѣните, какъ должно, отпущенья?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Я не язычникъ, и моей души
Я погубить нисколько не намѣренъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вась жизнь не тяготить? Вы ей довольны?
Въ явленіяхъ ея вы ничего
Не ищете душою безпокойной?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Чего-жъ искать въ ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда паспортомъ въ рай вы запаслися,
А жизнью довольны, то съ Инесой
Вы поступили какъ подлець.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ—вскакивая.

Какъ? Чтѣ?

Чтѣ вы сказали?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я сказалъ, что вы

Подлецъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ—хватая бутылку.

Я проучу вась!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—хладнокровно.

Берегитесь,

Я вась убью.

ГОСТИ—бросаясь между ними.

Стыдитесь, господа!

Входитъ донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, донъ-Жуанъ, принесъ вамъ новый вызовъ

Отъ донъ-Октавю. Исцѣлясь отъ раны,
Онъ бой вамъ на-смерть предлагаетъ...

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Стойте!

Я первый долженъ биться съ донъ-Жуаномъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Сеньоръ, за донъ-Октавю первенство —
Онъ первый оскорбленъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Я не согласенъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я весь къ услугамъ вашимъ, господа;
Рѣшите это дѣло между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА, ДВОРЬ ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ ДОНЪ-ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ, Лепорелло въ длинныхъ сапогахъ, съ плетью
въ рукѣ.

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Что новаго?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, я изъ Севильи
Скакалъ всю ночь. Я думаю, вашъ конь
Поѣздку эту долго не забудетъ.

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Фискала видѣлъ ты? донеси ему
О новыхъ преступленьяхъ донъ-Жуана?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Исполнилъ, слово въ слово, все, что вы
Мнѣ приказать изволили напередни.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И что же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ, намъ очень плохо!
Случайно я провѣдалъ стороною,
Что къ нимъ изъ Рима будетъ новый членъ,
Какой-то донъ-Йеронимо. Онъ въ Кадиксъ
На кораблѣ на-дняхъ пріѣхать долженъ.
Святыхъ онъ братій хочетъ подтянуть;
Они его со страхомъ ожидаютъ;
Чтобъ избѣжать въ бездѣйствіи упрека,
Формальный вамъ готовится процессъ;
Арестовать должны васъ очень скоро.
Межъ тѣмъ разосланы во всѣ концы
Глашатаи, чтобъ ваше отлученье
Отъ церкви и закона объявить.
Пропали мы совсѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ Боабдилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Насчетъ его, позвольте мнѣ, сеньоръ,
Вамъ сообщить богатую идею.
Она пришла мнѣ въ голову, когда
Я къ вамъ скакалъ съ извѣстиемъ изъ Севильи.
Кто этотъ Боабдилъ? И какъ ему
Вы можете такъ безусловно вѣрить?
За то-ль, что онъ хотѣлъ васъ ткнуть кинжаломъ,
Ему отъ васъ всѣ милости идутъ,

И наравнѣ вы ставите его
 Со мной, и даже выше чѣмъ меня,
 Который столько лѣтъ вамъ служить честно?
 Вѣдь это васъ къ добру не поведетъ;
 Увидите, еще бродяга этотъ,
 Отступникъ, шельма, висѣльникъ и воръ,
 На васъ бѣду накличетъ. Средство-жъ есть
 Не только избѣжать бѣды, но пользу
 Изъ шельмы этого извлечь, когда вы
 Послушаетесь моего совѣта
 И въ разсужденъе вникнете мое.

Мой взглядъ на это дѣло очень простъ:
 Вѣдь Воабдилъ, не правда-ль, осужденъ
 Былъ инквизицею на сожженъе? Такъ ли?
 Его мы свободили. Но потомъ
 На нашу жизнь онъ покусился. Такъ ли?
 Теперь спрошу васъ: если бы мы знали,
 Что онъ покусится на нашу жизнь,
 Спасли ли-бъ мы тогда его отъ смерти?
 Нѣтъ, мы тогда его бы не спасли,
 И былъ бы онъ теперь сожженъ. Не правда-ль?

Итакъ, коль мы сождемъ его теперь,
 Мы этихъ не возьмемъ грѣха на совѣсть,
 Понеже все останется какъ было.
 А мой совѣтъ: схватить его сейчасъ
 И на дворѣ публично сжечь. Мы этихъ
 Докажемъ всѣмъ, въ комъ есть на насъ сомнѣнъе,
 Что добрые мы христіане. Ну,
 Чтó скажете, сеньоръ, на эту мысль?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что ты дуракъ, и, сверхъ того, завистливъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прикажете ли разложить костеръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Поди и позови мнѣ Боабдила.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сеньоръ. Я очень васъ прошу
Мое серьезно взвѣситъ предложенье.
У васъ на шеѣ новыхъ два убійства:
Октавю и донъ-Цезарь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Первый мнѣ

Своими вызовами надоѣлъ,
Второго же не жаль: онъ былъ подлець.
Но ты наскучилъ мнѣ. Поди сейчасъ
И Боабдила позови.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Извольте.

Уходить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—однѣ.

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ-Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда-нибудь случилось плакать. Нынѣ-жъ,
Въ мучительныхъ и сладкихъ сновидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предъ собой,
Я дѣлаюся слабъ, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я-бъ это чувство принялъ за любовь.
Но я не вѣрю ей. Одно желанье,

Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ-быть,
 Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
 Чего же ждать? Не буду малодушенъ,
 Чувствительность разсудкомъ изгоню,
 Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
 Пойду я прямо къ цѣли, и сомнѣнья
 Развязкой скорой положу конецъ!

Задумавшись.

Тогда и этотъ новый призракъ счастья
 Исчезнетъ какъ всѣ прежніе. Да, да,
 Я излечусь; но это излеченье
 Тяжелѣ будетъ самого недуга,
 И я куплю спокойствіе мое
 Еще одной потерей идеала!
 Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
 Несорваннымъ, но издали дышать
 Его томительнымъ благоуханьемъ,
 И каждый день, и каждое мгновенье
 Воздушною идеей упиваться?
 Безумный бредъ! То было бы возможно
 Другому, но не мнѣ. Мечтатель я —
 Но я хочу мечты осуществленья,
 Неясныхъ положеній не терплю.
 Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
 Довольствоваться въ жизни. Отъ нея
 Я исполненія требую. Я знаю,
 Что и теперь она не сдержитъ слова,
 Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
 Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
 Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
 Въ Испаніи да будетъ донна-Анна
 Моимъ послѣднимъ, горькимъ торжествомъ!
 Съ чего-жъ начну? Еще не знаю самъ,
 Но чувствую, что ужъ готовъ мой демонъ
 Мнѣ снова помогать: въ моей груди
 Ужъ раздуваетъ онъ губящій пламень,
 Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...

Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую,
 Мой замыселъ безжалостенъ и золъ,
 На власть ея теперь я негодую,
 Какъ негодуешь раненый орелъ,
 Когда полеть влечить онъ долженъ низко,
 И не рѣшу, что мнѣ волнуешь кровь:
 Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
 Иль ненависть похожа на любовь!

Приходить Боавдиль.

Ты все ли сдѣлалъ, какъ я приказалъ?

БОАВДИЛЬ.

Надежныхъ удалцовъ до полусотни
 На ваши деньги нанялъ я, сеньоръ.
 Фелука также ужъ совсѣмъ готова:
 Ходокъ отличный. Щегольски загнута,
 Лихая мачта въ воздухѣ дрожить;
 Прилаженъ къ ней косою латвискій парусъ;
 Мадонна шелкомъ вышита на немъ,
 На флагѣ гербъ Тенорьо де-Маранья—
 И провіанту вдоволь. По волнамъ,
 Какъ ласточка, скользя на нихъ безъ звука,
 Запрыгаетъ разбойничья фелука!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ вы на якорѣ стоите?

БОАВДИЛЬ.

Близко

Отъ вашего дворца. Скалистый мысъ
 Отъ крейсеровъ пока насъ закрываетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

По первому готовы будьте знаку
 Къ дворца ступенямъ подойти. На пиръ
 Я моряковъ удалыхъ приглашаю.

Сегодня, или завтра я намѣренъ
Испанію оставить навсегда.

Боабдиль уходитъ, входитъ Лепорелло.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну что-жъ, сеньоръ? Обдумали вы планъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сѣдлай сейчасъ мнѣ лучшаго коня,
Съ тобою вмѣстѣ я скачу въ Севилью.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Севилью? Боже мой!

Въ сторону.

Мой господинъ,
Мнѣ кажется, немного помѣшался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Севилью скачемъ мы съ тобой сейчасъ,
И прежде, чѣмъ настанетъ новый день,
Въ мои объятія будетъ донна-Анна.

СУМЕРКИ, КЛАДБИЩЕ.

Донъ-Жуанъ и Лепорелло слѣзаютъ съ лошадей.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь жди меня.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, сеньоръ,
Нельзя ли выбрать вамъ другое мѣсто?
Вѣдь это есть то самое кладбище,
Гдѣ погребенъ убитый командоръ!
Смотрите — вонъ и памятникъ его!

Весь мраморный, на мраморномъ конѣ,
У! какъ на насъ онъ сверху смотритъ строго!

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Ея отсюда вила недалеко,
Сюда же ночью не придетъ никто.
Здѣсь жди меня, я до зари вернуся.

Уходить.

ЛЕПОРЕЛЛО — одинъ.

Бррр! Дрожь меня по жиламъ пробираетъ!
Вѣдь, право, ничему не вѣрить онъ,
Все для него лишь тринъ-трава да дудки,
А на меня могильный холодъ вѣетъ,
И чудится мнѣ, будто межъ гробницъ
Уже какой-то странный ходитъ шепоть.
Ухъ, страшно здѣсь! Уйду я за ограду!

Уходить.

САТАНА — является между могиль.

Люблю межъ этихъ старыхъ плитъ
Прогуливаться въ часъ вечерній.
Довольно смѣшанно здѣсь общество лежитъ,
Между вельможъ есть много черни;
Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
Иныя мнѣ нельзя гробницы:
Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять,
Къ которымъ мнѣ нельзя и носу показать.

Подъ вѣдвнѣмъ небесной силы
Ихъ состоятъ могилы;
Мнѣ портятъ ангелы житье.
Не нужно напирать имъ слуха,
Сейчасъ провѣдаютъ по духу,
Такое тонкое чутье!
Ужъ я ихъ слышу приближенье...
Ну, такъ и есть, явился сюда...

Мое низжайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ.

Оставь усопшимъ ихъ забвенью,
Оставь гробы до страшнаго суда,
Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иной заботой завячь я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ-Жуана?
Я говорилъ, что поздно, или рано,
Онъ будетъ мой. И что-жь? Свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святаго онъ значенья,
Которая-бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершить надъ нею преступленья.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы слящія очи
Его прояснили,
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача.
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача;
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;

Онъ помнилъ видѣнье,
 Но требовалъ снова
 Ему примѣненья
 Средь міра земного,
 Пока его очи
 Опять не смежались,
 И мы, среди ночи,
 Ему не являлись;
 И вновь онъ преступный
 Гналъ замысль обратно,
 И мысли доступна,
 И сердцу понятна
 Стремленья земного
 Была неудача,
 И нашъ онъ былъ снова,
 Рыдая и плача!

САТАНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
 И самъ онъ, кажется, двоятся:
 Во снѣ онъ вашъ, но на яву онъ мой —
 На этомъ я согласенъ помириться!

ДУХИ.

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
 Невѣріе его есть только плодъ обмана,
 Ступить лишь на землѣ ты можешь донъ-Жуана,
 Но въ небѣ будетъ онъ прощенъ!

САТАНА.

Тогда бы въ небѣ толку было мало!
 Онъ сердится на ложь—сердиться воленъ всякъ.
 Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристама,
 Что отскоблить ее нельзя никакъ!
 А онъ скоблить сплеча, да ужъ едва ли
 Насквозь не проскоблилъ всѣ истины скрижали.

Не вѣрить на слово онъ никому ни въ чемъ;
 Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
 Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
 Своимъ изслѣдовать умомъ.
 Немножко щекотливо это!
 Я самъ, вѣдь, врагъ авторитета,
 Но пообтерся межъ людьми;
 Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
 Не то, пришлось бы, чортъ возьми,
 Мнѣ самого себя похѣрить!

ДУХИ.

Лукаво ты его смущалъ,
 Ты истощилъ его терпѣнье,
 И гнаться онъ усталъ за тою бѣглою тѣнью,
 Что живо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА.

Прошу покорно извиненья!
 Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,
 Но нивѣшній его предметъ
 Есть между всѣми исключенье.
 Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,
 Она, точь-въ-точь, на свой походитъ идеаль,
 И даже самому мнѣ странно,
 Что въ форму вылилась такъ чисто донна-Анна.
 Когда-бъ ее съумѣлъ онъ оцѣнить,
 Свершилось бы неслыханное чудо,
 Монхъ сътей разорвалась бы нить,
 И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.
 Но слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему-жъ еще обманъ?
 Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;
 Могу я руки положить въ карманъ
 И зрителемъ въ комедіи остаться.
 Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба,
 Теперь бы отдохнуть могли мы;

Вліяній нашихъ нѣтъ — влечетъ его судьба
И невозбѣжности законъ неумолимый!

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступить святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
Въ тревогѣ душъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
Жуанъ блуждаетъ, дерзостенъ и страстенъ,
Но за черту еще онъ не ступилъ,
И къ правдѣ онъ еще вернуться властенъ.
Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!
Святой любви таящееся чувство
Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.
Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужъ сбитый съ толку,
И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
Когда-бъ на нихъ теперь вы поглядѣли въ щѣлку!

ДУХИ.

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА.

А чтò есть истина? Вы знаете ли это?
Пыль на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшить загадку сущій вздоръ:

Представьте выпуклый узоръ
 На благѣ жестяной. Со стороны обратной
 Онъ въ глубину изображень;
 Двоякимъ способомъ выходить съ двухъ сторонъ
 Одно и то же акуратно.
 Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я —
 Мы обѣ стороны ея;
 Мы выражаемъ тайну бытія,
 Онъ верхней частью, я исподней,
 И вотъ вся разница, друзья,
 Между моей сноровкой и Господней.

духи.

Когда, какъ хоръ одушевленный,
 Земля и звѣзды, и луна,
 Гремятъ хвалой Творцу вселенной,
 Себя со злобою надменной
 Ему равняетъ Сатана!
 Но бѣса умищванья ложны,
 Тождественъ съ истинною Тотъ,
 Кого законы непреложны,
 Предъ Чьимъ величіемъ ничтожны
 Равно кто любить, иль клянетъ!
 Какъ звѣздный блескъ въ небесномъ полѣ
 Яснѣй выказываетъ игла,
 Такъ на твою досталось долю
 Противорѣчить Божьей волѣ,
 Чтобъ тѣмъ свѣтлѣй она была!

САТАНА.

Извѣстно, что отъ всякаго контроля
 Должны выигрывать дѣла.

духи.

Два разнородныя начала,
 Тому равно подвластны мы,

Кого премудрость указала —
 Намъ быть глаголомъ идеала,
 Тебѣ же быть глаголомъ тьмы!

САТАНА.

Согласенъ и на то. Безъ комплимента,
 Мы, значить, въ родѣ парламента;
 Мы, такъ сказать, правленія вѣсы.
 Сознайтесь, что Господь здѣсь только для красы;
 Онъ символъ лишь замысловатый;
 Дѣлами-жъ правниъ мы, двѣ равныя палаты;
 Точнѣй: коль на Него посмотришь съ двухъ сторонъ,
 Выходить, вы да я, мы совокупно — Онъ.
 Разрывъ нашъ — только умозрѣнье,
 Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;
 А для пустого развлеченья
 Дробиться цѣлому смѣшно.

Пора двухъ половинокъ устроить сочетанье:
 Химически смѣшавъ со злобою любовь,
 Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
 И погрузимся въ самосозерцанье!
 А миръ совѣтую предать его судьбѣ,
 Какъ заведенную разъ навсегда машину.
 Когда же вѣшности съ себя мы смоемъ тину
 И будемъ сами по себѣ —
 Какое дѣло намъ, какими путемъ къ сознанью,
 Съ какого именно конца,
 Съ параднаго, иль съ чернаго крыльца,
 Придетъ какой-нибудь шаркезе де-Маранья?

ДУХИ.

Едины, цѣльно, недѣлимы,
 Полно созданья своего,
 Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо,
 Царить отъ вѣка Божество.
 Осуществилося въ немъ ясно
 Чего постичь не могъ никто:

Несогласное согласно,
 Съ грядущимъ прошлое слитѣ,
 Совѣстно творчество съ покоемъ,
 Съ невозмутимостью любовь,
 И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
 Ея созданья вновь и вновь.
 Всемирнымъ полная движеньемъ,
 Она свѣтиламъ кажетъ путь,
 Они нисходитъ вдохновеньемъ
 Въ пѣвца восторженную грудь;
 Цвѣтами рдѣя полевыми,
 Звуча въ паденья свѣтлыхъ водъ,
 Она законами живыми
 Во все, что движется, живетъ.
 Всегда различна отъ вселенной,
 Но вѣчно съ ней соединена,
 Она для сердца несомнѣнна,
 Она для разума темна.
 Замокни, жалкій сынъ паденья,
 И словъ язвительныхъ не трать —
 Тебѣ святого Провидѣнья
 Душой холодной не понять!

САТАНА.

Я только пошутилъ. Хотѣлъ вамъ доказать я,
 Что всемъ системамъ, безъ изъятъя,
 Есть въ безпредѣльности просторъ,
 И что, куда мы нашъ ни кинемъ взоръ,
 Мы, мѣтя въ кругъ неизмѣримый,
 Никакъ попасть не можемъ мимо.
 Въ той области, гдѣ центра нѣтъ,
 Гдѣ центромъ служитъ каждый пунктъ случайный,
 Гдѣ виѣстѣ явно все и тайно,
 И гдѣ условны мракъ и свѣтъ —
 Тамъ всѣ воззрѣнія возможны,
 Всѣ равно вѣрны, или равно ложны.
 Поэтому и вашъ я допускаю взглядъ,

И если на явленій рядъ
 Съ извѣстной точки посмотрю я,
 Готовъ, какъ вы, кричать я: Аллилуйя!
 Ура! Осанна! Святъ, святъ, святъ!
 Усердья моего ничье не перевыситъ;
     Досадно то, что результатъ
     Отъ точки зрѣнія зависить.

ДУХИ.

Царь тьмы, къ чему двусмысленная рѣчь?

САТАНА.

Къ тому, чтобъ васъ предостеречь
 Отъ безполезнаго старанья
 Спасти Жуана де-Маранья.
 Какую-бъ намъ систему ни принять:
 Систему вѣры, иль рационализма,
 Деизма, или пантеизма,
 Хоть всё до одного отгѣнки перебрать,
 Которыми привыкла щеголять
 Философическая призма, —
 Того, кто Промысла отвергнулъ благодать,
 Но сѣсть не хочетъ въ кресла фатализма,
 А преть себѣ впередъ, и въ сторону, и вспять,
 Какъ по льду гладкому скользя —
     Спасти нельзя!

ДУХИ.

Господь! Постигнуть дай Жуану,
 Чтѣ смутно видѣлъ онъ вдали!
 Души мучительную рану
 Сознаньемъ правды исцѣли;
 Но если, тщетно званный нами,
 Онъ не пойметъ Твоей любви,
 Тогда сверкающій громами
 Свой гнѣвный ликъ ему яви,

Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его, какъ голось судныхъ трубъ!

САТАНА.

На эти чудеса Господь довольно скупъ,
И скромно прячется за тучей,
Когда гремитъ. На всякій случай,
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанье.
Кто-бъ ей ни овладѣлъ, порокъ, иль благодать,
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить, иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовутъ душой земли,
Ты, что магнитный токъ сквозь міръ всегда струишь,
Услышь теперь мой зовъ, словамъ моихъ внимаи,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ,
Незримое астральное теченье,
Твой господинъ тебя зоветъ,
Явись принять его велѣнья!
Ты, что людской всегда питаешь потъ и трудъ,
Ты, что такъ много душъ сгубила,
Усердье, преданность, иль какъ тебя зовутъ,
Явись, бессмысленная сила!

Является туманная фигура.

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
Еще не знаетъ чѣмъ ей выдти изъ тумана.
Готовься-жъ петлю, спутанную мной,
Разсѣчь, иль затянуть, по выбору Жуана!
Отнынѣ будь ему во всемъ подчинена:
Что-бъ ни задумалъ онъ, отъ прихоти иль скуки—
Все слѣпо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершилъ свое, и умываю руки!
Смотрите: равности полна,

Уже дрожить и зыблется она,
 Всѣ виды принимать и образы готова.
 Терпѣнье, бабушка! Жди знака, или слова,
 Потому уже не знай ни страха, ни любви,
 Свершай, что онъ велить, безъ мысли, ни пощады,
 И воплотившись разъ, топчи, круши преграды —
 И самого его въ усерды раздави!

ДУХИ.

Постой, внемли и намъ! Въ то страшное мгновенье,
 Когда на бездны край ужъ ступить донъ-Жуанъ,
 Послѣднее ему неси остереженье
 И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
 Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится —
 Его судьба да совершится!

Фигура исчезаетъ.

МѢСТО ПЕРЕДЪ ВИЛЛОЙ ДОННЫ-АННЫ.

Офицеръ съ патрулюю.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Сейчасъ онъ промелькнулъ передо мною.

ОФИЦЕРЪ.

Увѣренъ ты, что это точно онъ?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Я видѣлъ бѣлое перо на шляпѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Довольно бѣлыхъ перьевъ безъ него.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ кажется, онъ въ этотъ дворъ вошелъ.

ОФИЦЕРЪ.

Не можетъ быть. То вила донны-Анны;
Сюда войти не смѣлъ бы донъ-Жуанъ.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Я точно видѣлъ.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ такъ показалось,
Что за уголь онъ повернулъ.

ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ.

Сперва по этой улицѣ, когда же
Тамъ никого не встрѣтимъ, то вернемся.

Уходить.

ВИЛЛА ДОННЫ - АННЫ.

Сначала сумерки. Потомъ луна освѣщаетъ часть комнаты.
Другая остается въ тѣни.

ДОННА - АННА — одна.

Все та же неотвязчивая мысль
Вокругъ меня какъ черный воронъ вьется...
Такъ поступить! Зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ,
Что онъ во мнѣ ошибся? Что не та я,
Которую искалъ онъ? Не сказалъ мнѣ,
Что, полюбивъ, онъ разлюбилъ меня?
Я поняла-бъ его, я извинила-бъ,
Я оправдала бы его! Ужели
Монихъ упрековъ, слезъ, или моленій,
Боялся онъ? Я не давала права
Ему такъ низко думать обо мнѣ!
Все могъ онъ сдѣлать, все, но это — это —
О, Боже, Боже, пожалѣй меня!

Подходить къ окну.

Октавіо нейдетъ. Я знаю, гдѣ онъ.
 Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца —
 Я не страшуся друга потерять —
 Страхуся только, чтобъ его противникъ
 Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ.
 Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
 И жалость, и участіе. Меня
 Онъ какъ потокъ схватилъ неумолимый
 И отъ всего родного оторвалъ.
 Съ боязнію теперь въ себя гляжу я:
 Тамъ прошлаго не видно и слѣда,
 И чуждыя мнѣ чувства поселились
 Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
 Лишь смерть его, лишь только смерть одна
 Покой душевный возвратитъ мнѣ можетъ!
 Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
 Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря,
 Не въ силахъ я ни плакать, ни молиться.
 Но, кажется, слышались шаги...
 Звенять по мраморнымъ ступенямъ шпоры...
 Идутъ сюда... Октавіо вернулся!
 Донъ-Жуанъ показывается, въ плащѣ, съ надвинутой на гла-
 за шляпой. Донна-Анна бросается къ нему на встрѣчу.
 Октавіо!.. ну, что же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ — сбрасывая плащъ.

Это я.

Донна-Анна, въ ужасѣ, отступаетъ.

Я знаю, донна-Анна, что мой видъ
 Вселяетъ въ васъ и ненависть, и ужасъ.
 Вы правы. Для меня прощенья нѣтъ,
 Нѣтъ никакихъ предъ вами оправданій.
 Я былъ для васъ орудіемъ судьбы,
 И не могу исправить что случилось.
 Но я пришелъ сказать вамъ, что на вѣкъ
 Я покидаю этотъ край, что вы
 Отъ близости избавитесь несносной
 И можете свободнѣе дышать.

ДОННА-АННА — въ сторону.

Что мнѣ мѣшаетъ въ грудь ему сейчасъ
Вонзить кинжалъ? Какое колебанье
Мою безсилить руку?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донна-Анна,
Когда до васъ извѣстiе дойдетъ
О смерти ненавистнаго Маранья,
Могу ли ожидать, что это ния
Не будете вы болѣ проклинять?

ДОННА-АННА.

Онъ говорить о смерти! Боже правый!
О смерти онъ дерзаетъ говорить,
Тотъ, кто всегда кровавой смертью дышетъ,
Кому она послушна, какъ раба!
Гдѣ донъ-Октавiо? Отвѣчайте, гдѣ онъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Октавiо убить.

Донна-Анна хочетъ говорить, онъ ее предупреждаетъ.

Я не искалъ
Его погибели. Онъ самъ хотѣлъ
Со мною биться. Я не могъ ему
Подставить горла, какъ овца; но я
Завидую теперь его судьбѣ.

ДОННА-АННА.

Обрызганъ кровью моего отца,
Онъ моего еще зарѣзалъ брата,
И хвалится убійствомъ предо мной!
И не разступится подъ нимъ земля?
И пламя не пожретъ его? Громъ Божiй,
Ударь въ него! Испепели его!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Увы, никто не слышитъ, донна-Анна,
 Проклятій вапникъ. Ясенъ сводъ небесъ,
 Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ,
 Торжественно на землю сходитъ ночь,
 Но въ небесахъ все пусто, донна-Анна.
 Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда-бъ внезапно громъ
 Теперь ударилъ, я-бъ повѣрилъ въ Бога,
 Но громъ молчитъ — я вѣрить не могу!

ДОННА-АННА.

Онъ богохульствуетъ! Доколь, о, Боже,
 Терпѣнїе Твое не истощится?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
 Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,
 Какія-бъ ледь горячія я слезы,
 Какія бы молитвы я нашель!
 О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
 Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
 И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
 Простертый въ прахъ, и съ пепломъ на главѣ,
 Хоть долю искупить тѣхъ преступленій,
 Которыя безвѣрьемъ рождены!
 Какитъ бы я искалъ себѣ мученій,
 Какитъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
 Какъ жадно-бъ я страданьемъ упивался,
 Когда бы могъ повѣрить въ божество!
 О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА-АННА.

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
 Съ разсчитаннымъ, холоднымъ наслажденьемъ,

Всегда святыню сердца убиваль —
Тотъ сожалѣть о своемъ безвѣрїи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я разрушалъ въ моемъ ожесточеньи
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.
За жизнь мою и за мое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я истилъ.
Себя, другихъ, весь мїръ я ненавиждѣлъ,
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣлъ,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужъ былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто
Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попасться въ сѣть; я гордо захотѣлъ
Убить въ себѣ мучительное чувство,
И святотатно я его попрагъ.
Я самъ себѣ безумно поспѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня — увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужъ я наказанъ.
Не удалось мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ,
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда-бъ я могъ, хотъ изрѣдка, васъ видѣть —
Не здѣсь — о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нищими, колонною сокрытъ,
Когда-бъ я могъ, хотъ издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ — о!
Тогда, быть-можетъ, былъ бы я спасенъ
И вѣрить вновь тогда бы научился!

ДОННА-АННА.

Ужъ слишкомъ долго слушала я васъ —
Межъ нами разговоръ быть не можетъ.
Раскаляясь когда вы непритворно,
Ищите утѣшенья въ лонѣ церкви,
Меня-жъ оставьте — вамъ не мѣсто здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я церковью отринуть. Въ этотъ мигъ,
Пока я съ вами говорю; убійцы
Вездѣ ужъ рыщутъ по мнѣ слѣдамъ,
И голова оцѣнена моя.
Отъ церкви не могу я ждать пощады!

ДОННА-АННА.

Идите въ Римъ. Къ ногамъ падите папы.
Петра намѣстникъ можетъ васъ простить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда не вѣрю въ самого я Бога,
Чего у папы мнѣ еще искать!
Не папа можетъ воскресить надежду,
Не папа съ жизнью можетъ помирить!
Простите, донна-Анна. Я безулецъ.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нѣтъ, для меня не можетъ быть спасенья!
Идти я долженъ до конца. Нельзя
Остановиться мнѣ на полдорогѣ,
Въ отчаянье я брошуся опять!
Пусть оьяняютъ мой разумъ преступленья,
Въ страстей тревогѣ пусть забуду я
Влечущій мнѣ отрадный лучъ надежды!
Какъ бѣшенный, неукротимый конь,
Я къ пропасти направлю бѣгъ безумный,
И, какъ шумящій водопадъ, съ высотъ

Низринусь въ бездну. Мнѣ одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

ДОННА-АННА.

Слова безумья, или ослѣпленья!
Я ненавижу васъ... но долгъ велитъ
Вамъ указать убѣжище молитвы...
Барабанный бой.

ГОЛОСЪ ПОДЪ ОКНАМИ.

„Во имя короля и Sant'Officio!
Симъ объявляется всѣмъ христіанамъ,
Что донъ-Жуанъ, маркесе де-Маранья,
Отъ церкви отлучается Христовой
И виѣ законовъ нынѣ состоятъ.
Всѣ для него убѣжища закрыты,
Не исключая божьихъ храмовъ. Всѣмъ,
Кому его извѣстно пребыванье,
Виѣняется въ священный долгъ о немъ
Немедленно начальству донести.
Къ кому-жъ онъ обратится, тотъ его
Обязанъ выдать въ руки мѣстной власти,
Подъ опасеньемъ вѣчнаго проклятья —
Таковъ надъ нимъ церковный приговоръ“.
Барабанный бой.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться съ церковью или съ закономъ?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

ДОННА-АННА—которая, между тѣмъ, по-
дошла къ двери и прислу-
шивалась.

Стойте, донъ-Жуанъ!

Входитъ слуга; донна-Анна становится передъ донъ-
Жуаномъ, который остается въ тѣни.

СЛУГА.

Сеньора, офицеръ священной стражи
Желаетъ васъ увидѣть.

ДОННА-АННА

Пусть войдетъ.

ОФИЦЕРЪ.

Прошу меня простить, сеньора. Я
Съ патрулью наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать преступника.

ДОННА-АННА.

Кто онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Намъ показалось, что онъ въ эту виллу
Вошелъ недавно.

ДОННА-АННА.

Какъ его зовутъ?

ОФИЦЕРЪ

Къ несчастію, вамъ его извѣстно ния:
То донъ-Жуанъ, маркесе де-Маранья.

ДОННА-АННА.

Какъ можете вы полагать, чтобъ онъ
Осмѣлился сюда придти? Вы, вѣрно,
Замѣтили кого-нибудь другого.
Но я велю вездѣ васъ проводить,
И позволяю осмотрѣть всю виллу.

ОФИЦЕРЪ—поднимая плащъ донъ-Жуана,
съ замѣшательствомъ.

Сеньора... этотъ плащъ?..

ДОННА-АННА.

Какую связь
Имѣть съ порученьемъ вашимъ чей-то
Оставленный здѣсь плащъ? Надѣюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убійцу моего отца?

ОФИЦЕРЪ.

Сеньора,
Я виноватъ, простите, мы ошиблись.

Уходить.

Донна-Анна слѣдитъ за нимъ глазами, потомъ смотритъ на донъ-Жуана, шатается и готова упасть. Донъ-Жуанъ ее поддерживаетъ.

КЛАДВИЩЕ, ОСВѢЩЕННОЕ ЛУНОЮ.

ЛЕПОРЕЛЛО—вбѣгая въ ограду.

Нѣтъ, страшно мнѣ и тамъ! кругомъ вездѣ
Все движется и шепчетъ! Рвутся кони
И фыркаютъ, покрыты бѣлой пѣной...
Гдѣ господинъ мой? Ужъ пора-бъ давно
Ему сюда вернуться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—входя.

Свершено!
Полубманъ и полукровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятя донну-Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Скорѣй, сеньоръ! Ускачите отсюда!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какъ вновь во мнѣ кипитъ и жизнь, и сила!
Весь миръ теперь я вызвалъ бы на бой!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прочь, прочь отсель! Ускачемъ, ради Бога!
Нечисто здѣсь, любезный мой сеньоръ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все тотъ же ты! Всегда трусливъ какъ заяцъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, ускачемъ! Командоръ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что командоръ?

ЛЕПОРЕЛЛО—показывая на статую.

Глядите, какъ онъ смотритъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Зови его ко мнѣ на ужинъ завтра!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ради Бога, не шутите такъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не шучу. Зови его на ужинъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Уйдемъ, уйдемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, надо проучить

Твою мнѣ трусость. Подойди сейчасъ
И пригласи на ужинъ командора!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой, не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я заколю тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Исполню вашу волю!

Подходить къ памятнику.

Великая статуя командора!

Мой господинъ — не я, ей-ей, не я —

Васъ приглашаетъ... нѣтъ, я не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Кончай сейчасъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Васъ приглашаетъ завтра

Пожаловать къ нему на ужинъ... Ая!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, что!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Она... ей-ей, она кивнула!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Постой же, трусь, я научу тебя

Безстыдно лгать. Сюда! Смотри на верхъ!

Беречь Лепорелло за воротъ и обращается къ статуѣ.

Статуя командора! Я даю

Прощальный ужинъ завтра, и желалъ бы,

Чтобъ на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужинъ?

Статуя киваетъ.

Что за чортъ!

Я, кажется, не пьянъ, а вижу мутно.
Должно-быть, я усталъ. То къ головѣ
Кровь приливаетъ и туманитъ зрѣнье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вѣгу!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА.

Зала окнами къ морю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — одинъ, пасмурный и
недовольный.

Я побѣдилъ. Но удовольворенья
Ожданнаго я не нахожу.
Она мнѣ отдалася безъ сознанья;
Мнѣ помогли внезапность и распахъ;
Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этииъ сердцемъ!
Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣе подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднiя убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою,
Самою ей къ изумленiю, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабой —
Вотъ, гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ, что побѣдой полной я-бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струнъ,
И много темныхъ сердца тайниковъ

Я не извѣдалъ. Но теперь ужъ поздно!
 Надъ головой моей сверкаетъ мечь,
 И долженъ я Испанію покинуть!
 Утѣшусь тѣмъ, что я-бъ и въ этомъ сердцѣ
 Открытыя сдѣлать новаго не могъ.
 Жалѣть о неисчерпанной интригѣ
 Не все-ль теперь равно, что сожалѣть
 О кой-какихъ мѣстахъ моей отчизны,
 Которыхъ я не посѣтилъ? Отчизна,
 И женщины, и цѣлый родъ людской
 Извѣстны мнѣ. Зачѣмъ же не могу я
 Воспоминаніе о доннѣ-Аннѣ
 На днѣ души моей похоронить,
 Какъ и другія всѣ воспоминанья?

Входитъ Боавдиль въ вооруженіи пирата.

Но вотъ моей фелуки капитанъ.
 Послушаемъ, чтó онъ принесъ.

БОАВДИЛЬ.

Сеньоръ,
 Исправно все. Къ отплытью мы готовы!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — осматривая его карабль.

Вотъ такъ люблю тебя. Колпакъ и куртка,
 И абордажный на цѣпи топоръ,
 Узорные морскіе шаровары,
 И туфли на босую ногу. Bravo!
 Ты молодецъ, разбойникъ хоть куда!

БОАВДИЛЬ.

И хоть куда готовъ я васъ доставить,
 Лишь поскорѣй бы въ море намъ уйти!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — про себя.

Вотъ, этого сомнѣнія не мучать,
 И нѣтъ разлада въ немъ съ самимъ собой.

Мнѣ любопытно знать, какъ на моемъ
Онъ поступилъ бы мѣстѣ.

Постараюсь

Вопросъ мой примѣнить къ его понятьямъ.

Къ Боабдилу.

Скажи мнѣ, Боабдилъ, тебѣ не жаль
Разстаться навсегда съ твоей отчизной?

БОАВДИЛЪ.

Сеньоръ, весь этотъ андалузскій край
Былъ нашъ когда-то. Намъ принадлежалъ
Весь круговоръ, что обнимаетъ око
Съ зубчатыхъ башенъ царственной Альгамбры.
Въ ту пору я, быть-можетъ, пожалѣлъ бы
О родинѣ, какъ о своемъ добрѣ;
Но нынѣ проку мало въ ней, и я
Давно пустыне бросаю предрасудки;
Я родной считаю всякій край,
Гдѣ золото мнѣ сыплется въ карманы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты судишь здраво. Съ этой точки зрѣнья
Твой образъ мыслей можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашелъ
Несмѣтный кладъ, такихъ сокровищъ груды,
Какія, по преданію, лежатъ
Въ заваленныхъ подвалахъ подъ Альгамброй,
Что-бъ сдѣлалъ ты тогда?

БОАВДИЛЪ.

Сказать вамъ правду,
Нашедши кладъ, я разсудилъ бы тотчасъ,
Что большій кладъ еще найти возможно,
И большій бы отыскивать я началъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — про себя.

Я къ этому мошеннику не даромъ

Сочувствіе мнѣ. Мы сложи правою,
 Но въ клады я не вѣрю ужъ давно;
 А странно, что досель я не могу
 О ней не думать! Въ память глубоко
 Слова и голосъ врѣзались ея.
 И этотъ взглядъ испуганный, когда
 Опомнилась она въ моихъ объятіяхъ.
 Безумный донъ-Жуанъ! До конкхъ поръ
 Играть тобой воображенье будетъ!
 Стыдись хоть Боабдила. Этотъ ищетъ
 Чтѣ находить и добывать возможно —
 А ты? Стыдись! тебя смущаетъ сонъ!

Къ Боабдилу.

Ты не забылъ различною одеждою,
 На всякій случай, заpastися? Намъ,
 Я думаю, придется въ Барселонѣ
 Дня два, иль три, инкогнито прожить.

БОАВДИЛЬ.

Отъ капуцина и до пикадора
 Припасены наряды всѣхъ сортовъ;
 Лишь стѣбитъ ихъ доставить на фелуку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я ночью сняться съ якоря намѣренъ,
 Теперь же всѣхъ зову ко мнѣ на пиръ.

ЛЕПОРЕЛЛО — вбѣгая въ испугѣ.

Сеньоръ! Сеньоръ! Дворецъ вашъ окружаютъ
 Со всѣхъ сторонъ святыя familiases!
 Весь дворъ ужъ полонъ стражи; всѣ ворота,
 Всѣ двери миі заняты! Сейчасъ
 Арестовать придетъ васъ ихъ начальникъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ого! Должно быть, донъ-Йерѣнимо,

Тотъ новый членъ, котораго изъ Рима
Они въ Севилью ждуть, шутить не любятъ!
Мы ихъ принять готовы. Воабдилъ,
Твои одежды намъ пришлось кстати:
Забавный мы затѣмъ наскарадь.
Ты будешь капитанъ, который въ Кадиксъ
Йерónimo привезъ; ты-жъ, Лепорелло,
Ты — самъ Йерónimo. Смотрите-жъ, оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ.

Воабдилъ и офицеръ стражи.

ВОАБДИЛЪ.

Съ утра они въ молельнѣ заперлись.
Я подходилъ на цыпочкахъ ко двери:
Тамъ тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье,
Да увѣщанья честнаго отца.
Должно быть, донъ-Жуанъ великій грѣшникъ!
Во время рейса, донъ-Йерónimo
Мнѣ говорилъ, что у него отъ папы
Инструкція особенная есть
На счетъ сего еретика, Жуана.

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ его арестовать;
Изъ устъ донъ-Йерónimo я долженъ
О томъ услышать, какъ мнѣ поступить.

ВОАБДИЛЪ.

Вы подождать должны, пока они,
Свою бесѣду кончивъ, изъ молельни
Къ намъ выйдутъ.

ОФИЦЕРЪ.

Извините, капитанъ,
Отвѣтственность и служба мнѣ велятъ
Немедленно войти въ молельню. Мнѣ
Не можно ждать!

БОАВДИЛЪ.

Я умываю руки.

Офицеръ входитъ въ боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Лепорелло, въ креслахъ, одѣтый доминиканцемъ. Передъ нимъ
на козняхъ донъ-Жуанъ. Входитъ офицеръ стражи.

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ, простите...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Это что такое?

Кто смѣетъ насъ въ молитвѣ прерывать?

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать Жуана де-Маранья.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Что? Теперь? При мнѣ? Ты знаешь ли,
Мошенникъ... я хотѣлъ сказать: мой сынъ —
Что я съ инструкціей отъ папы присланъ
И самъ могу тебя арестовать?

ОФИЦЕРЪ.

Простите. Вотъ мандатъ мой! Я обязанъ
Вамъ предъявить комиссію мою.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Гдѣ твой мандатъ? Давай его сюда!

Офицеръ подаетъ бумагу. Лепорелло ее раздираетъ.

Вотъ твой мандатъ! И знай, что была папы

Даетъ мнѣ власть Жуана де-Маранья,

Заблудшую, но кроткую овцу,

Благословить и отъ грѣховъ очистить:

Знай, что сей самый грѣшникъ, донъ-Жуанъ,

Котораго арестовать пришелъ ты,

Моиъ словесъ проникнулся елеемъ,

Отвергъ душой мирскую суету

И поступаетъ кающимся братомъ,

Въ Севиллю, въ картозскій монастырь!

Не такъ ли, сынъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, отецъ мой, такъ!

Мнѣ миръ постылъ, я быть хочу монахомъ;

Моей безпутной, невоздержной жизни

Позналъ я сквернь, и алчеть безпредѣльно

Душа молитвъ, а тѣло власяницы!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ее ты примешь, сынъ мой, скоро примешь;

Тебѣ лишь испытанье предстоитъ

И ты монахомъ будешь. Pax vobiscum!

Къ офицеру.

Ну, что! Чего стоишь, разиня ротъ?

Ты этого не ожидалъ, безбожникъ?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Отецъ, отецъ! Скажи мнѣ лучше,

Какъ исповѣдъ ты нашу смѣлъ прервать?

Ты долженъ быть отъявленный еретикъ!
Распущены вы всѣ, я это вижу;
Но я васъ подтяну. Ты знаешь ли
Желѣзныя ботинки? Пытку? Цѣпи?
Тюрьму? Костеръ? Проклятыя церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Я виноватъ, что васъ прервалъ, но служба...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты не размыслилъ,
Что прерывать меня есть преступленье?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой, какъ я смѣю размышлять?
Начальству долженъ я повиноваться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Начальству? Да. Но кто твое начальство!

ОФИЦЕРЪ.

Священный трибуналъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ было прежде.
Но съ той поры, какъ я ступилъ на берегъ,
Твое начальство я. Смотри мнѣ въ грудь
И выражай лицомъ подобострастье,
Довѣрье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвѣчай!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье, отецъ мой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье есть...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неправда! Врешь!

Повиновение есть то, что если
Я прикажу тебѣ плясать качучу,
То долженъ ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если-жъ
Не хватить силъ твоихъ я ты умрешь,
Ты долженъ умереть, а все плясать!
Вотъ чтò повиновенье. Понимаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Ты смѣешь отвѣчать?

Эпитимью тебѣ! Эпитимью!
Бей каждый день сто-пятьдесятъ поклоновъ,
И на колѣняхъ тридцать патерностровъ,
И пятьдесятъ читай Ave Maria!
Ну, чтò? Чего стоишь? Бѣги въ Севилью
И объяви, чтò видѣлъ!

ОФИЦЕРЪ.

Мой отецъ,
Мнѣ письменное нужно приказанье.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, да, конечно. Я бы посмотрѣлъ,

Какъ ты посмѣлъ бы убѣжать отсюда
Безъ письменнаго приказанья!

Къ донъ-Жуану.

Сынъ мой,

Встань, напхни сейчасъ къ святымъ отцамъ
Цедулу. Я подъ ней поставлю крестъ.
Его въ Севильѣ знаютъ, слава-Богу!

Донъ-Жуанъ пишетъ и подаетъ бумагу Лепорелло,
который ставитъ крестъ и передаетъ офицеру.

Вотъ приказанье... На, ступай, да помни:
Ста два поклоновъ! Сорокъ патерностровъ!
И семьдесятъ Ave Maria въ день!

Офицеръ кланяется и уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — смотря ему въ слѣдъ.

Ушелъ глупецъ. Счастливаго пути!
И всѣ они такого же покроя!
Онъ такъ привыкъ все слушаться начальства,
Что размышлять совсѣмъ уже отвыкъ.
Играть такимъ отродіемъ не трудно,
Лишь стѣять подиѣнить начальство. Право,
Какъ вспомню я, что цѣлый родъ людской
Привычкѣ служить, подъ привычкой гнется,
То стыдъ беретъ, на эту сволочь глядя,
Что къ ней и я принадлежу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Морозъ

Меня теперь по кожѣ подираетъ,
Когда я вспомню, чѣмъ я рисковалъ.
А славную мы выкинули штуку!
Ха, ха! Монахомъ будетъ донъ-Жуанъ!
Пожалуй, изъ монаховъ можно въ папы!
Сеньоръ, когда вы сдѣлаетесь папой,
Прошу и мнѣ пожаловать къстечко.

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Ты былъ бы инквизиторомъ въ Севильѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И строгимъ инквизиторомъ, сеньоръ!
 Иль думаете вы, я-бъ не сзунѣлъ
 Безнравственность преслѣдовать и ересь!
 Пусть кто-нибудь осмѣлился-бъ при мнѣ
 Жену чужую соблазнить! Пусть слово
 Не въ пользу-бъ инквизиціи сказать!
 Будь онъ хоть шепетунъ, будь онъ занка,
 Мнѣ перваго довольно было-бъ слога,
 Чтобъ остальные отгадать. Да что тутъ!
 Я мысль его узналъ бы по глазамъ,
 По шанкѣ, по походкѣ. Стой, братъ, шутишь —
 И тотчасъ на костерь! Мнѣ не учиться,
 Уловки всѣ я знаю наизусть,
 На все я въ вашей школѣ насмотрѣлся,
 Меня-бъ не провели. А съ новымъ платьемъ
 И правила-бъ я новыя надѣлъ,
 Вы не узнали бы меня!

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Не первымъ
 И не послѣднимъ былъ бы ты. Однако
 Меня продѣлка эта развлекала,
 А то съ утра еще мнѣ было какъ-то
 Особенно и скучно, и досадно.
 Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
 И весело пробиться до конца!
 Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворецъ
 Былъ освѣщенъ, чтобъ музыка гремѣла,
 И чтобъ вино всю ночь лилось рѣкой!
 Мы на разсвѣтѣ поднимаемъ якорь!

НОЧЬ, ОТКРЫТАЯ ГАЛЛЕРЕЯ У МОРЯ.

Въ глубинѣ видны мачты фелуки. Великолѣпное освѣщеніе и музыка. За убранными столами сидятъ пираты. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Всѣхъ звать ко мнѣ! Всѣ дорогіе гости!
Прошу моихъ сосѣдей веселиться
И быть какъ дома!

Къ музыкантамъ.

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — къ Боабдилу.

Никто изъ крейсеровъ васъ не замѣтилъ?

БОАБДИЛЪ.

Никто, сеньоръ. Мы подошли къ дворцу,
Когда ужъ все стемнѣло. Эти псы
Подозрѣвать не могутъ ничего.
Имъ виднѣнъ съ моря блескъ дворцовыхъ оконъ
И музыка веселая слышна;
А убѣжать готовится не такъ,
Чья голова обречена на плаху!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чтобъ праздникъ нашъ и наше освѣщенье
Казались имъ еще великолѣпнѣй,
Передъ отплытьемъ я зажгу дворецъ —
Пусть это будетъ также утѣшеньемъ
Соотчичамъ моимъ, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпѣть,
Я вдалъ плыву, и требуетъ учтивость
Спѣть что-нибудь въ честь родины моей!

Беретъ гитару, строитъ ее и поетъ,
глядя на море.

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ,

На излучины сонныя
Смотрять тысячи звѣздъ;

Волнѣ влюбленныхъ лобзанія
Раздаются кругомъ,
Тихо дремлетъ Испанія
Упоительнымъ сномъ.

Но нерѣдко, прелестницу
Поклядая средь сна,
Я взмѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна.

Такъ и нашъ, о, Испанія,
Я кончаю союзъ,
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда расстаюсь!

ЛЕПОРЕЛЛО — тихо къ донъ-Жуану.

Сеньоръ, два слова! Слова два, не болѣ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — не обращая на него вниманія, переходить въ другой тонъ и продолжаетъ.

То, что снилось мнѣ, того нѣтъ на яву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней беспокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистающей пращи,
Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!

Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но за то я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

ЛЕПОРЕЛЛО — на ухо донъ-Жуану.

Сеньоръ, здѣсь маскированная дама
Желаеть съ вами говорить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Проси!

Люблю всегда я новыя знакомства.
Не много времени осталось мнѣ,
Но приключенье встаетъ на отъездѣ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Пожалуйста, сеньоръ, поосторожнѣй!
Не забывайте, что у женъ мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтобъ женщины замужнія всѣ были,
А всѣ-бъ мужчины были холостыя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Иди, болтунъ, проси ее сюда!
Донна-Анна подходитъ, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — идетъ къ ней на встрѣчу.

Сеньора, какъ я счастливъ...

ДОННА-АННА — снимая маску.

Донъ-Жуанъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ — отступая.

Вы? Вы? Возможно-ль?

Въ сторону.

Какъ она блѣдна!

ДОННА-АННА.

Я навсегда пришла проститься съ вами...
Услыште умирающей слова...
Въ моей душѣ нѣтъ болѣе упрековъ,
Я васъ пришла предостеречь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора...

ДОННА-АННА.

Мой срокъ коротокъ... я должна спѣшить...
Послушайте внимательно меня;
Спасенья дверь для васъ еще открыта,
Но скоро будетъ поздно, донъ-Жуанъ...
Я, передъ смертью, вижу вашу участь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора, что за рѣчи? И зачѣмъ
Вамъ безъ нужды о смерти помышлять?

ДОННА-АННА.

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора,

Быть-можетъ, васъ тревожатъ опасенья...
Но будьте безъ боязни. Честь моя
Мнѣ обо всемъ велитъ хранить молчанье,
А если-бъ кто дерзнулъ подозрѣвать —
Его молчать заставитъ эта шпага!

ДОННА-АННА.

Оставьте, донъ-Жуанъ. Такія рѣчи
Теперь ужъ неумѣстны. Боже мой,
Какъ все мнѣ стало ясно и понятно!
Съ моихъ очей какъ будто спалъ туманъ,
И безъ труда я различаю нить
Запутанныхъ событий и дорогу,
Которой вы къ гибели пришли.
То, что случилось, и что скоро будетъ,
Теперь я разомъ обвиняю. Время,
Мнѣ кажется, исчезло для меня
И вѣчность началась. Я ошибалась,
Когда васъ обвиняла безпощадно;
Преступной жизни вашей, донъ-Жуанъ,

Найдутся, я надѣюсь, объясненья,
 Которыя смягчатъ Господень судъ,
 Но вы спасетесь только покаяньемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — про себя.

Она теперь вступила въ періодъ
 Раскаянья и мыслей религіозныхъ!
 Но какъ идутъ къ ней эти угрызенья!
 Исчезла гордость съ блѣднаго чела,
 И грусть на немъ явилась неземная...
 Вся набожно отдавшися Мадоннѣ,
 Она теперь не знаетъ и сама,
 Какъ живописно съ гребня кружевное
 Ея падаетъ на плечи покрывало...
 Нѣтъ, право, никогда еще досель
 Я не видалъ ея такой прекрасной!

ДОННА-АННА.

Покайтесь, донъ-Жуанъ! Еще не поздно!
 Я знаю, что въ васъ вѣру погубило:
 Искали вы блаженства — есть оно!
 Но на землѣ гнались вы напрасно
 За тѣмъ, что только въ небѣ суждено.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — про себя.

Несчастливая вдалася въ мистицизмъ!
 Но взглядъ ея и голосъ музыкальный
 Предательски меня обворожаютъ...
 Не думалъ я вчера, какъ мы разстались,
 Что продолжится чувствъ моихъ обманъ!

ДОННА-АННА.

О, если въ вашей жизни, донъ-Жуанъ,
 Хоть что-нибудь вамъ было свято — если
 Кого-нибудь хоть разъ любили вы —
 О, донъ-Жуанъ, вспоминаньемъ этихъ
 Я васъ молю!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — про себя.

Еще единый мигъ —

И я паду къ ея ногамъ. Разсудокъ
Ужъ начинаю я терять. Нѣтъ, нѣтъ!
Прочь, глупый бредъ! Опомнись, донъ-Жуанъ!

Къ доннѣ-Аннѣ.

Ослѣблюсь ли вамъ предложить, сеньора,
Участье въ нашемъ праздникѣ принять?

ДОННА-АННА.

Несчастный! Ослѣпленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!
Я уйду... пора... я умираю...

Уходить. Боабдилъ подходит къ донъ-Жуану.

БОАБДИЛЬ.

Уже свѣтлѣетъ небо на востокѣ,
Намъ время плыть. Мы ждемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — въ раздумьи.

Она сказала:

„Я умираю...“ Вздоръ! Не можетъ быть!
Однако, если... если въ самомъ дѣлѣ
Она рѣшилась на самоубійство?

Къ прислугѣ.

Бѣжать за ней! Догнать ее сейчасъ!
Слѣдить за ней! Не выпускать изъ вида!

Ленорелло убѣгаетъ.

БОАБДИЛЬ.

Пора, пора! Когда мы опоздаемъ,
Галеры всѣ погонятся за нами!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Зачѣмъ мое такъ больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

БОАВДИЛЪ — тоная ногой.

Скорѣй, сеньоръ! Мои матросы ропщутъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ — оломвась.

Ступайте къ чорту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебѣ фелуку.

БОАВДИЛЪ.

Въ умѣ ли вы, сеньоръ? А инквизицья?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что мнѣ до инквизиціи, до смерти,
Когда, быть-можетъ, вправду я люблю!

БОАВДИЛЪ — въ сторону.

Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ. Съ нимъ погибать
Намъ не приходится.

Къ пиратамъ.

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пуста.

ДОНЪ-ЖУАНЪ — въ сильномъ волненіи.

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулася предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочеть умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалося что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердце получилъ —
Еще доселѣ длится это чувство...
Что-жь это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилася волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда...
Я снова вѣрю, какъ въ былые дни...

О, я съ ума сойду отъ счастья! Я...

О, Боже, Боже! Я люблю ее!

Люблю тебя! Я твой, о, донна-Анна!

Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

Бѣжить и вдругъ останавливается какъ испуганный.
Лампы гаснутъ. Входитъ статуя Командора.

СТАТУЯ.

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ-Жуанъ —
Я здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Во снѣ ли я, вль на яву?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
Не онъ стоитъ изъ камня предо мной —
Воображенье мнѣ на умъ приводитъ
Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!
Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спирается дыханіе... бьются жилы...
Разсудокъ мой туманится...

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ ухахъ шумить... темнѣеть зрѣнье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Отравилась.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—хвотался за сердце.

О, что со мною?

СТАТУЯ.

Ты любилъ ее.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Остыла кровь и сердце холодѣетъ!

СТАТУЯ.

Подумай о душѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—воспрянувъ отъ цѣленія.

Смерть и проклятье!

Къ чему душа, когда любовь погибла!

Теперь мнѣ болѣ нечего терять —

И смерть и адъ на бой я вызываю!

Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчаніе.

СТАТУЯ.

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ отчаяніи.

Любилъ я! Горе, горе!

Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога —

Но поздно! Все погибло съ нею — все —

И злѣе прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ.

Въ послѣдній разъ, молился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ бѣшенствѣ.

Не хочу!

Клянупо молитву, рай, блаженство, душу —
И какъ въ безвѣрьи я не покорялся,
Такъ, вѣрящій, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ—касаясь рукою донъ-Жуана.

Погибни-жъ, червь.

Донъ-Жуанъ падаетъ; статуя исчезаетъ.

ДУХИ—являются съ неба.

Назадъ, слѣпая сила!

Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ!

САТАНА—выростаетъ изъ земли.

Онъ мой! Отвергъ онъ покаянья!

Онъ богохульствуетъ! Онъ мой!

ДУХИ.

Его спасеть любви сознанье,

Не конченъ путь его земной!

САТАНА.

Нѣтъ, это противъ договора!

Ужъ адъ надъ нимъ разинулъ пасть!

Хватай его, статуя Командора,

Какъ исполнительная власть!

Статуя стоитъ неподвижно.

Межъ двухъ начальствъ колеблется усердье

И преданность вдругъ чувствуетъ взоръ?

Хватай его, на зло землѣ и тверди —

Иль провались, булыжный Командоръ!

Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и донъ-Жуаномъ, который падаетъ въ обморокъ.

Сатана исчезаетъ.

ДУХИ.

Пути Творца необъяснимы,

Его судьбъ таинственъ ходъ,

Всю жизнь обманамъ водимый
 Теперь къ сознанию придетъ!
 Любовь есть сердца покаянье,
 Любовь есть вѣры ключъ живой,
 Его спасетъ любви сознание,
 Не конченъ путь его земной!

Исчезаетъ.

У Т Р О.

Донъ-Жуанъ лежитъ на кровати безъ чувствъ. Лепорелло
 старается привести его въ память.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ! очнитесь! Добрыя извѣстия!
 Очнитесь, сеньоръ!

Въ сторону.

Съ чего вчера
 Онъ въ обморокъ упалъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—приходитъ въ себя.

Тяжелый сонъ!

Ужасныя во мнѣ воспоминанья
 Остались отъ него.

Увидя Лепорелло.

Ты здѣсь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, да,

Я съ вами, здѣсь, и радостную новость
 Я вамъ принесъ: во-первыхъ, та галера...

ДОНЪ-ЖУАНЪ—вскликая съ кровати.

Гдѣ донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО—пожимая плечами.

Кончена исторья!

Влизъ нашей виллы трупъ ея нашли —
 Но слушайте извѣстия, сеньоръ:
 Во-первыхъ, та галера, на которой

Плылъ донъ-Йеронимо, разбита бурей,
 И самъ онъ потонулъ; а во-вторыхъ,
 Всѣ члены Sant'Officio слѣнены.
 На мѣсто ихъ назначены другіе,
 И вашъ процессъ покажѣтъ прекращенъ.
 Вы можете свое обдѣлать дѣло.
 Да, да, сеньоръ, позвольте васъ поздравить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ изнеможеніи опускаясь
 въ кресла.

Она погибла. Это былъ не сонъ.
 Изъ всего, что въ эту ночь случилось,
 Мнѣ ясно лишь одно: она погибла!
 Все остальное, можетъ-быть, мечта—
 Но это правда!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Стобитъ ли, сеньоръ,
 Такъ долго размышлять объ этомъ? Право,
 Какъ будто это первый случай съ нами?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ раздумьи.

Я инилъ возстать какъ ангель-истребитель,
 Войну хотѣлъ я жизни объявить —
 И виѣстѣ съ ложью, то, что было чисто,
 Свѣтло какъ день, какъ истина правдиво,
 Въ безуміи ногами я попралъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что-жъ дѣлать! Вы отыщете другую.
 Отъ васъ зависить снова закутить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Законъ вселенной — это равновѣсье.
 Возмездьями лишь держится она.
 Но чѣмъ вознаградить что я разрушилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

На вашемъ мѣстѣ, я-бъ сейчасъ въ Севилью

Отправился, и прерванные связи-бъ
Связалъ опять, да золота побольше
Разсыпалъ бы направо и налѣво!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какъ я былъ слѣпъ! Какъ счастье было близко!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, развеселитесь! Ей-же Богу,
Я васъ не узнаю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чѣмъ кончу я?

Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;
Но этииъ долга выплатить нельзя —
Я долженъ жить. Я умереть не смѣю!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Храни насъ Богъ! Зачѣмъ намъ умирать!
Давайте жить, сеньоръ, и веселиться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я долженъ жить. И жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавитъ смерть отъ этой муки.
О, еслибъ могъ я вѣчно, вѣчно жить!

ЛЕПОРЕЛЛО.

По крайней мѣрѣ сколько можно долѣ.
Теперь, сеньоръ, намъ нечего бояться!
Теперь все тринъ-трава!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь меня.

Лепорелло уходитъ; донъ-Жуанъ облокачивается на столъ и
закрываетъ лицо руками.

ЭПИЛОГЪ.

МОНАСТЫРЬ БЛИЗЪ СЕВИЛЬИ.

Престарѣлый настоятель сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ
стоятъ монахъ.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Какъ чувствуетъ себя больной?

МОНАХЪ.

Отецъ мой,
Все въ томъ же положеньи братъ Жуанъ:
Болѣзни въ немъ совсѣмъ почти не видно,
Но съ каждыиъ часомъ пульсъ его слабѣи.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Душевная болѣзнь его снѣдаетъ.
Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братиі примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья!

МОНАХЪ.

Вчера къ себѣ онъ призывалъ всю братью,
У каждаго прощенья онъ просилъ,
И каялся въ грѣхахъ передо всѣми.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Намъ исповѣдь его давно извѣстна:
Владѣла имъ когда-то суета,
Шептала на ухо мірская прелесть,
И напентала много грѣшныхъ дѣлъ.
Но онъ ужъ ихъ загладилъ покаяньемъ,
А все еще покоя нѣтъ ему!
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься —
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

МОНАХЪ.

Своей онъ смерти чуетъ приближенъе
И насъ просидь, въ послѣднюю послугу,
Похоронить его на томъ кладбищѣ,
Гдѣ тѣло командора донъ-Альвара,
Убитаго имъ нѣкогда, лежитъ,
И гдѣ потомъ была погребена
Дочь командора, донна-Анна.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Это

Съ уставомъ нашимъ было-бъ несогласно.
У насъ для братій общее кладбище;
Особеннаго мѣста выбирать
Никто себѣ не воленъ. Впрочемъ, онъ
Не произнесъ послѣднаго обѣта,
И въ этомъ смыслѣ есть еще мирянинъ.
Да сбудется его желанье.

ДРУГОЙ МОНАХЪ—входить.

Отче,

Пожалуй въ келью, братъ Жуанъ отходить!

Слышно протяжное пѣніе.

Входятъ, попарно, братія
съ зажженными свѣчами.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ, неизбѣжная,
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!

НАСТОЯТЕЛЬ—вставая.

Подайте мнѣ мой посохъ. И сказать,
Чтобы въ отходный колоколъ звонили.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Въ это страшное мгновение
 Ты услышь его, Господь!
 Дай ему успокоеніе,
 Дай послѣднее мученіе
 Упованьемъ побороть!
 Мысли прежнія, крамольныя,
 Обращенному прости,
 Отыми земное, должное,
 Дай усненіе безбольное,
 И невольное, и вольное
 Прегрѣшенье отпусти!

Раздаются мѣрные удары отходнаго колокола.

Мы моленіе соборное
 Нынѣ шлемъ къ тебѣ, Господь:
 Въ жизни—доли непокорная,
 Скоро прахомъ будетъ плоть,
 Въ дни были дерзновеннаго
 Скоро кончится борьба;
 Ты-жь помилуй сокрушеннаго,
 Нынѣ вѣрою смиреннаго,
 Въ вѣчный міръ отъ міра брэннаго
 Отходящаго раба!

Процессія уходитъ, попарно, вслѣдъ за настоя-
 телемъ. Слышно постепенно удаляющееся пѣ-
 ніе, сопровождаемое колокольнымъ звономъ.

АЛХИМИКЪ

НЕКОНЧЕННАЯ ПОЭМА *

I.

Дымясь, качался кадила,
 Хвалебный раздавался хоръ,
 Алтарь сіялъ, органа сила
 Священнопѣнію вторила
 И громомъ полнила соборъ.
 И подъ его старинной сѣнью
 На волны набожной толпы
 Отъ оконъ радужною тѣнью
 Косые падали столпы;
 А далѣ праекъ ходилъ по храму,
 Лишь чрезъ открытыя врата,
 Какъ сквозъ узорчатую раму,
 Синѣла неба красота,
 Виднѣлся берегъ отдаленный,
 И зелень лавровъ и оливъ,
 И бѣлой пѣной окаймленный,
 Лѣниво плещущій заливъ.

*) Основаніемъ этому отрывку служить слѣдующая легенда:

Въ 1250 году, Раймундъ Lullius, или Lulle, сенескалкъ Балеарскихъ острововъ, проѣзжая верхомъ черезъ площадь города Пальмы, увидѣлъ одну дамъ, входящую въ соборъ. Красота ея такъ поразила его, что онъ, забывъ всякое приличіе и не сходя съ лошади, послѣдовалъ за нею. Такой соблазнъ навлѣлъ много шума, но съ этой поры донъ-Раймундъ не переставалъ преслѣдовать своей любовью донью-Элеонору (или, какъ называютъ ее другіе, Амброзію De-Castello). Чтобы отъ него избавиться, она обѣщала полюбить его, если онъ доставитъ ей жизненный эликсиръ. Донъ-Раймундъ съ радостью принялъ условіе, сдѣлался алхимикомъ, отправился въ отдаленные края и обрекъ цѣлому ряду самыхъ невѣроятныхъ приключеній.

И вотъ, когда замолели хоры,
 И съ тишию трепетомъ въ сердцахъ,
 Склонивъ главы, потупя взоры,
 Благоговѣнно пали въ прахъ
 Ряды молящихся густые,
 И прославляя Бога силъ,
 Среди великой литургіи
 Епископъ чашу возносиаь —
 Раздался шумъ. Невнятный ропотъ
 Пронесся отъ открытыхъ вратъ,
 Въ испугъ вдругъ за рядомъ рядъ,
 Тѣснясь, отхлынуль — конскій топотъ —
 Смятенье, — давка — женскій крикъ —
 И на конѣ во храмъ проникъ
 Безумный всадникъ. Вся обитель,
 Волнуясь, въ кликъ слилась едиъ:
 „Кто онъ, святини оскорбитель?
 „Какого края гражданинъ?
 „Египта-ль онъ, Марока-ль житель,
 „Или Гранады гордый сынъ,
 „Передъ которою тряслися
 „Ужъ наши вѣси столько кратъ,
 „Иль не отъ хищнаго-ль Туниса
 „Къ брегамъ причалившій пиратъ?“

Но не языческаго края
 На немъ одежда боевая:
 Ни шлема съ пестрою чалмой,
 Ни брони съ притчами корана,
 Ни сабли нѣтъ на немъ кривой,
 Ни золотого ятагана.
 Изгибы бѣлаго пера
 Надъ шапкой выблуты шелковой,
 Прямая шпага у бедра,
 На груди вышиты оковы,
 И, сброшена съ его плеча,
 Въ широкихъ складкахъ величаво

Падеть на сбрую епанча
Съ крестомъ зубчатыхъ Калатравы.

Межъ тѣмъ какъ, пѣня удила,
Сердитый конь по звонкимъ плитахъ
Нетерпѣливымъ бьетъ копытомъ,
Онъ самъ, не трогаясь съ сѣдла,
Толпѣ не внемля разъяренной,
И какъ видѣнемъ пораженъ,
Вперяетъ взоръ свой восхищенный
Въ толпу испуганную женъ.
Кто-жъ онъ? И чьей краскою чудной
Поступокъ вызванъ безразсудный?
Кто изъ красавицъ этихъ всѣхъ
Его вовлекъ во смертный грѣхъ?
Ихъ собралось сюда не мало,
И юныхъ женщинъ, и дѣвицъ,
И не скрываютъ покрывала
Во храмѣ Божіемъ ихъ лицъ;
И послѣ перваго смущенья
Участья шопотъ и прощенья
Межъ нихъ, какъ искра, пробѣжалъ,
Пошли догадка за догадкой,
И смѣхъ послышался украдкой
Изъ-за нарядныхъ опазалъ.
Но, мыслью полная иною,
Одна, въ сознаньи красоты,
Спѣшила тканью кружевною
Покрывать виновныя черты.

II.

— Я сознаюсь въ любви мятежной,
Въ тревогѣ чувствъ, въ безумьи дѣлъ —
Тому безумью неизбѣжно,
Кто разъ, сеньора, васъ узрѣлъ!
Пусть мой поступокъ безъ примѣра,

Пусть проклять буду я отъ всѣхъ —
Есть волѣ грань, есть силамъ мѣра;
Господь проститъ мой тяжкій грѣхъ,
Проститъ порывъ мой дерзновенный,
Когда я, страстию горя,
Твой ликъ узнавъ благословенный,
Забылъ святыню алтаря!
Но если нѣтъ ужъ мнѣ прощенья,
Я не раскаиваюсь—знай—
Я отрекаюсь отъ спасенья,
Моя любовь мнѣ будетъ рай!
Я все попру, я все разрушу,
За мигъ блаженства отдаю
Мою измученную душу
И мѣсто въ будущемъ раю!..
Сеньора, здѣсь я жду отвѣта,
Рѣшите словомъ мой удѣлъ,
На край меня пошлите свѣта,
Задайте рядъ опасныхъ дѣлъ —
Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спѣшите участь мнѣ изречь —
У вашихъ ногъ лежать, сеньора,
Мой умъ, и жизнь, и честь, и мечъ!

Замолкъ. Въ невольномъ видитъ страхъ
Она лежащаго во прахѣ;
Ему отвѣтить силы нѣтъ —
Какой безумцу дать отвѣтъ?
Не такъ онъ какъ другіе любить,
Прямой отказъ его погубить,
И чтобъ снести его онъ могъ,
Нужны пощада и предлогъ.
И вотъ она на вызовъ страстный,
Склонивъ привѣтливо свой взоръ,
Съ улыбкой тихой и прекрасной:
— Вставайте, говорить, сеньоръ!
Я вижу, вами овладѣла

Любовь безъ мѣры и предѣла,
 Любить какъ вы никто-бъ не могъ,
 Но кратокъ жизни нашей срокъ;
 Я вашу страсть дѣлать готова,
 Но этотъ пылъ для міра новый
Мы заключить бы не могли
 Въ условья бранныя земли;
 Чтобъ огонь виѣстять неугасимый,
 Безсмертны сдѣлаться должны мы.
 Оно возможно; жизни нить
 Лишь стбнить чарами продлить.
 Я какъ-то слышала случайно,
 Что достаютъ для этой тайны
 Какой-то корень, или злакъ,
 Не знаю гдѣ, не знаю какъ,
 Но вамъ по сердцу подвигъ трудный —
 Достаньте-жъ этотъ корень чудный,
 Ко мнѣ вернитесь — и тогда
 Я ваша буду навсегда!
 И вспрянулъ онъ, блестя очами:
 — Клянуса небожъ и землей
 Исполнить заданное вами,
 Какую-бъ ни было цѣной!
 И вѣдать отдыха не буду,
 И всѣмъ страданьямъ обрекусь,
 Но жизни тайну я добуду
 И къ вамъ съ бессмертіемъ вернусь!

III.

Отъ береговъ благоуханныхъ,
 Гдѣ спятъ лавровые лѣса,
 Уходить вдаль зыбей туманныхъ
 Корабль, надувши паруса.
 На немъ изгнанникъ молчаливый
 Вдали желанный ловить сонъ
 И взоръ его нетерпѣливый

Въ пространство синее впередъ.
— Вы, моря шумнаго пучины,
Ты, неба вѣчнаго просторъ,
И ты, свѣтлыя блестящій хоръ,
И вы, родной земли вершины,
Поля и пестрые цвѣты,
И съ горъ струющіяся воды,
Отдѣльно взятая черты
Всецѣльно дышащей природы!
Какая васъ связала нить
Одну другой свѣтлѣй и краше?
Какимъ закономъ объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытія,
Неисчерпаемость явленья,
Въ тебѣ повсюду вижу я
Того-же свѣта преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящій пламень
Въ единый снопъ всецѣльно сжать —
Вотъ Соломонова печать,
Вотъ Тримегиста дивный камень!
Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отвѣка,
Онъ въ насъ самихъ — онъ заключенъ
Незримо въ сердцѣ человека!
Его любовь, и гнѣвъ, и страхъ,
Его стремленія и желанья,
Все, что кипитъ въ его дѣлахъ,
Чѣмъ онъ живетъ и движетъ прахъ —
Есть та-же сила мирозданья!
Не въ пыльной кельѣ мудреца
Я смыслъ ея найду глубокой —
Въ живыя погрузить сердца
Я долженъ мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь тревоженія событій,

Отдѣльныхъ жизней сплетены
Всечасно рвущіяся нити,
И кто безсмертье хочетъ пить
Изъ фиолетоваго фіала,
Тотъ микрокосма изучать
Спѣши кипящія начала!

Есть край завѣтный и святой,
Гдѣ дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Одинъ, въ поляхъ Кампаньи дикой.
Предназначеніемъ хранимъ,
Стоитъ торжественный, великій,
Несокрушимый, вѣчный Римъ.
Къ нему, къ подобію вселенной,
Теперь держать я долженъ путь,
Въ его движеніи почерпнуть
Законъ движенія неизмѣнный.
Лети-жъ, корабль крылатый мой,
Лети въ безбрежномъ просторѣ,
А ты, подъ вѣрною кормой,
Шуми, шуми и пѣнься, море!

. . . . .
. . . . .
. . . . .

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ.

БОГАТЫРЬ.

По русскому славному царству,
На княчѣ разбитой верхошъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ
И взадъ, и впередъ, и кругомъ.

Покрытъ онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣвнику штофъ.

„Ко мнѣ, горемычные люди,
„Ко мнѣ, молодцы, поскорѣй!
„Ко мнѣ, молодницы и дѣвки —
„Отвѣдайте водки моей!“

Онъ подчуетъ всѣхъ безъ разбору,
Гроша ни съ кого не беретъ,
Встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ-солью,
Честить его русскій народъ.

Красивъ-ли онъ, старъ, или молодъ —
Никто не замѣтилъ того;
Но ссоры, болѣзни и голодъ
Плетутся за княчей его.

И кто его водки отвѣдалъ,
Отъ ней не отстанеть никакъ,
И всадникъ его провожаетъ
Услужливо въ ближній кабакъ.

Стучать и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
Въ кабакъ, до послѣдней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучать и расходятся чарки,
Питейное дѣло растетъ,
Жиды богатѣютъ, жирѣютъ,
Бѣдаѣтъ, худѣтъ народъ.

Со службы домой воротился
Въ деревню усталый солдатъ;
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидятъ.

Приходу его они рады,
Но вотъ ужъ играетъ вино,
По жиламъ бѣжить и струится
И головы кружить оно.

„Да что“, — говорятъ ему братья,
„Ужъ вѣшто ты намъ и старшій?
„Вѣдь мы-то трудились, пахали,
„Не станемъ дѣлиться съ тобой!“

И ссора межъ нихъ закипѣла,
И подняли бабы содомъ;
Солдатъ ихъ ружейнымъ прикладомъ,
А братья его топоромъ!

Сидѣлъ надъ картиной художникъ,
Онъ Божію Матерь писалъ,

Любилъ какъ дитя онъ картину,
Онъ ею и жилъ, и дышалъ;

Впередъ подвигался дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла она.

Струстнулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ —
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.

Весь день онъ валяется, пьяный,
И въ руки кистей не беретъ —
Межъ тѣмъ, подъ рогожю, всадникъ
На клячѣ плетется впередъ.

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ, въ умиленіи, всадникъ
Орлений свой штофъ отдаетъ.

Пошла между ними потѣха!
Трехпробное льется вино,
По жиламъ бѣжитъ и струится,
И головы кружить оно.

Бросаютъ они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они.

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ;
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.

Онъ трудится деномъ и ночью,
Покою себѣ не даетъ,
Онъ терпѣть и голодъ, и холодъ,
Но движется быстро впередъ.

Однажды, въ дождливую осень,
Въ однонѣ переулкѣ глухомъ,
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхошъ.

„Здорово, товарищъ, дай руку!
„Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?
„Что-жъ, выпьемъ за Русь и науку!
„Я самъ имъ служу, видитъ Богъ!“

Отъ стужи, иль отъ голодухи,
Прельстился на водку и ты —
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

За пьянство изъ судной управы
Повытчика выгнали разъ;
Теперь онъ крестьянамъ, на сходкѣ,
Читаетъ подложный указъ:

Лукаво толкуетъ свободу
И бочками водку сулить;
„Нѣтъ болѣ оброковъ, ни барщинъ;
„Того-де законъ не велить.

„Теперь, вишь, другіе порядки.
„Знай, пей, молодецъ, не тужи!
„А лучше чтобъ спорилось дѣло,
„На то топоры и ножи!“

А всадникъ на клячѣ не дремлетъ,
Онъ ѣдетъ и свищетъ въ кулакъ;

Гдѣ кляча ударить копытомъ,
Тамъ тотчасъ стоитъ и кабакъ.

За двѣсти мильоновъ Россія
Жидами на откупъ взята —
За тридцать серебряныхъ денегъ
Они же купили Христа.

И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинають,
Христа своего продають.

Стучать и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уносятъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.

Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачь, пѣсни, и вой и проклятья —
Питейное дѣло растетъ!

И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь удалой;
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку снимаетъ долой:

Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блестить и сверкаетъ во мглѣ,

И черепъ безглазый смѣется:
„Призванье мое свершено!
„Не даромъ же имъ достается
„Мое даровое вино!“

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
 Съ нимъ Васька Шибановъ, стреманный.
 Дородень былъ князь, конь измученный палъ —
 Какъ быть среди ночи туманной?
 Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
 Своего отдасть воеводѣ коня:
 „Скачи, князь, до вражьяго стану,
 „Авось я пѣшой не отстану!“

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
 Опальный сидитъ воевода;
 Стоять въ изумленьи литовцы кругомъ,
 Безъ шапокъ толпятся у входа,
 Всякъ русскому витязю честь воздастъ,
 Не даремъ дивится литовскій народъ,
 И ходятъ ихъ головы кругомъ:
 „Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“

Но князя не радуешь новая честь,
 Исполненъ онъ желчи и злобы;
 Готовится Курбскій царю перечестъ
 Души оскорбленной завнобы:
 „Что́ долго въ себѣ я таю и вошу,
 „То все я пространно къ царю напишу,
 „Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
 „За всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ бояринъ всю ночь напролѣтъ,
 Перо его жестію дышетъ;
 Прочтеть, улыбнется, и снова прочтеть,
 И снова безъ отдыха пишетъ,
 И злыми словами язвить онъ царя,
 И вотъ ужъ когда занялася заря,

Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не любя на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольнo сомнѣнья на князя нашли....
Вдругъ входятъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
„Князь, служба моя не нужна-ли?
„Вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
„А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
„Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
„А я передамъ и за муки
„Письмо твое въ царскія руки!“

Звонъ мѣдннй несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смиренной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветь-ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бѣтъ,
И звону внимаютъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични крошечная тѣма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
 И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
 Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
 Надъ шапкою держитъ посланье.
 И спрыгнулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
 Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
 И молвить ему, не блѣднѣя:
 „Отъ Курбскаго, князя Андрея!“

И очи царя загорѣлися вдругъ:
 „Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
 „Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
 „Посланье отъ слова до слова!“
 — „Подай сюда грамату, дерзкій гонецъ!“
 И въ ногу Шибанова острый конецъ
 Жезла своего онъ вонзаетъ,
 Налегъ на костыль — и внииаеть:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
 „Но тонушу въ сквернахъ обильныхъ!
 „Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
 „Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
 „Отвѣтствуй, не ини-ль, средь тяжкой войны,
 „Безъ счета твердыни враговъ сражены?
 „Не ихъ-ли ты мужествомъ славенъ?
 „И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
 „Въ небытную ересь прельщенный?
 „Внимай же! Придетъ возмездія часъ,
 „Писаніемъ намъ предреченный,
 „И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
 „За тя, аки воду, ляхъ и ляхъ,
 „Съ тобой предъ Судьею предстану!“
 Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
 Кровь алымъ струилася токомъ,

И царь на спокойное око слуги
 Взиралъ испытующимъ окомъ.
 Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
 Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
 Какъ будто исполненъ печали,
 И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
 „И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
 „Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
 „Я песь, недостойный и смрадный!
 „Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
 „И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
 „Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
 „Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Пытають и мучать гонца палачи,
 Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
 „Товарищай Курбскаго ты уличи,
 „Открой ихъ собачью измѣну!“
 И царь вопрошаетъ: „Ну что же гонецъ?
 „Назвалъ-ли онъ вора друзей наконецъ?
 — „Царь, слово его все едино:
 „Онъ славить своего господина!“

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
 Скрыпая у застѣнка ворота,
 Запечные входятъ опять мастера,
 Опять началась работа.
 „Ну что же? Назвалъ-ли злодѣевъ гонецъ?“
 — „Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
 „Но слово его все едино:
 „Онъ славить своего господина!“

„О, князь, ты, который предать меня могъ
 „За сладостный мигъ укоризны,
 „О, князь, я молю, да простишь тебѣ Богъ
 „Измѣну твою предъ отчизной!

„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
 „Языкъ мой нѣмѣть и взоръ мой угасъ,
 „Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
 „Помилуй мой прегрѣшенья!

„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
 „Прости моего господина!
 „Языкъ мой нѣмѣть и взоръ мой угасъ,
 „Но слово мое все едино:
 „За грознаго, Боже, царя я молюсь,
 „За нашу святую, великую Русь —
 „И твердо жду смерти желанной!“
 Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

ВОЛКИ.

Когда въ селахъ пустѣеть,
 Смолкнуть пѣсни селянъ,
 И сѣдой заблѣветъ
 Надъ болотошъ туманъ,
 Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
 По полямъ волкъ за волкомъ
 Отправляются всѣ на добычу.

Семь волковъ идутъ смѣло,
 Впереди ихъ идетъ
 Волкъ осьмой, шерсти бѣлой,
 А таинственный ходъ
 Закрываетъ девятый;
 Съ окровавленной пятой
 Онъ за ними идетъ и хромаетъ.

Ихъ ничто не пугаетъ:
На село-ли имъ путь,
Песъ на нихъ и не лаетъ,
А мужикъ идохнуть,
Видя ихъ, не посяветъ;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся-ль тамъ грѣшныя рѣчи?

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣи;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣлай по нимъ сѣбло!
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый
А за нимъ упадутъ и другіе.

На селѣ-жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

* * *

Въ колоколь, мирно дремавший, съ надёта тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодую, гудя и на бой созывая.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печётъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекóзы,
Веселый ведутъ хороводъ:

„Дитя, подойди къ намъ поближе;
„Тебя мы научимъ летать!
„Дитя, подойди, подойди же,
„Пока не проснулася мать!

„Подъ нами трепещутъ былинки,
„Намъ такъ хорошо и тепло,
„У насъ бирюзовые спинки,
„А крылышки точно стекло.

„Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
„Мы такъ тебя любимъ давно...
„Смотри, какой берегъ отлогій,
„Какое песочное дно!“

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ.

Безъ отдыха перуется съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистають рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вины на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гуслары;

Поютъ потѣхи брани, дѣла былигъ времятъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
„Я первый открываю веселый хороводъ!

„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“

И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.

„О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
„Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

„Разсыпъ державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“

Но царь, нахмура брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
„Или хитленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!

„Не возражай ни слова и ма́шкеру надѣнь —
„Или клянись, что прожилъ ты свой послѣдній день!“

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
„Опричина да згинеть!“ онъ рекъ, перекрестясь,

„Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
„Да править человѣки, какъ правилъ ими встарь!“

„Да презреть, какъ изиѣну, безстыдной лести гласъ!
„Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

„Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь —
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучать,
За длинными столами опричники шумять,

И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Напрасно льются вины на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гуляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ.

Упошу Князю Ростиславу
затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.
Сл. о полку Игоревѣ.

Князь Ростиславъ, въ землѣ чужой,
Лежить на днѣ рѣчномъ,
Лежить въ кольчугѣ боевой,
Съ изломаннымъ мечомъ.

Днѣпра подводныя красы
Лобзаться любятъ съ нимъ
И гребнемъ витязя власы
Расчесывать златымъ.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждетъ:
Ладья его умчала прочь —
Назадъ не принесетъ.

Въ глухомъ лѣсу, въ землѣ чужой,
Въ рѣкѣ его приютъ.
Ему поны за упокой
Молитвы не поютъ;

Но съ нимъ подводныя красы,
Съ нимъ дѣвъ веселыхъ рой,
И чешетъ витязя власы
Ихъ гребень золотой.

Когда же на-берегъ Посвиствъ
Сѣдя волны мчитъ,
Въ лѣсу кружится желтый листъ,
Ярясь, Перунъ гремитъ,

Тогда отъ сна на днѣ рѣчномъ
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругомъ
Взираеть бѣдный князь.

Жену младую онъ зоветъ —
Увы! Его жена,
Продавъ напрасно цѣлый годъ,
Съ другимъ обручена.

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Его обнять бы радъ —
Но сонномъ гридней окружень,
Пируетъ дома братъ.

Зоветъ онъ кievскихъ поновъ,
Велить себя отпѣть,
Но до отчины слабый зовъ
Не можетъ долетѣть;

И онъ, склонясь на ржавый щитъ,
Опять тяжелымъ сномъ
Вкругу русалокъ юныхъ спитъ,
Одинъ на днѣ рѣчномъ.

КУРГАНЪ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его сторонили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

„О, витязь, дѣлами твоими
„Гордится великій народъ!
„Твое громоносное имя
„Столѣтія всѣ перейдетъ!

„И если курганъ твой высокій
„Сравнялся бы съ полемъ пустынь,
„То слава, разлившись далеко,
„Была бы курганомъ твоимъ!“

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
По прежнему гордо стоитъ;

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забыть,
И тризны въ пустынь широкой
Никто ужъ ему не свершить.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него палетасть,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумить подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣтъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ.

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наёмною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усь,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войною неправою
Враги на россиянь.

Тутъ вѣлохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ козюгахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престоль нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками,
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками,
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричать, поютъ жиды,

Брячатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозить ихъ ярый взглядъ,

И всѣ стучать стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель черноцовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную,
До утренней поры
Рукою держать грозною
Кресты, иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторить высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,

Смирною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокой ровъ
Сбивали шестопѣрами
Литовскихъ удалцовъ.

Ни на-день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затишь,
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуеть хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!...

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

* * *

Ой, ка-бъ Волга матушка да вспять побѣжала!
 Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
 Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
 Кабы мы любили да не разлюблиали!
 Кабы дно морское достать да измѣрить!
 Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
 Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
 Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
 Кабы всегда чарка доходила дѣ-рту!
 Да кабы приказныхъ пѣ-боку да къ чорту!
 Да кабы звенѣли завсегда карманы!
 Да кабы нашъ, братцы, да свои кафтаны!
 Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
 Да батюшка-бъ царь нашъ всю правду бы вѣдалъ!

ПАНТЕЛЕЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.

Пантелей-государь ходитъ по-полю
 И цвѣтовъ и травы ему по-поясъ;
 И всѣ травы предъ нимъ разступаются,
 И цвѣты всѣ ему поклоняются,
 И онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя,
 Всѣ благія и всѣ ядовитыя;
 И всѣмъ добрымъ онъ травамъ, невреднымъ,
 Отвѣчаетъ поклономъ привѣтнымъ,
 А которы растутъ виноватыя,
 Тѣмъ онъ палкой грозить суковатою.

По листочку съ благихъ собираетъ онъ
 И ишкокъ нимъ свой наполняетъ онъ,
 И на хворую братію бѣдную
 Изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное.

Государь Пантелей!
 Ты и насъ пожалѣй!
 Свой чудесный елей
 Въ наши раны излей,

Въ наши многія раны сердечныя!
 Есть межъ нами душою увѣчныя,
 Есть и разумомъ тяжело болящія,
 Есть глухія, нѣмые, незрящія,
 Опоеенныя злыми отварами,
 Помоги имъ своими ты травами!

А еще, государь —
 Чего нѣ было встарь —
 И такіе межъ насъ попадаютъся,
 Чтѣ леченіемъ всякимъ гнушаются.
 Они звона не терпятъ гусярнаго,
 Подавай имъ товара базарнаго!
 Все, чего имъ не взвѣситъ, не снѣрять,
 Все, кричатъ они, надо похѣрять!
 Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
 Чтѣ для нашего тѣла чувствительно;
 И приемы у нихъ дубоватыя,
 И ученье-то ихъ грязноватое!
 И на этихъ людей,
 Государь Пантелей,
 Палки ты не жалѣй
 Суковатыя!

ПРАВДА.

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднёбесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя во-сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя — шапка валится!

Выѣзжало семеро братьевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодецъ,
Посмотрѣть выѣзжали мѣлодцы
Какова она, правда, на свѣтѣ живеть?
А и много про нее говѣрено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры мѣлодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ,
И подѣхали къ правдѣ со семи концовъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ.

Посмотрѣли добры мѣлодцы,
Покачали головами удалыми,
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ правду по-свѣму:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ люднымъ торговнымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степию.

И поспорили братья промежъ собой,
И вымали мечи булатные
И рубили другъ друга до смерти,
И рубяся, корились, ругались,

И братъ брата звалъ обманщикомъ.
 Наконецъ полегли до одинаго
 Всѣ семеро братьевъ удалыиъ.
 Умирая-жь, каждый сыну наказывалъ,
 Рубиться наказывалъ до смерти,
 Полегли за правду за истину.
 Тожъ и сынъ сыну наказывалъ,
 И доселѣ ихъ внуки рубятся,
 Всѣ рубятся за правду за истину,
 На великое себѣ разореніе.

А сказана притча не въ осужденіе,
 Не въ укоръ сказана — въ поученіе,
 Людямъ добрымъ въ уразумѣніе.

СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА.

Когда былъ обвиненъ старіцкій воевода,
 Что, гордый знатностью и древностію рода,
 Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ,
 Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоанпъ.
 И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
 И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
 И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ,
 По шелковымъ коврамъ, виновнаго возвелъ.
 И взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты,
 И въ землю кланяясь, съ покорностью, трикраты,
 Сказалъ: „Доволенъ будь въ величїи своемъ,
 „Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!“
 И вспрынувъ тотъ же часъ со злобой безопадной,
 Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной,
 И ликъ свой наклона надъ сверженнымъ врагомъ,
 Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ,
 И въ очи мертвыя глядѣлъ—и въ дрожи зыбкой
 Державныя уста змѣнились улыбкой.

У приказныхъ воротъ собирався народъ

Густо;

Говорить въ простотѣ, что въ его животѣ

Пусто.

— Дурачье! сказалъ дьякъ, изъ васъ долженъ быть всякъ

Въ тѣлѣ:

Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра

Съѣли!

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ

Пакли;

Мужичокъ-то, вишь, простъ; знай, везетъ черезъ мостъ—

Такъ-ли?

—Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ, тебѣ мостъ, чай, пустякъ,

Дудки?

Ты-бъ его поберегъ; вѣдь плыли-жъ поперекъ

Утки!

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака,

Вишь ты!

Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,

Ничто!

Дьякъ сказалъ: Дурачье! Полотенце-то чье?

Васьки?

Стало, Васька и тать! Стало, Васькѣ и дать

Таску!

Пришелъ къ дьяку больной, говорить: Ой, ой, ой,

Дьяче!

Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру

Паче.

И не лечь и не сѣсть, и не можно мнѣ сѣсть

Столько!

—Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ, ну, не ѣшь на тощакъ—

Только!

Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ: Ты отецъ
 Бѣдныхъ!
 Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
 Мѣдныхъ —
 Я-бъ-те всыпалъ, ей-ей, въ шапку десять рублей,
 Шутка!
 —Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя кошпакъ,
 Нутка!

Ходить Спѣсь, надуваючись,
 Съ боку на-бокъ переваливаясь.
 Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
 Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
 Пузо-то его все въ жемчугъ,
 Сзади-то у него раззолочено.
 А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
 Да ворота некрашены!
 А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
 Да полъ не метѣнь!
 Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
 Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
 Не пригоже-де мнѣ нагибаться!

ЧУЖОЕ ГОРЕ.

Въ лѣсную чашу богатырь при лунѣ
Въѣзжаетъ, въ блестящемъ уборѣ;
Онъ въ острогъ шоломѣ, въ кольчатой бронѣ,
И свистнулъ безопасно, бочась на конѣ:
„Какое мнѣ дѣется горе!“

И ѣдетъ онъ рысью, гремя и звеня,
Стучать лишь о корни копыты —
Вдругъ съ дуба къ нему кто-то прыгъ на коня —
— „Эй, кто за плечами тамъ сѣлъ у меня?
„Со мной, берегись, не шути ты!“

И щупаетъ онъ у себя за спиной,
И шарить съ досадой во взорѣ,
Но немлетъ отвѣтъ: „Я тебѣ не чужой,
„Ты, чай, объ усобицѣ слышалъ княжой,
„Везешь Ярослава ты горе!“

„Ну, ври себѣ!“ думаетъ витязь, смѣясь,
„Вотъ подлинно было-бы диво!
„Какая твоя съ Ярославомъ-то связь?
„Въ Софійскомъ соборѣ спитъ кievскій князь,
„А горе, небось, его живо?“

Но далѣ онъ ѣдетъ, гремя и звеня,
Съ товарищемъ болѣ не спора —
Вдругъ снова къ нему кто-то прыгъ на коня —
И на-ухо шепчетъ: „Вези-жь и меня,
„Я, витязь, татарское горе!“

„Ну, видно, не въ добрый я выѣхалъ часъ!
„Вишь, притча какая бываетъ!
„Что шишекъ еловыхъ здѣсь падаетъ вась!“

Такъ думаетъ витязь, главою склонясь,
А конь уже шагомъ шагаетъ.

Но вотъ и ступать ужъ ему тяжело,
И сталъ спотыкаться онъ вскорѣ —
А тутъ кто-то съизнова прыгъ за сѣдло —
„Какого тамъ чорта еще принесло?“
— Ивана Васильича горе!

„Долой васъ! И мѣста ужъ нѣтъ за сѣдломъ!
„Плеча мнѣ совсѣмъ отдавило“.
— Нѣтъ, витязь, ужъ сѣли, долой не сойдемъ! —
И ѣдутъ они на конѣ вчетверомъ,
И лопится конская сила.

„Эхъ, — думаетъ витязь, — мнѣ-бъ изъ-лѣсу вонъ,
„Да въ полѣ скакать на просторѣ!
„И какъ я безъ боя попался въ полень!
„Чужое, вишь, горе тащить осужденъ,
„Чужое, прошедшее горе!“

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ.

И. С. АКСАКОВУ.

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ безпредѣльное влекомъ,
Душа незримый чуетъ мѣръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшной жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забывъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа,
И быть родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю,
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,

И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующіеся нивы;
Люблю я тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую,
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зныи долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья,
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то уже-ль,
Въ тревогѣ вѣчной міровданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее всегда чаруя,
Зоветь и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ;
Въ немъ ручей межъ деревьевъ бѣжитъ и журчитъ.
Я люблю тотъ ручей, я люблю ту страну,
Я люблю въ томъ лѣсу вспоминать старину.
„Приходи вечеркомъ въ боръ дремучій тайкомъ,
„На зеленомъ садись берегу ты моемъ!
„Много лѣтъ я бѣгу, рассказать я могу
„Что случилось когда на моемъ берегу;
„Изъ сокрытой страны я сюда прибѣжалъ,
„Я чудеснаго много дорогой узналъ!
„Когда солнце зайдетъ, когда мѣсяцъ взойдетъ,
„И звѣзда средь монъ закачается водъ,
„Приходи ты тайкомъ, ты узнаешь о томъ,
„Что бываетъ порой здѣсь въ туманѣ ночью!“
Такъ шепталъ, и журчалъ, и бѣжалъ ручеекъ;
На ружье опершись, я стоялъ одинокъ,
И лишь говоръ струи тишину прерывалъ,
И о прежнихъ я грустно годахъ вспоминалъ.

Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожить
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости, ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость—къ кому? не знаю самъ,
И лживымъ зеркаломъ могучіе разиѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.
Въ кругу монъ друзей со мной сидитъ онъ радомъ,
Веселость имъ у насъ надолго отнята,
И сердце онъ мое напитываетъ ядомъ

И рѣчи горькія влагаеть мнѣ въ уста,
И все, что есть во мнѣ порочнаго и злого,
Клубится и растеть, все гуще и мрачнѣй,
И застилаеть тьмой сіянье дня роднаго,
И неба синеву, и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я.

Вадываются волны какъ горы
И къ тверди возносятся звѣздной,
И съ ужасомъ падаютъ взоры
Въ мгновенно разрытыя бездны.

Подобная страсти, не знаетъ
Средины тревожная сила,
То къ небу, то въ пропасть бросаетъ
Ладью безъ весла и кормила.

Не вѣрь же, ко звѣздамъ взлетая,
Высокой избранника долѣ,
Не вѣрь, въ глубину ниспадая,
Что звѣздъ не увидишь ты болѣ!

Стихіи безбрежной, бездонной,
Уймется волненье, и вскорѣ
Въ свой уровень вступить законный
Души успокоенной море.

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій расцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли.

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любить, и поеть;

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло —
Отчего-жъ въ душѣ твоей такъ мрачно,
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

Грустно жить тебѣ, о, другъ, я знаю,
И понятна мнѣ твоя печаль:
Отлетѣла-бъ ты къ родному краю
И земной весны тебѣ не жаль...

Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошалъ довольно —
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Каждый звукъ случайный я ловлю пытливо:
Пѣсня-ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ-ли всколышетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучитъ упрекомъ.

Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
И душа собою вѣчно недовольна;

Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Согласить я силюсь что несогласно,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочеть:
Горестная чаша не проходит мимо,
Ни къ устамъ зовущимъ низойти не хочетъ.

Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ,
Вокругъ мировъ вращаются міры;
Тамъ сонны душъ возносятся стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.

Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты.

Все, что онѣ желали и любили,
Все, что къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ.

Но ты, о, другъ, лишь только звуки рая
Какъ дальній зовъ въ твою проникнуть грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ, блаженство позабуди!

Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, взглядишь въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ на-вѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи,
Въ странѣ лучей и помнить, и грустить!

..Вырастаетъ дума, словно дерево,
Вроетъ въ сердце корни глубокіе,
По поднебесью вѣтвями раскинется,
Задрожитъ, зашумитъ тучей листіевъ.
Сердце знаетъ ту думу крѣпкую,
Что оно взростило, взлелѣяло,
Разумъ сможетъ ту думу окинуть,
Сможетъ слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что ни высказать, не вымѣрить,
Ни обнять умомъ, ни окинуть?
Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озаритъ на мигъ душу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго,
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется,
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтру буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ!

Горнии тихо летѣла душа небесами,
 Грустныя долу она опускала рѣсницы;
 Слезы въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
 Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
 Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
 Имъ отвѣчала она:—Я земли не забыла,
 Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
 Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы —
 О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
 Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

Господь, меня готова къ бою,
 Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
 И мнѣ десницею святою
 Онъ указалъ правдивый путь,
 Одупевилъ могучиѣ словомъ,
 Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
 Но непреклоннымъ и суровымъ
 Меня Господь не сотворилъ.
 И гнѣвъ я свой истратилъ даромъ,
 Любовь не выдержалъ свою,
 Ударъ напрасно за ударомъ
 Я, отбивая, устаю.
 На встрѣчу ихъ враждебной въюгѣ
 Я вышелъ въ поле безъ кольчуги,
 И гибну, раненый въ бою!

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.

Не до-вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, разсѣется,
А горе никогда!

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я-бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полного не будетъ между нами —
Не купленный някъмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Деревцо мое миндальное
Все цвѣтами убирается,
Въ сердцѣ думушка печальная
По неволѣ зарождается;

Деревцомъ цвѣты обронятся,
И созрѣетъ плодъ непрощенный,
И зеленое наклонится
До земли подъ горькой ношею!

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ клѣномъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.

Не знаю, была-ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому-бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многого я;

Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрый,
А въ листьяхъ высокаго клѣна
Сидѣлъ надо мной соловей,

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
„Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
„То время вернется опять“.

Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сажу я—полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла —
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулася душа —
Сродни ей шумящее море!

Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много;
Но заглушаетъ вѣчно ихъ во мнѣ
Заботъ немолчныхъ скучная тревога.

Тяжелъ ея непрошенный напоръ,
Издавна сердце съ жизнью боролось —
Но жизнь шумитъ, какъ вихорь ломитъ боръ —
Какъ ропотъ струй, такъ шепчетъ сердца голось.

Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала,
Свѣтлѣютъ небеса,
Межъ черныхъ тучъ привѣтно засіяла
Лазури полоса;

Еще дрожать цвѣты, полны водою
И пылью золотой —
О, не топчи ихъ съ новою враждою
Презрительной пятой!

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ роцѣ березовой,
И травкою запахло душистымъ.

Знаю, что къ тебѣ въ думушку вкралось,
Знаю сердца немолчныя жалобы,
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкаѣ себя принуждала-бы.

Твое сердце болить безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,

Соловьиная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вѣшніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ,

И звучать свѣжо и юно
Новыгъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы
И между травъ скользишь, обманывая взоръ,
Помедли, дай списать чешуйный твой узоръ.
Хочу для дѣвы я холодной и красивой
Счеканить по тебѣ причудливый уборъ.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
Къ сопернику тайкомъ счастливому поидетъ,
Пускай блеститъ, какъ ты, и въ золотѣ, и въ черни,
И пестрый твой въ травѣ напоминаетъ ходъ.

Изъ Индіи дальной
На Русь прилетѣвъ,
Со степью печальной
Ихъ свмкся напѣвъ;

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышать разлукой
Отъ лучшей земли.

Не знаю, оттуда-ль
Ихъ нѣга звучить,
Но русская удаль
Въ нихъ бѣтъ и кипить;

Въ нихъ голосъ природы,
Въ нихъ гнѣва азыкъ,
Въ нихъ дѣтскіе годы,
Въ нихъ радости крикъ;

Желаній въ нихъ знойный
Я вихрь узнаю,
И отдыхъ спокойный
Въ счастливомъ краю;

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,

И грозный шумъ сѣчи,
И шопоть струи,
И тихія рѣчи,
Маруся, твои!

Источникъ за вишневымъ садомъ,
Слѣды голыхъ дѣвичьихъ ногъ,
И тутъ же оттиснулся рядомъ
Гвоздями подбитый сапогъ.

Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи,
Но чуетъ ревниво мой умъ
И шопотъ, и страстныя рѣчи,
И ведеръ расплесканныхъ шумъ...

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не смотрѣла бы изъ окошечка
Я на мѳлодца разудалаго,
Какъ онъ ѣхалъ по нашей улицѣ,
На бекрень заломивши муромку,
Какъ лихого коня буланаго,
Звонконогаго, долгогриваго,
Супротивъ оконъ на дыбы вздымалъ!

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Для него бы я не радилася,
Съ золотой каймой ленту алую
Въ косу длинную не вплетала бы,
Равно до-свѣту не вставала бы,
За околицу не спѣшила бы,
Въ росѣ ноженьки не мочила бы,
На просѣлокъ тотъ не глядѣла бы,
Не проѣдетъ ли тѣмъ просѣлкомъ онъ,
На рукѣ держа пѣстра сокола?

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,

Пригорюнившись, на завалинѣ,
На завалинѣ, близъ колодезя,
Поджидая да гадаючи,
Не придетъ ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ;
Когда невольно просится пѣвучій
Изъ сердца стихъ;
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы,
Иль шумъ деревъ;
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелыхъ тучъ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ;
Средь суеты мірскаго развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣннѣ
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочется сжать твою родную руку
Моя рука.

Когда природа вся трепещетъ и сияетъ,
Когда ея цвѣта яркіи и горячи,
Душа бездѣйственно въ пространствѣ утопаетъ
И въ нѣгѣ врозь ея расходятся лучи.
Но въ скромный, тихій день, осеннею погодою,
Когда и воздухъ сѣръ, и тѣсенъ кругозоръ,
Не развлекаюсь я смиренною природою
И немощенъ ея на жизнь мою напоръ;
Мой трезвый умъ открытъ для сильныхъ вдохновеній,
Сосредоточенъ, я живу въ себѣ самою,
И сжатая мечта зоветъ толпы видѣній,
Какъ зажигательныхъ рождая ихъ стекломъ.

Винтовку снявъ съ гвоздя, я оставляю домъ,
Иду межъ озимей, чернѣющей дорогою,
Смотрю на кучу скирдъ, на сломанный заборъ,
На прудъ и мельницу, на дикій косогоръ,
На берегъ ручейка, болотисто-отлогій,
И въ ближній лѣсъ вхожу. Тамъ покраснѣвшій клѣнъ,
Еще зеленый дубъ и желтыя березы
Печально на меня свои страшаютъ слезы;
Но далѣ я иду, въ мечтанья погруженъ,
И виснутъ надо мной полунагіе сучья,
А мысли между тѣмъ слагаются въ созвучья,
Свободныя слова тѣсняются въ мѣрный строй,
И на душѣ легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругомъ, и подъ моею ногою
Такъ мягко мокрый листъ шумитъ, благоуханный...

Колокольчики мои,
Цветники степные!
Что смотрите на меня,
Темноглубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цветники степные,
Не кляните вы меня,
Темноглубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчатся мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда—не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ,
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянской конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Миръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча, свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травой,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видятъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и въ чекменахъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;

Его свѣтлое лицо
Влещетъ новой славою;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви, и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мовомаха.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!“
Говоритъ державный,
„Долго, дѣти, ждалъ я васъ
„Въ городъ православный!“
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
„И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
„Чаемъ господина!“

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости съѣли вокругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу—
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣщамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пирь, такъ пирь горой!

Колышется море; волна за волной
Вѣгутъ и шумятъ торопливо...
О, другъ ты мой бѣдный, боюся, со мной
Не быть тебѣ долго счастливой!
Во мнѣ и надеждъ, и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

1.

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горь зубчатую стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярся, уста прикнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.
Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихрежь снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,
Цвѣтущій берегъ невредимъ.
Надъ нимъ весна молодая вѣетъ,
И лавръ, Діаню хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

2.

Клонить къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;
А изъ камней вытекаая,
Однозвученъ и гремятъ,
Говорить, неумолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

3.

Всесильной волею Аллаха,
Дающего намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдаха
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ на лицо, всѣ безъ увѣчья —
Что значить ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!

Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги,
Они потрескались отъ жара;
Да что-жъ не видно самовара!
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣ запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай,
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть какъ пламя, съ ночью спора,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай,
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленая вершина,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плѹща
Концы, висящіе со скаль.

4.

Ты помнишь-ли вечеръ, какъ море шумѣло,
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,

Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпѣ твоей?

Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы ѣхали рядомъ,
Съ рукою сходилась рука!

Ты такъ на сѣдлѣ нагибалась красиво,
Ты алыи шиповникъ рвала;
Булавой лошади косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;

Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты
Безпечно смѣялась — цвѣты на лошади,
Въ рукахъ и на шляпѣ цвѣты.

Ты помнишь-ли ревъ дождевого потока
И пѣву, и брызги кругомъ?
И какъ наше горе казалось далѣко,
И какъ мы забыли о немъ!

5.

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ не мало
Мой деревенскій аппетитъ.

Но взглядъ мой здѣсь иного рода;
Во мнѣ лицепріятія нѣтъ:
Ужели вишни не природа,
И тотъ, кто ѣстъ ихъ, не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ, названія вандала
Отъ васъ никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала,
Когда она была въ Крыму!

6.

Туманъ встаетъ на двѣ стремнинѣ,
Среди полуночной прохлады
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горь очерчены вершины!
Въ серебристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтять небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожить блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами...

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земного бытія,
Нѣтъ мѣста страху, ни надеждѣ —
Что будетъ впредь, что было прежде —
Мнѣ все равно — и что меня
Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
Исчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.
Куда же мысль унесена,
Что ей такъ видится дремливо?
Не средь волшебнаго-ли сна
Мы ѣдемъ вмѣстѣ вдоль обрыва?
Ты-ль это, робости полна,
Ко мнѣ склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во снѣ,
Какъ звѣзды блещутъ въ вышинѣ,
Какъ конь ступаетъ осторожно,
Какъ дышетъ грудь твоя тревожно?
Иль, при обманчивой лунѣ,
Меня лишь дразнить призракъ ложный
И это сонъ? О, еслибъ мнѣ
Проснуться было невозможно!

7.

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!

Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпионъ, сороконожка
И фигуры англичанъ.

8.

Обычной полная печали,
Тыходишь въ этотъ бѣдный домъ,
Который ядра осыпали
Недавно пламеннымъ дождемъ.

Но юный плющъ, вѣсья вокругъ зданья,
Покрываетъ слѣды вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

9.

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,
И море синее, и вась, крутыя скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый.
Усталымъ путникамъ, въ палящій лѣтній день,
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь.
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны,
Но сколько горестной я вижу перемены!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ
Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шутки площадныя,
Гдѣ съ наглымъ торжествомъ носятся Россія;

Все тѣ же громкія, хвастливыя слова
Нечестное враговъ оправдываютъ дѣло...

Вдохнувъ, иду впередъ; мохнатая сова
Безшумно съ зеркала разбитаго слетѣла,
Вотъ въ уголъ бросилась испуганная мышь...
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы —
А изъ-саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,

Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтуть,
Какъ будто на дѣла враждебнаго народа
Набросить свой покровъ старается природа;
Вотъ ящерица здѣсь, межъ зелени и плитъ,
Блестя какъ изумрудъ, извилисто скользнуть,
И любо ей играть въ молчаніи могильномъ,
Гдѣ на-полъ солнца лучъ столбомъ ударилъ пыльнымъ.

Но вотъ ужъ сумерки; вотъ постепенно игла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла,
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ все темнѣе,
Душистѣе цвѣты и запахъ травъ сильнѣе;
На сломанномъ крыльцѣ снжу я, полонъ думъ —
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря шумъ!..

10.

Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный;
Взгляни на верхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный,
То цѣлый городъ; смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ
На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласятъ народныя скрижали),

Во дни неволи и печали,
 Сюда Израиля сыны
 Отъ ига чуждаго бѣжали,
 И градъ возникъ на высахъ горъ.
 Забывъ отцовъ своихъ позоръ
 И горькій плѣтъ Ерусалима,
 Здѣсь мирно жили караймы,
 Но ждалъ ихъ давній приговоръ —
 И пала тяжесть Божья гнѣва
 На вѣтвь караемаго древа.
 И городъ вымеръ. Здѣсь и тамъ
 Остатки башенъ по стѣнамъ,
 Кривыя улицы, кладбища,
 Пещеры, рытыя въ скалахъ,
 Давно безлюдны жилища,
 Обломки, камни, пыль и прахъ,
 Гдѣ взоръ отрады не находятъ;
 Двѣ-три семьи какъ тѣни бродятъ
 Средь голыхъ стѣнъ; но дороги
 Для нихъ родные очаги,
 И храмъ отцовъ, отъ моха черный,
 Надъ кониъ плавные круги,
 Паря, чертитъ орелъ нагорный.

11.

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
 По сырнѣмъ камнямъ точитъ слезы,
 Ползутъ на черный кипарисъ
 Гроздами пурпурныя розы.
 Сюда когда-то, въ жгучій зной,
 Подъ темнолиственные лавры,
 Вѣжали львы на водопой
 И буропѣгіе кентавры;
 Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
 Вакханки съ криками и смѣхомъ
 Свершали виноградный пиръ,

И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ дальнихъ эхомъ.

На той скалѣ Діаны храмъ
Хранила дѣвственная жрица,
А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
Плыла богини колесница...
Но ужъ не та теперь пора,
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,
Тамъ слышны звуки топора,
Грохочать вражьи барабаны;
И все прошло, нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой:
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыхъ стада
Пасеть татаринъ молчаливый...

12.

Солнце жжетъ; передъ грозомъ
Измѣнились моря видъ:
Засверкалъ межъ бирозомъ
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я,
Какъ, вѣдная корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ, онѣмѣлый,
У твоихъ, Таврида, ногъ.

13.

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій.

Глубокинъ мракомъ полонъ онъ,
 Какъ будто набѣжали тучи,
 Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ
 Насъ ночь безвременно застигла;
 Лишь солнце сыплеть черезъ никъ
 Мѣстами огненные иглы.
 Зубчатый клѣнъ, и гладкій букъ,
 И твердый грабъ, и дубъ корнистый,
 Вторять подковъ желѣзный звукъ
 Средь гама птичьяго и свиста;
 И ходить трепетная сѣсь
 Полутѣней въ прохладѣ мглистой,
 И чуетъ грудь, какъ воздухъ весь
 Пропитанъ сыростью душистой.
 Вонъ тамъ украдкой слабый лучъ
 Скользятъ по лицѣ, мкомъ одѣтой,
 И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
 Журчатъ въ травѣ незримый ключъ...

14.

Привалъ. Дымяся, огонѣкъ
 Трещить подъ таганомъ дорожнымъ;
 Пасутся кони, и далѣкъ
 Весь міръ съ его волненьемъ ложнымъ.
 Здѣсь долго-бъ я съ тобою могъ
 Мечтать о счастьи возможномъ!
 Но очи грустно опутивъ,
 И наклонясь надъ крутизною,
 Ты, молча, смотришь на заливъ,
 Окружена зеленой иглою...
 Скажи, о чемъ твоя печаль?
 Не той ли душой ты томима,
 Что счастье, какъ морская даль,
 Бѣжить отъ насъ неудовимо?
 Нѣтъ, не догнать его ужъ намъ!
 Но въ жизни есть еще отрады;

Не для тебя ли по скаламъ
 Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
 Не для тебя-ль, въ ночной тѣни,
 Вчера цвѣты благоухали?
 Изъ синихъ волнъ не для тебя ли
 Восходить солнечные дни?
 А этотъ вечеръ? О, взгляни,
 Какое мирное сіянье!
 Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
 Недвижно море; корабли,
 Какъ точки бѣлыя вдали,
 Едва скользятъ, въ пространствѣ тая;
 Какая тишина святая
 Царитъ кругомъ! Нисходить къ намъ
 Какъ-бы предчувствіе чего-то;
 Въ ущельяхъ ночь; въ туманѣ тамъ
 Дымится сизое болото,
 И всѣ обрывы по краямъ
 Горятъ вечерней позолотой...

* * *

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
 И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
 Къ себѣ лишь ты одной всегда неутомима,
 Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Но еслибъ видѣть ты любящей душою
 Могла со стороны хоть разъ свою печаль —
 О, какъ самой себя тебѣ бы стало жаль,
 И какъ бы плакала ты грустно надъ собою!

Лишь только одинъ я останусь съ собою,
 Меня голоса призываютъ толпою,
 Которому-жъ голосу отвѣдь дамъ?
 Въ сомнѣннн рвется душа пополамъ.
 Совѣтовъ, угрозъ, обѣщаннй такъ много,
 Но гдѣ же праяая, святая дорога?
 Съ мучительной душой стою на пути —
 Не знаю, направо-ль, налѣво-ль идти?
 Махни ужъ рукой да иди, не робѣя,
 На голосъ, который всѣхъ манить сильнѣе,
 Который немолчно, вблизи, вдалежѣ,
 Съ тобой говорить на родномъ языкѣ!

Меня, во мракѣ и въ пыли
 Досель влачившаго оковы,
 Любви крылья вознесли
 Въ отчизну пламени и слова;
 И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
 И сталъ мнѣ видѣнъ мнръ незримый,
 И слышитъ ухо съ этихъ поръ
 Чтѣ для другихъ неувовимо.

И съ горней выси я сошелъ,
 Проникнуть весь ея лучами,
 И на волнующійся долъ
 Взираю новыми очами.
 И слышу я, какъ разговоръ
 Вездѣ немолчный раздается,
 Какъ сердце каменное горъ
 Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
 Съ любовью въ тверди голубой
 Клубятся медленные тучи,
 И подъ древесною корой,

Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подьмется пѣвучей.
И вѣщникъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ ля,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Люби поворная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало...

Милый другъ, тебѣ не спится,
Душенъ комнать жаръ,
Неотвязчивый кружится
Надъ тобой комаръ...

Подойди сюда, къ окошку,
Все кругомъ молчать,
За оградю дорожку
Мѣсяцъ серебритъ;

Не слышать въ сѣняхъ ступени,
И въ саду темно,
Чуть замѣтно въ полу-тѣни
Дальнее гумно.

Встань, приютъ тебя со мною
Тамъ спокойный ждетъ;
Сторожъ тамъ, звеня доскою,
Мимо не пройдетъ.

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучить сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все что не ты — такъ суетно и ложно,
Все что не ты — безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипить бунтующая кровь —
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ наизуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшійся потокъ
Изъ царства тучъ, грозы и непогоды
Въ просторъ степей выносить тѣ же воды
И въ даль течеть, спокоенъ и глубокъ.

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась неожиданно,
Съ налёта смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.

Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождёмъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.

И надъ обломками, безмолвенъ, я стою,
И трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перекаты...

На нивы желтые нисходит тишина,
Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнувшихъ селеній,
Дрожа, несется звонъ... Душа моя полна
Разлукою съ тобой и горькихъ сожалѣній.

И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь,
И каждое твержу пріветливое слово,
Что могъ бы я сказать тебѣ, моя любовь,
Но что внутри себя я скоронилъ сурово.

Насъ не преслѣдовала злоба,
Не отъ вражды, нль клеветы —
Отъ нашихъ думъ ушли мы оба,
Бѣжали вмѣстѣ, я и ты.

Зачѣмъ же прежній гласъ упрека
Опять твердить тебѣ одно,
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: нашъ день восходитъ чисто,
Ночной разсѣялся туманъ,
Играя далью золотистой,
Насъ манитъ жизни океанъ.

Уже надутое вѣтрило
Нашъ челнъ уноситъ въ новый край —
Не сожалѣй о томъ, что было,
И взоръ обратно не кидай!

Не божиинъ громомъ горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося,
Собиралось оно малыи тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посѣяло горе мелкимъ дождичкомъ,
Мелкимъ дождичкомъ осеннимъ.
А и свѣтъ оно давнымъ-давно,
И сѣчетъ оно безъ умолку,
Безъ умолку, безъ устали,
Безъ конца сѣчетъ, безъ отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сномъ-дремотою, зѣвотою.
Уже полно, горе, дубъ ломать по прутникамъ,
Щипати по листикамъ!
А и бывало же другимъ счастьеце:
Налетало горе вихремъ-бурею,
Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ.

Не брани меня, мой другъ,
Гнѣвъ твой выразится худо;
Онъ мнѣ только нѣжить слухъ,
Я слова ловить лишь буду,
Какъ они польются вдругъ,
Такъ посыпятся, что чудо,
Точно падаетъ жемчугъ
На серебряное блюдо!

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя —
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ —
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся, ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна какъ листы,
Она какъ гусли многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ,
И сокрушительнымъ набѣгомъ,
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листьями не двинуть;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ миръ опрокинуть.

Сажу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока —
Съ родни ей спокойное море!

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покою!
 Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
 Старая крѣпко меня за бока ухватила,
 Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
 Пусть бы хотъ молча, а то вѣдь накинудась съ бранью,
 Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
 Охъ, насолили мнѣ дразги и мелочи эти!
 Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
 Сила и воля нужны мнѣ для боя иного —
 Послѣ, пожалуй, съ тобою мы сиватимся снова!

О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
 Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая;
 Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
 И листья кроетъ пыль и дольная роса.

О, долго-ль быть тебѣ печальной и согнутой!
 Смотри, пришла весна, твои не крѣпки пути —
 Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
 Вершиною шума въ зенрѣ голубомъ!

О, еслибъ ты могла, хотъ на единый мигъ,
 Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды,
 О, еслибы, хотъ разъ, я твой увидѣлъ ликъ,
 Какимъ я зналъ его въ счастливейшіе годы!

Когда въ твоихъ глазахъ засвѣтитса слеза,
 О, еслибъ эта грусть могла пройти порывомъ,
 Какъ въ теплую весну пролѣтная гроза,
 Какъ тѣнь отъ облаковъ, бѣгущая по нивамъ!

Ой, стоги, стоги,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечесть,
Не окинуть окомъ!

Ой, стоги, стоги,
Въ зеленѣмъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

—Добрый человекъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.

Раскидали насъ
Посрединѣ луга,
Раскидали врозь,
Далѣ другъ отъ друга.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя воробны.

На главахъ у насъ,
Затѣвая звѣзды,
Галокъ стая вѣетъ
Поганья гнѣзда.

Ой, орелъ, орелъ,
Нашъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлобкій!

Ой, орелъ, орелъ,
Внеми нашимъ стонамъ!

Долѣ насъ срашнть
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высококѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко, далеко!

Ой, честь ли то молодцу лёнъ прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводѣ по-воду ходить?
Гусляру-пѣвуну во приказѣ сидѣть,
Во приказѣ сидѣть, потолокъ коптять?

Ой, коня-бъ ему, гусли-бъ звонкія!
Ой, въ луга-бъ ему, во зеленый боръ,
Черезъ рѣченьку да въ темный садъ,
Гдѣ соловушка на черемухѣ
Цѣлу ноченьку на пролѣтъ поеть!

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,

Всѣ межъ собой враждующіе звуки,
Послѣдній часъ въ созвучіе сольются;

Въ одинъ порывъ смѣшается въ сердцѣ гордохъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучать,
И разрѣшить торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

О, не спѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище,
Среди міровъ иныхъ,
Помедли здѣсь со мной, на этомъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ.

Отъ праха отрѣшась, не удержать полѣта
Въ невѣдомую даль —
Кто будетъ въ той странѣ, о, другъ, твоя забота
И кто твоя печаль?

Въ тревогѣ бытія, въ безбрежномъ колыханьи
Безъ цѣли и слѣда,
Кто въ жизни будетъ мнѣ и радость, и дыханье,
И яркая звѣзда?

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

Онъ водилъ по струнамъ; упали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрышки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нить рассказъ убѣдительно-живой
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣннаго цвѣта отливъ
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И бессильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билось сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно;
И къ себѣ беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полъ-неба луна обогнула.
Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли сначала,
Бѣглымъ пламенемъ синяя жѣнка
Музыканта лицо освѣщала...

Осень! Обсыпается весь наш бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по-вѣтру летять,
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долины,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученьки грѣю я и жиу,
Въ очи тебѣ глядячи, молча, слезы лью,
Не умѣю высказать какъ тебя люблю!

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ серебристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылечишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана—
Лишь больное сердце не залечитъ раны.

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбацкихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней;

Сижу и смотрю я дорбогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходить оборванный жидъ;
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ;

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ;

Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣнливо подвозитъ мѣшки...

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда,
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и гѣсь, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно,
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе-жъ тащела мѣшки;
Такіе-жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;

И такъ же шелъ жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Поразмысливъ акуратно,
Я избралъ себѣ дорожку
И иду по ней безъ шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочемъ, я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипаетъ
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я, какъ же можно!
Изъ себя какъ разъ я выйду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить конечно съ толкомъ;
Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Если-бъ братъ мой захлебнулся,
Я-бъ не сталъ махать руками,
Тотчасъ кинулся бы въ воду,
Съ пузырями, съ пузырями!

Радъ за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я —
Грудью лягу въ чистомъ полѣ,
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синкалѣ,
Такъ чтобъ вѣдали потомки,
По ужъ если пасть придется —
Такъ соломки, такъ соломки!

Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки,
Всѣмъ союзникамъ служу я,
По-австрійски, по-австрійски!

Порой, среди заботъ и жизненнаго шума,
Внезапно набѣжитъ мучительная дума
И гонить образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши,
И суетнаго дня минуетъ гулъ тревожный,
Смирается во мнѣ волненье жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничѣмъ не возмущимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви моеи къ тебѣ сокровища лежать.

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора,
Страшится мнѣнїя людей;
Пусть ищетъ шаткой онъ опоры
Въ рукоплесканїяхъ друзей!
Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,
Того хулы не потрясутъ;
Его глаголъ нелицемѣренъ,
Ему чужой не нуженъ судъ.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таятъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы,
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;

Когда-жъ толпа несправедливо
 Свой постановить приговоръ,
 Одинъ, не слѣдуя за нею,
 Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло
 Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
 Склонить свободное чело.

Разсѣвается, разступается
 Грусть подъ думами, подъ могучими,
 Въ душу темную пробивается
 Слово солнышко между тучами.

Ой-ли, молодецъ? не разступится,
 Не разсѣется ночь осенняя,
 Скоро свѣдаешь, чѣмъ искупится
 Непоказанный мигъ веселія!

Прикачнулась, привалилася
 Къ сердцу съизнова грусть обычная,
 И головушка вновь склонилася,
 Бесталанная, горемычная.

Сердце, сильнѣй разгораясь отъ года до году,
 Брошено въ свѣтскую жизнь какъ въ студеную воду.
 Въ ней, какъ желѣзо въ раскалѣ, оно закипѣло:
 Сдѣлала, жизнь, ты со мною недоброе дѣло!
 Буду кипѣть, негодую, тоской и печалью—
 Все же не стану блестящей, холодной сталью.

Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку,
 Гдѣ катятся волны, одна за другой въ перегонку.
 Волна погоняетъ волну среди бурнаго моря,
 Чтѣ день, то за горешъ все новое валится горе,
 Сижу я и думаю: чтѣ мнѣ тужить за охота,
 Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
 Вѣдъ надобно-жъ мѣсто все новымъ да новымъ кручинамъ —
 Такъ чтѣ же тужить, коли клинъ выбивается клиномъ?

Слеза дрежить въ твоемъ ревнивомъ взорѣ —
 О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
 Но я любить могу лишь на просторѣ —
 Мою любовь, широкую какъ море,
 Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
 Толпы мировъ воззвала изъ ночи,
 Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
 И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
 Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
 Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
 Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
 О ней потокъ гремитъ струею холодной,
 И говорить, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
 И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
 И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
 И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
 И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще — неволя недолга —
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не видѣть земные берега.

Смеркалось, — жаркій день блѣднѣлъ неумовно,
Надъ озеромъ туманъ таялся полосой,
И кроткій образъ твой, знакомый и любимый,
Въ вечерній тихій часъ носился предо мной.

Улыбка та-жъ была, которую люблю я,
И мягкая коса какъ прежде расплелась,
И очи грустныя, по прежнему тоскуя,
Глядѣли на меня въ вечерній тихій часъ...

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющей валь.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный, и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь,

И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя, я не знаю —
Но кажется мнѣ, что люблю!

Съ ружьемъ за плечами, одинъ, при лунѣ
Я по полю ѣду на добромъ конѣ.
Я бросилъ поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по травѣ веселѣй!
Я мыслю такъ тихо, такъ сладко, но вотъ
Невѣдомый спутникъ ко мнѣ пристаетъ,
Одѣтъ онъ какъ я, на такомъ же конѣ,
Ружье за плечами блеститъ при лунѣ.
— Ты, спутникъ, скажи мнѣ, скажи мнѣ, кто ты?
Твои мнѣ какъ будто знакомы черты.
Скажи, что тебя въ этотъ часъ привело?
Чему ты смѣешься такъ горько и зло?
— Смѣюсь я, товарищъ, мечтаньямъ твоимъ,
Смѣюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любишь?
Что вправду ты самъ ее любишь?
Смѣшно мнѣ, смѣшно, что такъ пылко любя,
Ея ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои ужъ не тѣ,
Она для тебя ужъ не тайна,
Случайно сошлись вы въ мирской суетѣ,
Вы въ ней разоидетесь случайно.
Смѣюсь я горько, смѣюсь я зло
Тому, что вздыхаешь ты такъ тяжело.
Все тихо, объято молчаньемъ и сномъ,
Исчезъ мой товарищъ въ туманѣ ночномъ,
Въ тяжеломъ раздумѣ, одинъ, при лунѣ,
Я по полю ѣду на добромъ конѣ...

Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ какъ ты далеко,
Въ тревожномъ полуснѣ когда забудусь я,
Свѣтлѣй моей души недремлющее око
И близость австреннѣй духовная твоя.

Сестра моей души, съ улыбкою участя
Твой тихій, кроткій ликъ склоняется ко мнѣ,
И я, исполненный мучительнаго счастья,
Любящій чую взоръ въ тревожномъ полуснѣ.

О, если въ этотъ часъ ты также имъ объята,
Мы думю, скажи, проникнуты-ль одной,
И видится-ль тебѣ туманный образъ брата,
Съ улыбкой грустною склоненный надъ тобой?

Тебя такъ любить всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію мирить.
Но ты грустна, въ тебѣ есть скрытое мученье,
Въ душѣ твоей звучить какой-то приговоръ;
Зачѣмъ твой ласковый всегда такъ робокъ взоръ,
И очи грустныя такъ молятъ о прощеньи,
Какъ будто солнца свѣтъ, и вѣсныя цвѣты,
И тѣнь въ полдневный зной, и шопотъ по дубравамъ,
И даже воздухъ тотъ, которымъ дышешь ты,
Все кажется тебѣ стяжаніемъ неправымъ?

Ты жертва жизненных тревогъ,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья,
Ты, какъ оторванный листокъ,
Плывешь, безъ воли, по теченью.

Ты какъ на живѣ сизый дымъ:
Откуда вѣтеръ ни повѣтъ,
Онъ только стелется предъ нимъ
И къ облакамъ бѣжать не смѣтъ.

Ты словно яблони цвѣты,
Когда ихъ снѣгъ покрылъ тяжелый;
Страхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты какъ лошадка въ вешній день:
Когда весь миръ благоухаетъ,
Сосѣднихъ горъ ложится тѣнь
И ей одной цвѣсти мѣшаетъ,

И какъ съ вершинъ бѣжитъ въ нее
Снѣговъ растаявшая груда,
Такъ въ сердце бѣдное твое
Стекаетъ горе отовсюда.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли висятъ ихъ плодъ тяжелый?

Шума, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И честь, и тихъ, и асенъ сводъ небесъ,

Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
 Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
 И къ облакамъ, клубясь надъ водою,
 Бѣжитъ дымокъ снѣвающей струей?

Туда, туда всѣмъ сердце я стремлюся,
 Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
 Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруся,
 О старинѣ поетъ слѣпой Грицкó,
 И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
 Варываютъ пыль веселою присядьбой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
 Испещрены лазурью васильковъ,
 Среди степей курганъ временъ Батня,
 Вдали стада пасущихся воловъ,
 Обозовъ скривъ, ковры цвѣтущей гречи,
 И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утро въ воскресенье,
 Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
 Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
 Стада блеять, а колоколъ гудитъ,
 И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
 Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украиной,
 Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
 Одѣтъ былъ мѣръ и сумракомъ и тайной,
 Блисталъ надъ степью искрами стожаръ,
 И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
 Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
 Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
 Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
 Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
 И много гдѣ пролито крови славной
 Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Ты знаешь край, гдѣ Сейиъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ лъеть?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щить съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ,
Рядъ жизней мысленно отыскивать иныхъ,
И путь свершая мой, съ улыбкой мимоходомъ
Смотрю на прахъ заботъ и горестей земныхъ.

Зачѣмъ же сердце такъ сжимается невольно
Когда твой встрѣчу взоръ, и такъ тебя мнѣ жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
Въ душѣ моей звучить такъ долго и такъ больно?

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
И до чела твоя восходитъ кровь;
Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

Ты не его въ немъ видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя онъ могъ —
Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
Онъ для тебя отысканный предлогъ.

То лишь обманъ неопытнаго взора,
То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
И золотитъ, лаская безъ разбора
Все, что къ нему случайно подойдетъ.

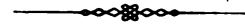

Ты, невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донинять меня, добра молодца!
Какъ съ утра-то встану здоровѣшенекъ,
Здоровѣшенекъ, кажись, гору сдвинулъ бы;
А къ полудню уже руки опускаются,
Ноги словно ко землѣ приросли.
А подходит оно безъ оклика,
Межъ хотѣнья и дѣла втирается,
Говорить: „Не спиши, добрый молодецъ,
„Еще много впереди времени!“
И субботу называетъ пятницу,
Омину недѣлю свѣтлымъ праздникомъ.
Я пушуся ли въ путь-дороженьку,
Анъ оно повело проселками,
На полъ-пути корчмой выросло.
Я за дѣло принусь, анъ оно мухомъ
Передъ носомъ снуеть, извивается.
А потомъ тебѣ же насмѣвается:
„Ой, удалъ-силенъ добрый молодецъ,
„Еще много ли на боку полежано,
„Силы-удали понакоплено,
„Отговорокъ-то понахожено?
„А и много ли богатырскихъ дѣлъ,
„На печи сидючи, понадумано,
„Вахлаками другихъ поругано,
„Себѣ спину почесано?“

Ты не спрашивай, не распытывай,
 Умомъ-разумомъ не раскидывай:
 Какъ люблю тебя, почему люблю,
 И за что люблю, и на долго ли?
 Ты не спрашивай, не распытывай:
 Что сестра-ль ты мнѣ, молода-ль жена,
 Или дѣтище ты мнѣ малое?

И не знаю я, и не вѣдаю,
 Какъ назвать тебя, какъ прикликати.
 Много цвѣтиковъ во чистомъ полѣ,
 Много звѣздъ горитъ по поднебесью,
 А назвать-то ихъ нѣтъ умѣнія,
 Распознать-то ихъ нѣту силушки.
 Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
 Не разгадывалъ, не распытывалъ;
 Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
 Очертилъ свою буйну голову!

Ты помнишь ли, Марія,
 Одинъ старинный домъ,
 И липы вѣковые
 Надъ дрекнущимъ прудомъ?

Безмолвные аллеи,
 Заглохшій, старый садъ,
 Въ высокой галлерей
 Портретовъ длинный рядъ?

Ты помнишь ли, Марія,
 Вечерній небосклонъ,

Равнины полевныя,
Села далекій звонъ?

За садомъ берегъ чистый,
Спокойный бѣгъ рѣки,
На нивѣ золотистой
Стенные васильки?

И рошу, гдѣ впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Марія,
Утраченные дни?

Б. М. МАРКЕВИЧУ.

Ты правъ; мой своенравный геній
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ;
Таясь въ душевной глубинѣ,
Дремала буря пѣснопѣвій.
Меня ласкали сонъ и лѣнь,
Но цѣпь житейскую почувя,
Воспрянулъ я — и негодуя,
Стихи текутъ. Такъ въ бурный день,
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубить блескъ своихъ огней,
И такъ рѣка, скалами сжата,
Бѣжитъ сердитѣй и звучнѣй!

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
 Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
 Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ олимпійскаго славнаго Зевса!
 Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
 Ласковый, царственный взоръ изъ-подъ мрака бровей громоносныхъ?
 Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который,
 Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
 Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
 Или Бетговенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
 Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ,
 Плачь неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
 Рүшенье свѣтлыхъ мировъ въ безнадежную бездну хаоса?
 Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,
 Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.
 Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
 Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта,
 Но передать ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать,
 Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
 Цѣлое съ нимъ увлекаетъ созданье въ нашъ миръ удивленный.
 О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
 Будь одинокъ и слѣпъ какъ Гомеръ, и глухъ какъ Бетговенъ,
 Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
 И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
 Вдругъ выступаютъ, такъ выступать вдругъ предъ тобою картины,
 Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
 Стройныя словъ сочетанія въ ясною сплетутся значенья —
 Ты-жъ въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
 И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

Ужъ ласточки, кружась, надъ крышей щелтали,
Красуясь, идетъ нарядная весна...
Порою входитъ такъ въ дождь скорби и печали
Въ цвѣтахъ красавица, надменна и пышна.

Какъ праздничный мнѣ ликъ весны теперь несносенъ,
Какъ грустенъ безъ тебя деревъ зеленыхъ видъ!
И мысля я: когда-жъ на нихъ повѣетъ осень
И, сыпя желтый листь, насъ вновь соединитъ!

Ужъ ты мать тоска, горе-гореваньце,
Ты скажи, скажи, ты повѣдай мнѣ:
На добычу-то какъ выходишь ты?
Какъ сживаешь людъ божій съ свѣту?
Ты зиѣй ли ползешь подколодню?
Ты ли бьешь съ неба бурныхъ коршуномъ?
Сърымъ волкомъ ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могучъ,
Выѣзжаешь со многою силою,
Выѣзжаешь со гридни и отроки?
Ужъ вскочу въ сѣдло, захвачу тугой лукъ,
Ужъ доѣду тебя, горе горючее,
Подстрѣлю тебя, тоску лютую!
— Полно, полно, добрый мѣлодецъ,
Бранью на-вѣтеръ кидатися,
Неразумны слова выговаривать,
Я не волкомъ бѣгу, не зиѣй ползу,
Я не коршуномъ бью изъ поднѣбесья,
Не съ дружиною выѣзжаю я,
Выступаю-то я красной дѣвицей,
Подхожу-то я молодежию,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь.

И ты самъ слѣзешь съ коня долой,
Красной дѣвицѣ отдашь поклонъ,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцемъ всплачешься,
Ноги скорыя-то подкосятся,
И тугой лукъ изъ рукъ выпадеть.

Ужъ ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху одинаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы, думы мои, думушки,
Не страшнута васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
По тебѣ-ль, нива, вѣтеръ разгуливалъ,
Гнулъ колосья твои дѣ-земли,
Зрѣлы зерна всѣ размѣтывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль-трава,
Выростало горе горячее.

Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой
Вечерній алый свѣтъ сливается все болѣ,
Блеящія стада вернулись домой,
И улеглася пыль на опустѣломъ полѣ.

Да свидеть ангелъ сна, прекрасенъ и крылатъ
И да перенесетъ тебя онъ въ жизнь иную!

Издавна былъ онъ мнѣ въ печали другъ и братъ,
Усни, мое дитя, къ нему я не ревную.

На раны сердца онъ забвеніе прольётъ,
Пытливую тоску отъ разума отыметъ,
И съ горестной души на ней лежащій гнётъ
До новаго утра незримо приподыметъ.

Томная весь день душевною борьбой,
Отъ взоровъ и рѣчей враждебныхъ ты устала —
Усни, мое дитя, межъ ними и тобой
Онъ благостной рукой опуститъ покрывало.

„Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно-одинѣшенько,
А и сидитъ оно крѣпко-на-крѣпко,
Словно гвоздь обухомъ вколоченный.
И глядитъ ужъ онъ на свое добро,
Все глядитъ на него, не спуская глазъ,
И не смотритъ по сторонущкамъ,
А звай прѣтъ впередъ, на проломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго-поперечнаго.

А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны.
И тѣ очи у него разбѣгаются:
И кажись хорошо, а лучше есть!
А и худо кажись, не безъ добраго!
И дойдетъ онъ до распутья,
Не одну видитъ въ полѣ дороженьку;

И онъ станетъ, призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Начинаетъ идти съязнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на лѣса зеленые,
Залюбуется на божьи цвѣтники
И заслушается вольныхъ пташечекъ.
И всѣ люди его корятъ, бранятъ:
„Ишь, идетъ, моль, озирается,
„Ишь, стоитъ, моль, призадумался,
„Ему-бъ мѣрить все да взвѣшивать,
„На всѣ боки бы поворачивать.
„Не бывать ему воеводою,
„Не бывать ему посадникомъ,
„Думнымъ дьякомъ не бывать ему,
„Ни торговымъ дѣломъ не править!“

Что за грустная обитель,
И какой знакомый видъ!
За стѣной храпять смотритель,
Сонно маятникъ стучить!

Стукнетъ вправо, стукнетъ влево,
Будить мыслей длинный рядъ;
Въ немъ рассказы и напѣвы
Затверженные звучать.

А въ подсвѣчникѣ пылаетъ
Догорѣвшая свѣча,
Гдѣ-то пѣсь далеко лаетъ,
Ходитъ маятникъ, стуча;

Стукнетъ влѣво, стукнетъ вправо,
Все твердить о старинѣ;
Грустно тажъ! Не знаю право,
На яву я, вль во снѣ?

Вотъ ужъ лошади готовы —
Сѣлъ въ кибитку и скачу —
Полно, такъ ли? Вижу снова
Ту же сальную свѣчу,

Ту же грустную обитель
И кругомъ знакомый видъ,
За стѣной хранишь смотритель,
Сонно маятникъ стучить...

Чтѣ ни день, какъ полома со влагой,
Такъ унынье борется съ отвагой,
Жизнь бѣжить то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
Отъ безпечной удали къ заботамъ
Переходить пестрымъ переплетомъ,
Думы твуть, то въ солнцѣ, то въ туманѣ,
Золотой узоръ на темной ткани.

Что ты голову склонила?
Ты полна-ли тихой лѣнью,
Иль грустишь о томъ, что было,
Иль, подъ виноградной сѣнью,

Начертанія сквозныя
Разгадать хотѣла-бъ ты,
Что на землю вырѣзные
Сверху бросили листы?

Но дрожащаго узора
Намъ значенье непонятно —
Что придетъ, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

Часъ полуденный, палящій,
Полный жизни огневой,
Часъ веселый настоящій,
Этотъ часъ одинъ лишь твой.

Не клони-жъ печально взора
На рисунокъ непонятный —
Что придетъ, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

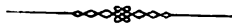
Шумитъ на дворѣ непогода,
А въ домѣ давно уже спать;
Къ окошку, вздохнувъ, подхожу я:
Чуть видѣнъ чернѣющій садъ;

На небѣ такъ тѣмно, такъ тѣмно,
И звѣздочки нѣтъ ни одной,
А въ домѣ старинномъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьетъ, барабана, по крышѣ,
Хрустальныя люстры дрожать,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумять;

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умретъ,
Наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
Гдѣ жилъ его доблестный родъ,

И домъ навсегда запустѣетъ,
Заглохнутъ ступени травой...
И думать объ этомъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Я васъ узналъ, святѣя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда за бѣглою не гоняясь тѣнью,
И думалъ я, и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ, и все, что ненавидѣлъ!

Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

По прежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима прошла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ...

Я задремалъ, главу понура,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,

И выжги ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!

Да всряну я, тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь тавшійся издамъ!

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

1866—1875.

ПОСАДНИКЪ

ТРИ ПЕРВЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДРАМЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бояринъ Глѣвъ Мироничъ, степенный посадникъ новгородскій.

Посадница, жена его.

Вѣра, дочь ихъ.

Боярыня Мамедѣа Дмитревна, вдова прежняго посадника.

Вышата

Роговичъ

Жигохъ

Кривцевичъ

} новгородскіе бояре.

Василько, женихъ Вѣры, дочери посадника.

Ставръ

Головня

Радько

} товарищи его.

Бояринъ Оома Григорьичъ, бывшій новгородскій воевода.

Бояринъ Андрей Юрьевичъ Черный, новый новгородскій воевода.

Наталья, полюбовница Чернаго.

Рагуило, братъ ея, изъ непріятельскаго стана.

Кондратьевна, няня ея.

Дѣвушка, прислужница ея.

Мичникъ.

Гридень.

Подвойскій.

Одинъ изъ бояръ.

Другой „

Третій „

Четвертый „

Одинъ изъ народа.

Другой „

Третій „

Четвертый „

Пятый „

Шестой „

Седьмой „

Восьмой „

Граждане. Бояре. Грехи. Огннцане.

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ, въ XIII столѣтіи.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

УЛИЦА.

Толпа народа, возвращается съ площади.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Конецъ вѣчу! Договорились до дѣла!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

По шеямъ боярина Оому!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Давно бы такъ! Чтѣ онъ былъ за воевода! Суздальцамъ хотѣлъ ворота отпереть! Не можемъ-де долѣ держаться!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Къ чорту его! Бояринъ Черный не отпереть!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не таковскій!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А и у Оомы сильна сторона! Я какъ увидѣлъ, что Плотниціе одинъ за другимъ въ доспѣхъ подсѣдаютъ, ну, думаю, въ топоры пойдутъ!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

И пошли-бы въ топоры, когда-бъ не посадники! Дай Богъ ему здоровья, Глѣбу Мироничу! Не рѣчишь, да и тѣло его слово: „Не о томъ, говорить, споръ, кому воеводой быть, а о томъ, вольнымъ ли намъ городомъ оставаться! Хотите-ли послушаться Оомы? Хотите-ли Суздальскимъ пригородкомъ учиниться?“ — Тутъ мы первые закричали: „Не хотимъ! Долой Оому!“

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

А Плотниціе-то свое несутъ, какъ Ома ихъ училъ, такъ и дол-
бять: „Не можемъ держаться! Приступомъ насъ возьмутъ!“

ВТОРОЙ ИЗ НАРОДА.

А какъ осерчалъ-это на нихъ Глѣбъ Мирончъ! „Неправда!“ гово-
рять, „три дня еще продержимся, пока Псковичи на выручку подо-
дутъ! Кто смѣлуется мнѣ, посаднику Глѣбу, не вѣрить?“ — Такъ и
сказалъ: „кто смѣлуется мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?“

ТРЕТИЙ ИЗ НАРОДА.

Великъ его почетъ въ Новѣгородѣ! Какъ сказалъ: кто смѣлуется
мнѣ не вѣрить?—такъ вся Добрынина улица въ одинъ голосъ: „Вѣ-
римъ тебѣ, вѣримъ! Долой Оому! Тебѣ, Глѣбу, воеводой быть!“

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ НАРОДА.

Нѣтъ, то не Добрынина, а наша Люгоша улица напередъ всѣхъ
закричала: „Тебѣ воеводой быть!“

ВТОРОЙ ИЗ НАРОДА.

Обѣ улицы закричали. Да спасибо-то онъ никому не сказалъ. „Не
мнѣ, говорить, а Черному быть воеводой! Черный лучше всѣхъ
дѣло знаетъ, нѣтъ супротивъ Чернаго во всемъ въ Новѣгородѣ!“

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ НАРОДА.

А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всѣхъ концахъ заголю-
сили: „Чернаго! Чернаго!“ Они-то и перекричали Плотничикихъ!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

Не они одни, всѣ мы ихъ перекричали. Заставили языкъ при-
кусить!

ТРЕТИЙ ИЗ НАРОДА.

Куда одному концу противъ всѣхъ!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

А въ кольчугахъ, было, подсъли! Думали Новгородъ на-двое раз-

дѣлить. Тутъ бы они и ударили за Оому, да не удалось, когда посадникъ сказалъ: „кто смѣлусть мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?“

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Даромъ ихъ, значить, Оона угощаль!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ни про что исхарчился!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, не простить же онъ посаднику!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не простить!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А тому—какое горе? Когда Глѣбъ смотрѣлъ на кого?

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Тѣмъ-то себѣ и недруговъ нажилъ!

ТРЕТИЙ ИЗЪ НАРОДА.

Правда, шен гнуть не умѣеть! А ужъ что до порядковъ, не приведи Богъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Спуску никому не дасть. Говорить: „Я не просился въ посадники, а выбрали меня, такъ ужъ знайте кого выбрали!“

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

За то ему видно и Черный по праву. Этотъ также не гнѣтся.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, Черный посаднику рознь. Въ ратномъ-то дѣлѣ нѣтъ супротивъ его, а дома ужъ больно до женскаго пола охочъ; отъ своей отъ Натальи души не часть!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Кому до того нужда, коли онъ въ строю не бабится!

ЯВЛЕНИЕ II.

Другая толпа — иные въ кольчугахъ.

ПЯТЫЙ — въ кольчугѣ.

Что за оторопь на васъ нашла? Дали смѣнить Оому Григорьяча, теперь напляшемся съ Черными! До осени миру не будетъ, до весны кораблей своихъ не увидимъ!

ШЕСТОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Чего-жъ вы, кольчужники, сложа руки сидѣли?

ПЯТЫЙ.

Какой сложа руки! Мы кричаши животы насадили! А какъ побжился тотъ чортовъ посадникъ, что Черный городъ отстоитъ, тутъ всѣ, какъ шальные, пошли ревѣть: Чернаго! Чернаго! Не со всѣмъ же Новымъ-городомъ на драку лѣзть!

СЕДЬМОЙ.

И подлинно шальные. Эка бѣда, что Оома за князя говорилъ! Не все-ли равно торговать, что на своей-ли, что на княжой-ли волѣ? Безъ торгу-то, небось, лучше?

ВОСЬМОЙ.

А сталъ бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

ПЯТЫЙ.

Разорить насъ этотъ Черный!... Не отстоимъ города. Суздальцы на щить возьмутъ!

Первая толпа.

ПЕРВЫЙ.

Какъ города не отстоимъ?

ВТОРОЙ.

Да развѣ намъ впервой низовыхъ бить?

Вторая толпа.

СЕДЬМОЙ.

Вамъ-то, чай, отъ войны не накладно, такъ вы и горланили за Чернаго!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

А вамъ бы мощну набивать, а Новгородъ пропадай!

Вторая толпа.

ПЯТЫЙ.

Глѣбъ-то вамъ передъ вѣчемъ, чай, изъ своего погреба по стопѣ поднесъ?

Первая толпа.

ТРЕТІЙ.

А много вамъ князь заплатилъ за Ѳому стоять?

Вторая толпа.

ШЕСТОЙ.

Крысы подпольныя!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

Суздальскія собаки!

Обѣ толпы бросаются одна на другую.—
Является Черный въ сопровожденіи бояръ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Черный, Василько, бояре, Ставръ, Головня, Радько и воины,
потомъ посадникъ.

ЧЕРНЫЙ.

Что тутъ за шумъ? Кто смѣлъ затѣять ссору?
Забыли вы, что Новгородъ мнѣ далъ

На время облежанія расправу
На жизнь и смерть?

Говоръ въ народѣ.

ВТОРОЙ.

Вишь, зтотъ не Ѡмѣ чета!

ТРЕТІЙ.

Съ нимъ не сдобровать!

ПЕРВЫЙ—увидѣвъ посадника.

А вотъ и Посадникъ идетъ.

ВТОРОЙ.

Отъ этого еще хуже будетъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Черному.

Что тутъ опять горланили они?

ЧЕРМНЫЙ.

Повздорили маленько, Глѣбъ Мирончъ,
Да ничего, ужъ я имъ погрозилъ;
Самъ вѣдаешь, народъ вѣдь вольный!

ПОСАДНИКЪ.

ВОЛЬНЫЙ!

Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда поставили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святъ!
Ты не грози тому, кто спорить станеть,
А съ жерновомъ на шеѣ кинуть въ Волховъ
Его веди!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ имъ и будетъ, если
Опять начнутъ!

Народъ расходится по селѣ.

ЧЕРМНЫЙ—къ боярамъ.

Великую отъ васъ
 Я честь пріялъ сегодня, государи,
 А съ ней отвѣтъ великій. Не должны,
 Мы забывать, какая угрожаетъ
 Опасность намъ. Князь не съ одной своей
 Дружиной для ищенья къ намъ вернулся;
 Его дядевъ дружины съ нимъ пришли,
 Не поплиной, на древлихъ Ярославлихъ
 На грамотахъ, обратно столъ княжой
 Онъ требуетъ, но вотчиной своею
 Ужъ насъ зоветъ. Всѣ пригородки взялъ,
 Посады сжѣгъ. Ужъ турами бьетъ стѣны.
 Отъ приступовъ его все болѣ наша
 Рѣдѣтъ рать—и если Псковичи
 На помощь къ намъ не подойдутъ, придется
 И впрямъ княжой намъ вотчиною стать,
 Или за вольность нашу, безъ остатка
 Всѣмъ лечь костью!

КРИКИ.

Всѣ, всѣ за вольность ляжемъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Но если мы дня три лишь, или четыре,
 Продержимся, то Псковъ имъ въ тылъ ударить,
 Мы-жъ выльземъ—и правому тогда
 Поможетъ Богъ!

Изъ толпы.

ТРЕТИЙ.

Съ тобой намъ Богъ поможетъ!

ВТОРОЙ.

Ты наша броня!

всѣ.

Живѣть бояринъ Чермный!

ЧЕРМНЫЙ.

А чтобы дать ихъ множеству отпоръ,
 Всѣ за-одинъ теперь стоять должны мы.
 Не для того вы сами воеродой
 Поставили меня, чтобы сидѣнье
 Держали мы, какъ было при Оомѣ!
 На сонныхъ мухъ подъ нимъ мы походили!
 Теперь не такъ! Теперь, не оставайся
 Никто въ дому! На стѣны старъ и младъ!
 Кто годенъ въ строй, тотъ надѣвай кольчугу,
 Кто нѣтъ, таскай тотъ землю и песокъ
 На новый валъ! Передніе ли люди,
 Иль младшіе — бояре или чады —
 Всякъ топорошъ, мечомъ, или лопатой
 Теперь служи — и еслибъ даже кто
 И дьякомъ былъ, и было-бъ ужъ гуменцо
 Пострижено, всѣ винны за святую
 Софію стать!

всѣ.

Всѣ станемъ за Софію!

ВТОРОЙ.

Изречь съ тобой!

ПЕРВЫЙ.

За Новгородъ-Великій!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

За грамоты!

ТРЕТІЙ.

За волю!

всѣ.

Станемъ всѣ

Живой стѣной!

ЧЕРМНЫЙ.

Ступайте-жь, государи,
 Къ своимъ мѣстамъ—вамъ вѣдомы они.
 Всякъ знай свое, въ чужое не мѣшайся,
 Перебѣгать не смѣй отъ мѣста къ мѣсту,
 Какъ при Ошѣ. Не ваша то печаль,
 Коль на какой обломъ, иль вежу, приступъ
 Услышите. Отвѣтъ за все на мнѣ.
 Простите-же; сейчасъ приду на валъ
 Осматривать работы.

Боаре уходить, народъ расходится также.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чермный и Посадникъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ Посаднику.

Глѣбъ Миронычъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что, государь?

ЧЕРМНЫЙ.

Сей ночью, изъ тюрьмы
 Одинъ изъ плѣнныхъ суздальцевъ ушѣлъ.
 Вели его сыскать, во что-бъ ни стало.
 Теперь опасность велика. Нельзя
 Врага оставить въ городѣ. Поджоги
 Онъ учинить, или маякъ, пожалуй,
 Своимъ подастъ. Сыскать его вели.

ПОСАДНИКЪ.

Велю сыскать. Еще что мнѣ прикажешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни въ ворота, ни изъ воротъ чтобъ стража
 Не пропускала никого. Объязды
 По улицамъ чините день и ночь.
 Неслушавыхъ хватайте. Только, Глѣбъ
 Мионовичъ, тебѣ не въ укоризну:
 Пожалуй, ты ужъ черезъ мѣру крутъ.
 Остерегись, теперь такое время,
 Другъ за друга держаться всѣ должны.
 Не возбудишь-бы строгостью излишней
 Ты ропота. Ино—кто дѣломъ воръ,
 Ино—кто только словомъ провинился:
 Не всяко лыко въ строку!

ПОСАДНИКЪ.

Всяко въ строку!

Когда нашъ врагъ подъ городомъ стоитъ,
 Когда его прихлѣбники безстыдно
 Мутятъ народъ, когда Гома чуть-чуть
 Уже воротъ ему не растворилъ—
 Отъ слова тутъ до дѣла не далѣко
 И никому мирволить намъ нельзя!

ЧЕРМНЫЙ.

Чини-жь, какъ знаешь; вечеромъ тебя
 Прошу къ совѣту; виѣстѣ потолкуемъ
 И подирѣшимъ себя, чѣмъ Богъ послалъ.
 Три дня, съ тобой, очей мы не смыкали,
 И голова кружиться начала.
 Пусть также зять придетъ твой нареченный,
 Ему работу наночь я задамъ.

ПОСАДНИКЪ.

Придемъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Постой, я было-позабылъ!

Въ монастырѣ, во Спасскомъ со двора
 Есть тайный ходъ, ведетъ онъ подъ землю
 За городскую стѣну и выводитъ
 Въ Свенельдовъ врагъ. Ключъ отъ дверцы желѣзной
 Тамъ въ ризницѣ. Пожалуй, у игумна
 Его возьми и принеси ко мнѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Не слыживалъ про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Да врядъ-ли
 Кто и слыжалъ. Случайно прошлымъ лѣтомъ,
 Охотясь, я на устѣ набрелъ.
 Игуменъ говоритъ, что при Варягахъ
 Онъ вырытъ былъ.

ПОСАДНИКЪ.

Засыпать бы его.

ЧЕРМНЫЙ.

Напротивъ, онъ теперь намъ пригодится:
 Черезъ него лазутчика пошлю,
 Иль самъ пойду, переодѣтый, ночью
 Во вражій станъ.

ПОСАДНИКЪ.

Какъ знаешь. Принесу
 Тебѣ тотъ ключъ. Еще чего сказать
 Не вспомнишь-ли?

ЧЕРМНЫЙ.

Одно сказать осталось:
 Поклонъ тебѣ, бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
 Что воеводство мнѣ ты уступилъ,
 Что, о себѣ не мысля, за меня
 Стоялъ на вѣчѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Не-на-чемъ поклонъ.
 Не за тебя, за Новгородъ стоялъ я.
 Будь кто тебя получше, за того бы
 Я и стоялъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не въ гнѣвъ тебѣ я молвилъ,
 Но отъ души. Въ твоихъ рукахъ, бояринъ,
 Пусть будетъ городъ. Ты-жъ его блюди
 По своему по разумѣнью.

ПОСАДНИКЪ.

Буду
 Блюсти какъ знаю, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жъ
 Къ вечеру до свиданья!

ПОСАДНИКЪ.

До свиданья.
 Посадникъ уходитъ. Чермный хочетъ идти, Наталья бро-
 сается ему на встрѣчу.

ЯВЛЕНИЕ V.

Чермный и Наталья.

НАТАЛЬЯ.

Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времячко вылучил!

ЧЕРМНЫЙ.

Наташа! Ты зачѣмъ здѣсь, сумасшедшая?

НАТАЛЬЯ.

Не втерпѣжъ стало, свѣтъ Андрей Юрьичъ! Двое сутокъ дома!

не приходишь! Какъ ударили къ вѣчу, я выбѣжала на площадь; все время позади народу съ бабами стояла. Слышала, какъ тебя въ воеводы поставили. Думаю: Господи! Теперь и того меньше придется видѣть его! Хоть на улицѣ на свѣта моего посмотри!

ЧЕРМНЫЙ—ласково.

Сумасшедшая, право сумасшедшая!

НАТАЛЬЯ.

Издали все шла за тобой, а тутъ къ воротамъ прижалась, покуда ты съ посадникомъ говорилъ. Насилу-то онъ ушелъ! И что это ты затѣялъ! Одинъ во вражій станъ идти! Я все слышала!

ЧЕРМНЫЙ.

А тебѣ нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будутъ.

НАТАЛЬЯ.

Да не гони же меня, успѣю приготовить!

ЧЕРМНЫЙ.

Непригоже намъ на улицѣ вмѣстѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

Иду, иду. Да вѣдь уже и нѣтъ никого, всѣ разошлись; а мнѣ-бы только еще посмотрѣть на тебя: вѣдь двое сутокъ не видѣла!

ЧЕРМНЫЙ.

Увидимся вечеромъ, а теперь ступай; мнѣ самому идти надо.

НАТАЛЬЯ.

Да скажи мнѣ хоть словечко-то ласковое!

ЧЕРМНЫЙ.

Вѣдь знаешь, что люблю тебя. Чего-жъ тебѣ еще?

НАТАЛЬЯ.

Тяжело уходить-то мнѣ новѣ, вѣдь ты цѣлый день все подъ стрѣ-

лами! Долго ли до бѣды, до вѣчной разлуки съ тобой. Огъ, ты, болѣзнь мой! Дай же мнѣ хоть обнять тебя, вѣдь кто знаетъ? Можетъ быть, въ послѣдній разъ! Свѣтъ ты мой! Голубчикъ ты мой!

Бросается ему на шею и уходитъ. Черный идетъ въ другую сторону. Является бояринъ Оома съ Кривцевичемъ и Жирокомъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Оома, Жирохъ и Кривцевичъ.

ООМА.

Вы видѣли?

ЖИРОХЪ.

Какъ не видать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Каковы!

ЖИРОХЪ.

Ай-да бояринъ! Ай-да воевода!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Знай, времени не тратить!

ЖИРОХЪ.

Цѣловаться

Нашель съ своей Наталкой мѣсто!

ООМА.

Что-жь?

Такого, видно, надо воеводу!

Чай, государь-то Новгородъ-Великій

На то его и выбралъ. Исполать!

Мы съ бабами не знали; о томъ лишь

Заботились какъ городъ-бы сберечь,

До грабежа-бъ не довести; хотѣли,

Чѣмъ Суздальцамъ на щить себя отдать,
Добромъ отдаться вязю; такъ вотъ нѣтъ!
Посаднику, вишь, стали негодны!
А что велить посадникъ, то у насъ
И дѣется, и свято!

жирохъ.

Эхъ, Фома

Григорьевичъ! Эхъ, если-бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмутъ
Насъ приступомъ. Вѣдь силы-то такой
Не видано доселѣ.

фома.

Ничего!

Бояринъ Черный справится.

кривцевичъ.

Хорошъ!

Еще принять и гредьбы не успѣлъ,
А съ нимъ ужъ и Наталка!

фома.

Человѣкъ,

Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
И показать хотѣлось-бы себя.
Мы на своемъ рублися вѣку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему въ диковину.

жирохъ.

Ужъ будутъ

Ему рубцы! И Новгороду будутъ!
Не скоро мы залечимъ ихъ.

фома.

Поди ты!

А вотъ посадникъ говорить, что Черный

Все отстоятъ; Оома-де не умѣлъ,
 А мы съумѣемъ съ Чернымы; ото Пскова,
 Вишь, рать придетъ, осаду симеть! Знаемъ
 Мы Псковичей. Чай, пьяны напилися
 Отъ радости, что плохо намъ пришлось.
 Ну, да посадникъ общаетъ—значить,
 Оно и такъ. И Новгородъ за нимъ
 Твердить: побьемъ, побьемъ пизбѣвыхъ! Нутка!
 Посмотримъ, какъ побете ихъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хорошъ
 И Новгородъ! Баранье стадо, право!
 Давно-ли былъ имъ хуже горькой рѣдьки
 Посадникъ Глѣбъ? Боярамъ не давалъ
 Созванивать народъ, помню вѣча;
 А безземельныхъ съ площади гонялъ:
 „Не вѣчники вы, дескаты!“ И стоялъ
 Всѣмъ поперекъ. А стояло сказать,
 Что грамоты похѣрятъ—и пошли
 Кричать за нимъ. Вотъ приступомъ возьмутъ.
 Тогда увидать грамоты!

ЖИРОХЪ.

Смотри,
 Когда и тутъ не выйдетъ правъ овъ!

ООМА.

Выйдетъ,
 Коли молчать мы будемъ. Смирны очень
 Ужъ стали мы.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да мы, Оома Григорычъ,
 На вѣчѣ не молчали-то!

ООМА.

Этъ вы!

Богатыри! Да развѣ въ крикѣ дѣло?
 Иное, такъ, словечко, мимоходомъ,
 Какъ невзначай, проронишь, а оно
 И во-сто кратъ сильнѣй, чѣмъ еслибъ горло
 Ватага цѣлая драла. А вы
 Наладили себѣ одно: Не можно
 Держаться намъ! Не можно да не можно!

ЖИРОХЪ.

А чтó-жъ намъ было говорить?

ӨОМА.

Про Глѣба

Про самого сказать вамъ было, вотъ что!
 Свою-де онъ, Глѣбъ, выгоду блудеть!
 Догадивъ, чай; онъ знаетъ, что не правятъ
 Долговъ въ войну. Вѣдь отъ войны кому
 Живеть накладъ? Тѣмъ, у кого въ подвалахъ
 Товаръ лежитъ! А много у него
 Товару есть? А? Много ли товару?

ЖИРОХЪ.

Такъ, такъ, Өома Григорьичъ, всѣ его
 Разбило въ морѣ корабли!

ӨОМА.

Вотъ то-то!

Одной святой Софін тысячь тридцать
 Стоитъ должонъ. А съ любскими купцами
 И дó-ста наберется.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Будетъ дó-ста.

ӨОМА.

Такъ мира-то зачѣмъ ему хотѣть?
 Онъ не дуракъ. Теперь, небось, не правятъ

Съ него долговъ; а Новгородъ возьмутъ —
Такъ что ему? Съ него-то взятки гладки!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Вѣстимо такъ.

ОМА.

Вотъ мы — другое дѣло.
Что день, то намъ убытокъ отъ войны.
Ты, наприхѣръ: насколько у тебя
Лежить парчи?

КРИВЦЕВИЧЪ.

На сорокъ будетъ тысячъ.

ОМА — къ Жироху.

А у тебя скатного жемчугу?

ЖИРОХЪ.

На столько-же, пожалуй.

ОМА.

Такъ смотрите-жь:

По малому вамъ счету, по сту въ мѣсяць
На каждаго червонецъ изъ кошны!
А приступомъ коль Новгородъ возьмутъ,
Такъ ты и вовсе безъ парчи, а ты
Безъ жемчугу! Въ Софійскіе подвалы,
Чай, Суздальцы найдутъ дорогу! Какъ
По вашему?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Что тутъ и говорить!

По нашему, такъ поскорѣй бы дѣло
Помимо тѣхъ двоихъ поладить. Князь бы
За то спасибо намъ сказалъ.

ОМА.

Слекнули?

ЖИРОХЪ.

Оно-бы можно, еслибъ этотъ Черный
Тутъ былъ одинъ, да стараго-то пса
Не проведешь, глазасть ужъ больно!

ОМА.

Гнѣ!

Большой тебѣ пріятель онъ?

ЖИРОХЪ.

Пріятель?

Кто? Глѣбъ? Да я-бъ туда его послалъ,
Буда крятунь костей не заносилъ!

ОМА.

Ахъ да, бишь, помню! То никакъ вѣдь онъ
Въ голодный годъ тебѣ нажитья не далъ,
Скупилъ весь хлѣбъ?

ЖИРОХЪ.

Когда-бъ одно лишь это?

Ужъ перехватъ ему бы я простилъ;
Бери себѣ да подавися — дѣло
Торговое. Но онъ не для себя,
А на-зло мнѣ! Скупилъ запасъ да тотчасъ
За полъ-цѣны спустилъ его въ народъ.
Смотрите-моль: Жирохъ хотѣлъ нажитья,
А я, моль, вамъ задаромъ отдаю!

ОМА.

Вишь, старый чортъ!

ЖИРОХЪ.

И вѣче созвонилъ:

Тяжелый-де насталъ для смердовъ годъ,
Отъ глада мрутъ. Ведите, государь
Великій-Новгородъ, чтобы по прошлымъ
У насъ запасъ по цѣнамъ продавался,
А то ужъ вотъ хотѣлъ-было Жирохъ
Повысить хлѣбъ!

Ѡома.

Эхъ, удружилъ тебѣ!

Жирохъ.

Проклятый вѣронъ! Такъ меня ославилъ,
Хоть выходи изъ сотни. Ужъ ему-бы
Припомнилъ я!

Кривцевичъ.

Да что, не одного
Тебя онъ, чай, ославилъ. Ужъ кому
Досадчикомъ онъ не былъ!

Ѡома.

Его жалѣть?
Такъ зачѣмъ же

Жирохъ.

Да кто-жъ его жалѣеть?

Ѡома.

А коли такъ, то слушайте вы оба:
Покуда Глѣбъ посадникомъ, а Черный
Дѣтинецъ держать, нечего о сдачѣ
И думать намъ. А можно это дѣло
Такъ повести, что Новгородъ и самъ
Ихъ отрѣшнить. Вѣдь если правду молвить,
Не съ-разу князь насъ приступомъ возьметъ;
А до того могли-бы мы проруху
На нихъ найти. Старикъ ужъ больно врутъ,

Онъ и своихъ не милуетъ; какъ разъ
Обидитъ городъ; ну, а молодой —
Вы видѣли каковъ: опричь сидѣнья,
Бабьё на мысли у него; такъ вотъ
Подвесьте-бы ихъ; когда-жъ одинъ слетитъ,
Такъ и другой удержится не долго.

ЖИРОХЪ.

Пусть только Глѣбъ слетитъ, а съ Чернымъ намъ
Полегче сладить будетъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Все едино:

Пусть только промахъ Черный дастъ, сейчасъ
Начнемъ кричать: кто посадилъ его?
Никто какъ Глѣбъ! Тащить въ отвѣту Глѣба!
На вѣчѣ-то расправа не долга —
Не усидитъ!

ЖИРОХЪ.

А коль обоимъ ссадить,
Кому-жъ тогда и воеводой быть,
Коль не тебѣ-жъ опять, Ома Григорьичъ!

ОМА.

Ты думаешь? Гитъ! Дай хоть на часокъ
Дѣтинаецъ мнѣ, теперь ужъ не на вѣчѣ
Я толковать о мирѣ буду. Настежь
Всѣ ворота! Князь-батюшка, пожалуй!
Челомъ тебѣ на вотчинѣ твоей!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Держись тогда и Глѣбъ, и Черный! Праздникъ
На нашей будетъ улицѣ! Услугъ
Князь не забудетъ нашихъ!

ЖИРОХЪ.

И тогда

Съ тобою, Глѣбъ Миронычъ, мы свои
Покончили счеты!

ѲОМА.

Такъ-то, государи.

Ну, а теперь поклонную пока
Намъ голову приходится держать.
Пойдемъ приказъ принять отъ воеводы,
Отъ новаго; авось еще удастся
И на его Наталку поглядѣть!

Уходить.

ДОМЪ ПОСАДНИКА.

Посадница и боярыня Мамелфа Дмитревна.

БОЯРЫНЯ.

Что-жь это значить, матушка? Чай, вѣче
Ужь отошло, а Глѣба твоего
Мироныча доселѣ нѣту? Полно,
Ужь вѣдомо-ль ему, что у тебя
Сижу я?

ПОСАДНИЦА.

Какъ же, матушка Мамелфа
Дмитревна! Передъ его уходомъ
Твой посланный намъ повѣстилъ, что ты
Пожаловать изволишь.

БОЯРЫНЯ.

Дивно мнѣ,
Что онъ не поторопится; чай, знаетъ —
О вѣчевомъ услышать приговорѣ
И мы хотимъ! Ну, а невѣста гдѣ-жь?

ПОСАДНИЦА.

Вишь, у ея кормилицы вчера

Убили мужа; утѣшать вдову
Она пошла, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

Да; много
Теперь есть въ Новѣгородѣ вдовъ,
Да и сиротъ не мало. И затѣмъ-то
Совѣтоваль Ѳома Григорьичъ миръ
Намъ учинить. Онъ дѣло говорилъ.
Его же вздумали смѣнять. Пустое
Затѣяли!

ПОСАДНИЦА.

Да, говорятъ, онъ городъ
Сбирался сдать?

БОЯРЫНЯ.

Кто это говорить?
Не вѣрь тому! На всей новгородской
На волѣ онъ хотѣлъ мириться съ княземъ!
Отъ самого слыхала.

ПОСАДНИЦА.

Статься можетъ.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

БОЯРЫНЯ.

Знаю,
Сударыня: благочестивъ и вѣжливъ;
Почтителенъ и скромненъ; вхожъ ко мнѣ
Не первый годъ; а я вѣдь не со всякимъ
Вожу хлѣбъ-соль.

ПОСАДНИЦА.

Кто-жъ этого не знаетъ!
Кого къ себѣ принимаешь ты, того
Весь городъ чтить.

ВОЯРЫНЯ.

Да, матушка; на деньги
 Да на породу не смотрю. Кто пряхъ,
 Боятся Бога да живетъ по правдѣ,
 Хоть черный будь онъ — милости прошу!
 Кто-жь въ чешь не чистъ, такъ будь онъ хоть самъ князь—
 Не прогнѣвись, ворота на запорѣ!
 Воярину намедни Аввакуму
 Дверь указала.

ПОСАДНИЦА.

Право? А за что?

ВОЯРЫНЯ.

Провѣдалъ, вишь, что корабли разбило
 Путятинны, да съ долговыми листомъ
 Присталъ къ нему; притиснулъ такъ Путятю,
 Что тотъ ему за поль-цѣны товары
 Свои отдалъ; а Аввакумъ возьми ихъ,
 Перепродай, да ссуду ровно вдвое
 И выручи!

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, стыдъ какой!

ВОЯРЫНЯ.

И послѣ

Безсовѣстнаго дѣла своего,
 Онъ, скаредный, еще не побоялся
 Ко мнѣ придти; да я ему при всѣхъ:
 Пей, батюшка, свою сегодня чару,
 И помни вкусъ — впередъ не поднесутъ!

ПОСАДНИЦА.

Что-жь? И ушелъ?

ВОЯРЫНЯ.

Небось, не засидѣлся.

ПОСАДНИЦА.

Жена-то, бѣдная!

ВОЯРЫНЯ.

Та ни при чемъ;

Я въ тотъ же день сказать велѣла ей:
По прежнему ко мнѣ пускай-де ходить,
Ей рада-де!

ПОСАДНИЦА.

Да какъ же ей теперь-то
Ходить къ тебѣ?

ВОЯРЫНЯ.

А держится за мужа,

Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но еслибъ онъ, Господь меня прости,
Что студное бы учинилъ, я съ нимъ бы
Не стала жить, пошла бы въ монастырь!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка; но вѣдь сама же ты
Пускать къ себѣ, кажись, перестала
Какъ бишь ее?... Что съ мужемъ-то не ходить?

ВОЯРЫНЯ.

Якунику? Я выгнала ее
За то, что стыдъ и обмыкъ позабыла:
Пока Якунъ въ Новѣгородѣ былъ,
Они ни разу съ Черными не видались,

А только лишь уѣхалъ мужъ въ Торжокъ,
 Что́ день, то къ ней таскаться началъ Черный!
 По-моему, жена по разумѣнью
 Должна предъ мужемъ голову держать
 Поклонную: хранить не только вѣрность,
 Но такъ вести себя, чтобъ про нее
 Никто не смѣлъ худого и подумать.
 Но если мужъ безчестный — брось его,
 Вернись къ роднымъ, не то — вселися въ пустынь,
 Иль постригись!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка, вѣстимо...

БОЯРЫНЯ.

И матерямъ твержу, для дочерей
 Чтобъ жениховъ богатыхъ не искали;
 Напредъ всего, чтобъ зять боялся Бога,
 И правду блюлъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо....

БОЯРЫНЯ.

А не то,
 Пусть лучше въ дѣвкахъ дочери сидятъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо такъ; да гдѣ-жъ найти такого,
 Чтобъ не было на немъ укору?

БОЯРЫНЯ.

Значить,
 Есть и на вашемъ?

ПОСАДНИЦА.

Грѣхъ его винить,

А посмирнѣй, конечно, бы хотѣлось
Для нашей Вѣры.

БОЯРЫНЯ.

Значить, сорванецъ?
Зачѣмъ же ты дала согласие?

ПОСАДНИЦА.

Я-то?

И, матушка! Да ивѣ-ль со Глѣбомъ спорить
Съ Мирончичемъ? Согласья моего
Не спросить онъ. Къ тому-жъ и полюбились
Другъ другу молодые....

БОЯРЫНЯ.

Не причина!
Опречь тебя тутъ некому рѣшать:
Коль матери не по-сердцу женихъ,
Такъ прочь его! Тебѣ, чай, лучше вѣдать,
Что дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

ПОСАДНИЦА.

Да не-за-что его
Корить-то, матушка.

БОЯРЫНЯ.

Благочестивъ?

ПОСАДНИЦА.

Благочестивъ, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

И вѣжливы?
Почтителенъ, какъ слѣдуетъ, къ тебѣ?

ПОСАДНИЦА.

Ужъ какъ же зятю къ тещѣ нареченной
Почтительну не быть!

БОЯРЫНЯ.

Одно нѣ въ немъ
Не нравится: въ повольникахъ бывалъ.

ПОСАДНИЦА.

Что-жь дѣлать, матушка! Мужъ говорить:
Не удержать боярамъ молодежи;
Коль нѣтъ войны, гдѣ-жь удалъ показать?

БОЯРЫНЯ.

Да удалъ-то безбожная. На Волгу
Твой, что-ль, ходилъ?

ПОСАДНИЦА.

На Чудскую, кажись,
Ходилъ на Ель, аль на Студено море.

БОЯРЫНЯ.

А то походъ затѣяли на Волгу
Повольники при мужѣ. Въ Костромѣ
Урвали дѣвокъ, отвезли въ Сарай,
Да тамъ и продали татарамъ. Что?
Чай, добрая повольница?

ПОСАДНИЦА.

Помилуй,
Какіе же повольники то были!
То воры, матушка!

БОЯРЫНЯ.

Не велика
Межъ ними рознь. Повольнику до вора

Рукой подать. И Черный вотъ, что нонѣ
Толкается по женамъ по чужимъ,
Онъ также былъ въ повольникахъ: на Пермь
Никакъ ходилъ.

Вѣра вбѣгаетъ, испуганная, и бросается на лавку.

ПОСАДНИЦА.

Что, Вѣрушка, съ тобой?
Чего дрожишь ты?

БОЯРЫНЯ.

Что-те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что-ль, меня?

ВѢРА — вставал.

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Дмитревна! съ испугу я... прости!
На улицахъ такая давка, крикъ,
Вбѣгутъ, шумять, толкаются, чуть съ ногъ
Не сшибли....

БОЯРЫНЯ.

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бываетъ такъ,
Когда народъ отъ вѣча по домамъ
Расходится.

ПОСАДНИЦА.

Хлебни водицы, Вѣра,
Да Расскажи, не слышала-ль чего?
Чѣмъ кончилось?

ВѢРА.

Поставленъ воеводой
Бояринъ Черный.

БОЯРЫНЯ.

Черный? Воевода?
На Фомино на мѣсто?

ВЪРА.

Межъ собой

Такъ говорили встрѣчные; о томъ-то
У нихъ и споръ.

ВОЯРЫНЯ.

Ну, нечего сказать!

Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще-бъ кого другого — пусть-бы такъ!
Но Чернаго!

ПОСАДНИЦА.

Я, матушка, слыхала,

И Глѣбъ Миронычъ также говорить,
Что доблестнѣй нѣтъ Чернаго во всей
Землѣ Новгородской.

ВОЯРЫНЯ.

Сорванецъ!

Прихвостникъ бабій! Человѣкъ безъ страгу
Безъ Божьяго!

ПОСАДНИЦА.

Но, кажется, его

И рать, и городъ любить...

ВОЯРЫНЯ.

А за что?

За то, что лихъ вертѣтся на конѣ,
Да каждый день на площадь въ новомъ корнѣ
Выходить къ нимъ! Да медомъ угощаетъ
Всѣ пять Концовъ! Да уличанъ своихъ,
Знай, кормить до отвалу! Вотъ за что
Ему любовь! А что-бъ онъ смогъ сидѣть,
Когда Ома не можетъ — нѣтъ, не вѣрю!
Онъ сгубитъ насъ! То Глѣбъ Миронычъ кашу

Твой заварил! Ужъ не взыщи, а я
Въ глаза ему скажу!

ПОСАДНИЦА.

Но можетъ статья,
Оно не такъ, сударыня; быть можетъ,
Ослышалася Вѣра...

БОЯРЫНЯ.

Черный! Вотъ ужъ
Сокровище нашли! И водить имъ
Всегда не та, другая баба. Понѣ
Какая-то Наталья завелась;
Что въдумаетъ, то и чинитъ; казну
Его, пивка, высосала всю!
Прогнать ее, безстыжую, велѣла-бъ
Я метлами изъ города!

ВѢРА.

Наталью?
Нѣтъ, матушка, боярыня, должно быть,
Тебѣ не такъ сказали: не такая
Она совсѣмъ! Неправду про нее
Тебѣ сказали!

БОЯРЫНЯ.

Что ты, что ты, мать!
Отколѣ знать тебѣ? Да про нее
И говорить тебѣ не слѣдъ, ни даже
Упомянуть! Не дѣвичье то дѣло,
Сударыня!

ВѢРА.

Я видѣла ее...

БОЯРЫНЯ.

Что-о? Ее? Ослышалась викакъ я?

ПОСАДНИЦА.

Гдѣ видѣла ее ты, Вѣра?

ВѢРА.

Въ церкви,
На той недѣлѣ, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись въ уголку,
Молилась такъ усердно, и на ней
Была одежда бѣдная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко такъ къ иконѣ подошла,
Украдкой жемчужное монисто
Повѣсила на вѣничикъ, и скорѣй
Изъ церкви вонъ. Отца Захарья кто-то
О ней спросилъ; вздохнулъ отецъ Захарій,
И говоритъ: Наталья это, та,
Которую бояринъ Черный любитъ;
Все, что-бъ онъ ей ни подарилъ, на церковь
Она несетъ; казну-жъ, какая есть,
Межъ нищихъ дѣлитъ; духомъ, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!

ПОСАДНИЦА.

Пусть такъ, но все-жъ тебѣ
Знать про нее не гоже...

БОЯРЫНЯ.

Что подарки
Она свои на церковь отдаетъ
И нищю жалѣетъ братью — это
Зачтется ей, на томъ свѣту зачтется;
Ты-жъ неразумна, дитятко, еще;
Не вѣдаешь, о чемъ бываетъ вѣстно
Боярышнѣ, о чемъ не вѣстно знать.

Коль при тебѣ впередъ о той Натальѣ
Заговорять, ты, дитятко, молчи.

Звонъ струиъ и пѣсня за сценой.

ГОЛОСЪ.

Какъ ушкуйники по морю
Славить Новгородъ пошли,
Они, слава, проходили
Ажъ до Мурманской земли!

ХОРЪ.

Ай люди, люди, люди,
Ажъ до Мурманской земли.

БОЯРЫНЯ—къ посадницѣ.

Кто это тамъ въ сѣняхъ твоихъ горланить?

ВАСИЛЬКО—входитъ съ товарищами.

Опускайте стягъ, мурмане!
Выдавайте корабли...

Увидя боярыню, прерываетъ пѣсню.

Боярыня, прости! Не чаялъ я,
Что здѣсь ты...

БОЯРЫНЯ.

А если бы меня

И не было, все-жъ, государь, не входятъ
Такъ въ честный домъ. На приступъ, что-ль, ты лѣзешь?
Аль думаешь, что съ вражьиъ кораблемъ
Ты сбѣгился?

ВАСИЛЬКО.

Боярыня, прости!

Съ разбѣгу мы, на радости, вошли,
Что по-боку спровадили Оуму,
А Черный сталъ надъ нами воеводой!

Къ товарищамъ.

Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчасъ къ вамъ!

РАДЬКО.

Смотри-жь, не заживайся!

ГОЛОВНЯ.

Заклада не забудь!

ВАСИЛЬКО.

Небось!

СТАВРЪ.

Простите,

Боярыни!

РАДЬКО.

Обычай нашъ веселый

Въ вину намъ не поставьте!

ГОЛОВНЯ.

Бьемъ челомъ!

Всѣ трое уходить. За сценой слышна удаляющаяся пѣсня.

Мы, ушкуйники, съ баграми

Славить Новгородъ пришли...

ВОЯРЫНЯ.

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь

Повольницкая шайка!

ВАСИЛЬКО.

Виноваты,

Сударыня!

Подходить къ Вѣрѣ.

Дай на тебя скорѣй

Полюбоваться, радость ты моя,

Безцѣнная!...

БОЯРЫНЯ.

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! Съ тобой, кажись,
Я говорю, такъ ты сперва постой,
Да выслушай меня, а ужъ потомъ,
Когда я кончу да скажу: ступай!
Тогда иди къ невѣстѣ.

ВАСИЛЬКО.

Виновать!
Чтб, матушка, прикажешь?

БОЯРЫНЯ.

А чтобъ ты
Обычай помнилъ, батюшка. Съ чего
У васъ сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Черный
Сталъ воеводой новгородскимъ! Шутъ онъ
Гороховый, твой Черный!

ВАСИЛЬКО.

Ужъ на этомъ
Насъ извини, боярыня! Позволь,
Тебѣ не въ гнѣвъ...

БОЯРЫНЯ.

Да ты меня, отецъ,
Перебивать-то не могъ! Тебя
Я разуму учу, такъ стой да слушай;
Авось умнѣ будешь. И не только
Тебѣ скажу, безумному повѣсь,
А всѣмъ скажу, и наперво твоему
Скажу я тестю...

Входитъ посадникъ.

Лѣгокъ на поминѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Поклонъ тебѣ, боярыня Мамелфа
Димитревна! Какъ, матушка, живешь?

БОЯРЫНЯ.

Съ находкой поздравляю, Глѣбъ Мироничъ!
Ну, батюшка, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
Убилъ бобра!

ПОСАДНИКЪ.

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чернаго? Онъ вѣчемъ
Поставленъ есть. Объ этомъ толковать
Ужъ нѣчего.

БОЯРЫНЯ.

А кто мнѣ запретить?
Я съ той поры, какъ помню лишь себя,
Всѣмъ въ очи правду рѣзала; и нонѣ
Скажу тебѣ: гдѣ былъ у васъ рассудокъ
Ому смѣнить?

ПОСАДНИКЪ.

Про то тебѣ отвѣтъ
Я послѣ дамъ, сударыня. Теперь
Дозволь мнѣ дѣло кончить.

Къ Васильку.

Тамъ Подвойскій

Ждетъ у дверей. Проси его войти.

Василько уходитъ.

БОЯРЫНЯ.

Смотри, пожалуй! Вѣчемъ, вишь, поставленъ!
Да развѣ все апостолы сидать
На вѣчѣ-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тѣхъ, кто былъ разумнѣй!
Да, слава Богу, Новгородъ не весь

По дудкѣ пляшетъ по твоей! Досалѣ,
Слышь, спорятъ какъ! Опомнятся, дастъ Богъ,
Еще до завтра!

Входитъ Подвойскій.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Подвойскій!

Дай знать Кончанскимъ старостамъ, что я
Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, приказъ
По городу услышать, да вели
Чтобъ бирючи по улицамъ кричали:
Боярину-де Черному дана
Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушитъ послушанье.
Коль дѣлошъ кто, иль словошъ провинится —
Хватать строптивыхъ!

ВОЯРЫНЯ.

Отчасу не легче!

Съ которыхъ поръ въ Новѣгородѣ слово
Ужъ не вольно? Не въ Ироды-ль царя
Вы Чернаго поставили?

ПОСАДНИКЪ — къ Подвойскому.

Сей ночью

Вѣжалъ одинъ изъ плѣнныхъ. Повѣстить
По всѣмъ концамъ, чтобы, во что-бъ ни стало,
Его наши.

ВОЯРЫНЯ.

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ же словно
Меня и вѣтъ!

ПОСАДНИКЪ — оглушивъ Подвойскаго.

Что, матушка, тебѣ
Угодно отъ меня?

ВОЯРЫНЯ.

Ушамъ не вѣри!

На жизнь и смерть судить насъ будетъ Черный!
Приказано на улицахъ хватать,
Кто Чернаго не хвалить! Да вѣдь этакъ
Ты, государь, пожалуй и меня
Схватить велишь?

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ, матушка, мы бабъ

Не трогаешъ. Кричи себѣ, коль хочешъ,
Во здравіе!

ВОЯРЫНЯ.

И буду, государь!

Кому вы городъ отдали-то въ руки?
Везпутному, шальному сорванцу!
Да не ему — его Наталья городъ
Вы отдали! Не знаемъ развѣ мы,
Кто держитъ верхъ надъ кѣмъ? Не воеводу,
А воеводу, Господи прости,
Вы надъ собой поставили!

ПОСАДНИКЪ.

Ты все ли,

Сударыня, сказала?

ВОЯРЫНЯ.

Нѣтъ, не все!

За что Ѳому смѣнили вы? За то ли,
Что миръ хотѣлъ онъ учинить? Чай, лучше,
Чтобъ приступомъ насъ взяли? Изъ церкви
Иконы потащили-бъ? Да на щитъ
Дружиннику-бъ досталась дочь твоя?
Вотъ до чего не допустить хотѣлъ
Ѳома, а вы его же очернили,

Гудой обозвали! Да пока
 Я, батюшка, жива, пока языкъ мой
 Еще къ гортани не присохъ, дотоль
 Кричать не перестану, что напрасно
 Отставленъ онъ! Ужъ не взыщи, а кто
 Безвинно терпѣть, да къ тому-жъ мнѣ другъ,
 Ужъ за того до самой смерти буду
 Горой стоять!

ПОСАДНИКЪ.

Ты кончила-ль теперь,
 Сударыня?

ВОЯРЫНЯ.

Могу еще и болѣ
 Тебѣ сказать, отецъ мой...

ПОСАДНИКЪ.

Не трудися.

Хотя Великій-Новгородъ тебѣ
 Отвѣта и не держитъ, но за то,
 Что вдовью честь твою онъ уважаетъ
 И по дѣломъ тебя за правду чтитъ,
 Я, такъ и быть, тебѣ отвѣчу. Слушай,
 Воярыня: Оному смѣнили мы
 За то, что сдать совѣтовалъ онъ городъ,
 Когда еще держаться можно намъ.
 Который же верховный воевода
 Не вѣрить самъ, что онъ побьетъ врага —
 Ужъ тотъ побить заранѣ. Черный вѣрить
 Въ себя и въ насъ, въ него же вѣрить рать.
 Не правда то, что мнѣ Наталья водить,
 Никто еще досель мнѣ не водилъ.
 А что живетъ онъ въ Новгородѣ весель —
 То до поры, пока отвѣта не взялъ
 Онъ на себя. Ты, матушка, пойми:
 Онъ словно шолкъ блестящій, шамазанскій,

Что и цвѣтисть и гибокъ; поглядѣть —
Ужъ ничего нѣтъ мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

БОЯРЫНЯ.

Хвали, хвали его, отецъ, а я
Скажу тебѣ: нѣтъ Божьяго на томъ
Благословенья, кто не вѣритъ въ Бога!
Не ходить въ церковь, батюшка, твой Черивый,
Второе воскресенье не видала
Его въ соборѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Некогда ему
Въ соборѣ быть. Ужъ двѣ недѣли съ валу
Онъ не сходилъ. Подъ прыскомъ вражнихъ стрѣлъ,
Отъ приступовъ спасая городъ, служить
Онъ Господу!

БОЯРЫНЯ.

Что? Некогда быть въ церкви?
Нѣтъ времени молиться? Стало быть,
Намъ не нужна молитва?

ПОСАДНИКЪ.

Не криви
Моихъ рѣчей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если волѣ нашей
Грозить бѣда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитникъ нуженъ намъ!
И не о томъ мы спрашивать должны:
Онъ часто-ли, не часто-ль ходитъ въ церковь,
А какъ онъ въ бой полки свои ведетъ!

БОЯРЫНЯ.

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О тѣлѣ онъ велитъ лишь помышлять,

А душу ставить ни во что! Ступай
 Въ свою свѣтлицу, Вѣра, уходи!
 Отца не слушай, уходи сейчасъ!
 Безбожницей тебя онъ сдѣлать хочетъ!
 Сударыня-посадница, скорѣй
 Дочь уведи!

ПОСАДНИКЪ.

Боярыня! Тебѣ
 Корить меня, кажися, и порочить
 Я вдоволь далъ. Но при себѣ учить
 Мою жену и дочь я не позволю.
 Не прогнѣвись, а въ домѣ я своемъ
 Самъ господинъ!

БОЯРЫНЯ—вставая.

Здѣсь долѣ оставаться
 Невѣстно мнѣ. Другимъ давать уроки,
 А не себѣ ихъ слышать отъ другихъ
 Привыкла я. Учиться благочестью
 И вѣжеству собирается ко мнѣ
 Весь Новгородъ. Самой же научиться
 Какъ мнѣ вестись — на это я стара,
 И отвыкать молиться Богу также!
 Я, матушка-посадница, тебя
 За мужнины за рѣчи не виню,
 Одно тебѣ на память только слово
 Еще скажу: дочь отъ него держи
 Подалѣ, матушка, подалѣ — слышишь?
 Теперь прости — прошу не провожать!

Уходить.

ПОСАДНИКЪ—слѣдитъ за ней глазами.

Тѣфу, взбалмочная баба!

ПОСАДНИЦА.

Глѣбъ Мировичъ!

Свѣтъ мой, голубчикъ! Что-бъ тебѣ пойти
Догнать ее, предъ ней бы извиниться?
Намъ, право, съ нею ссориться не слѣдъ,
Она въ великомъ гнѣвѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ? Еще
Предъ ней мнѣ извиниться?

ПОСАДНИЦА.

Свѣтъ, подумай:
Всѣ на тебя подымутся теперь!

ПОСАДНИКЪ.

А мнѣ какое дѣло?

ПОСАДНИЦА.

И слова
Твои перетолкуютъ!

ПОСАДНИКЪ.

Мнѣ-то что-жъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я безбожникъ?

ПОСАДНИЦА.

Сила
Святая съ нами! Но тебя, мой свѣтъ,
Осудятъ всѣ! Отъ недруговъ твоихъ
Богъ-вѣсть теперь пойдутъ какіе толки!

ПОСАДНИКЪ.

Бояться толковъ — шагу не ступить!

ПОСАДНИЦА.

Вѣдь читалъ же ты и самъ ее доселѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Я чту ее, но гнѣются передъ ней —
Ужъ не взыщи! Нашла коса на камень!

ВАСИЛЬКО.

И подлинно! Такого не встрѣчала
Она отпора!

ПОСАДНИКЪ.

Новгородъ старуху
Избаловалъ?

ВАСИЛЬКО.

А выплыла какниъ
Въ дверь кораблешъ!

ПОСАДНИКЪ.

Шабашъ о ней — довольно!
О чемъ вы тутъ шептались межъ собой?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь...

ВЪРА.

Они хотятъ...

ПОСАДНИКЪ.

Въ чемъ дѣло?

ВЪРА.

Вишь, вылазку затѣяли они!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ вылазку? Кто вылазку затѣялъ?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь, Словенскіе ребята:
Съ Гончарскими побились объ закладъ.
Тѣ говорятъ: не пустить воевода!
Мы-жъ говоримъ: затѣмъ его спрощать?

Мы выдѣземъ въ полночь о себѣ,
А послѣ скажемъ воеводѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Кто

Вашъ отпореть ворота?

ВАСИЛЬКО.

Не въ ворота —
Мы по веревкамъ, государь. За нами
Ихъ приберуть, когда-жъ вернемся, снова
Намъ выкинуть!

ПОСАДНИКЪ.

Изрядно! И могли
Подумать вы, что я, и съ воеводой,
Позволимъ то?

ВАСИЛЬКО.

Пожалуй, государь,
Намъ не вѣшай; у насъ уже все дѣло
Улажено.

ПОСАДНИКЪ.

Съ ума вы, что-ль, сошли?
Когда нашъ князь готовить новый приступъ —
Тутъ каждый дорогъ человѣкъ, а вы
Ребячиться затѣяли? Брось дурь!

ВАСИЛЬКО.

Не можемъ, Глѣбъ Мироничъ! Объ закладъ
Побились мы!

ПОСАДНИКЪ.

Такъ я перевязать
Васъ прикажу.

ВАСИЛЬКО.

Не въ гнѣвъ тебѣ, а насъ
 Вязать не слѣдъ. Въ Новѣгородѣ было
 Такъ искони, что молодежь могла
 Всегда какъ хочеть тѣшиться, и воля
 У насъ на то отъ прадедовъ идетъ!

ПОСАДНИКЪ.

Великое ты выговорилъ слово;
 А знаешь ли какой его есть толкъ?
 Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой ны власти
 Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
 По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
 Се будь твое, а се будь наше. Въ наше-жъ
 Ты, княже, не вступайся! А когда
 Тотъ уговоръ забудеть князь, ему
 Мы кажемъ путь, другого-жъ промышляемъ
 Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.
 И за нее съ Низовыми мы нонѣ
 Ведемъ войну, и за нее, коль надо,
 Поляжемъ всѣ! И чтобы воля эта
 Была крѣпка, и чтобы никто не могъ
 Надъ нами государемъ называться —
 Мы Новгородъ Великій государемъ
 Поставили, и головы послушно,
 Свободныя, склонили передъ нимъ.
 Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
 Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
 Не прихоти княжія исполнять,
 Но то чинить безропотно и свято,
 Чтѣ государь нашъ Новгородъ велить —
 Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
 Воленъ былъ то, чтѣ въ голову взбредеть —
 Нѣтъ, то была-бъ не воля — неуряде
 То было бы! Когда-бъ такую волю
 Терпѣли мы, давно княжой бы стали

Мы вотчивой, иль раздѣлили-бъ насъ
Между собой сосѣди! Выкинь дурь
Изъ головы!

ВАСИЛЬКО.

Самъ вижу, Глѣбъ Мироничъ,
Что виновать, и если только прежде
Подумалъ бы, заклада-бъ не держалъ.
Но посуды: Словенскіе меня
Начнутъ корить; Гончарскіе же на-смѣхъ
Меня подымутъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВАСИЛЬКО.

Какъ что за дѣло? Трусомъ обзовутъ!
Стыдъ будетъ мнѣ, безчестье понесу я!

ПОСАДНИКЪ.

Ты развѣ трусь?

ВАСИЛЬКО.

Ты знаешь самъ, что нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ.

А коль не трусь, о чемъ твоя забота?
Не предъ людьми—передъ собой будь чистъ!

ВАСИЛЬКО.

Такъ, государь, да не легко же...

ПОСАДНИКЪ.

Что?

Чужіе толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья—
Чужое вздоръ!

ВАСИЛЬКО.

Тебѣ-то благо, Глѣбъ
Миронычъ, такъ говорить! Высоко
У каждаго стоишь ты въ мысли. Твой
Великъ почѣтъ. Но что бы сдѣлалъ ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

ПОСАДНИКЪ.

Плюнулъ бы на нихъ!
Вотъ что бы сдѣлалъ. Иль ужъ самъ себѣ
Невѣдомъ я? Себя я, благо, знаю,
Самъ чту себя. Довольно мнѣ того.

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, свѣтъ мой Глѣбъ! Вотъ этииъ-то и нажилъ
Ты недруговъ! Ни за-что никому
Не сдѣлаешь уступки! Ни другихъ,
Ни самого себя, вишь, не жалѣешь!
А такъ нельзя! Живемъ вѣдь не одни,
Съ людьми живемъ. Ужали-жъ на людей
И не смотрѣть? Когда-бъ ты захотѣлъ,
Иной бы разъ друзей себѣ словечкомъ
Нажить бы могъ!

ПОСАДНИКЪ.

Не въ норовѣ моемъ
За дружбою гоняться. Еслибъ я
Пошелъ на то, чтобъ людямъ угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало-бъ имъ казалось. Людей
По шерсти-ль гладь, иль противъ шерсти — то же
Тебѣ отъ нихъ спасибо! Я-жъ хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совѣсти, и самъ
Свое себѣ спасибо говорить.

А что болтать они про это будутъ,
То для меня равно какъ если дождь
По крышѣ бьетъ!

Къ Васильку.

Поди къ своимъ, скажи:
Посадникъ Глѣбъ вамъ запретилъ и думать
О вылазкѣ. А къ вечеру вернись;
Съ тобой пойдемъ мы вмѣстѣ къ воеводѣ,
Уважаетъ онъ, какъ удалъ показать!

Идетъ къ двери.

ВАСИЛЬКО — топнуть ногой.

Хоть утопиться — право въ ту же пору!

ПОСАДНИКЪ — услышавъ его, обра-
чивается.

Топись, когда враговъ отъ нашихъ стѣнъ
Прогонимъ мы, — теперь же и топиться
Ты не воленъ! Ты Новгороду держишь
Теперь отвѣтъ! Какъ смѣешь ты ниѣтъ
Хотѣніе свое, когда я самъ,
Я, Глѣбъ, себя другому подчинилъ,
Изъ рукъ Оомы мной вырванную власть
Тому вручилъ, кто лучше всѣхъ защиту
Умѣетъ вестъ? Какъ смѣешь о стыдѣ
Ты помышлять, когда у насъ свобода
Шатается? Что значитъ честь твоя
Предъ Новгородской честью? Двадцать лѣтъ
Посадничью мою храню я честь —
Но еслибъ только ей спасенье наше
Я могъ купить — какъ святъ Господь, я-бъ отдалъ
Ее сейчасъ! Все нынѣ позабудь —
Одну бѣду грозящую намъ помни!
А стыдъ тому, чья подлая душа
Иное-бъ что, чѣмъ Новгородъ, виѣщала,
Пока бѣда надъ нимъ не миновала!

Уходитъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ БОЯРИНА ЧЕРМНАГО.

Наталя прибираетъ горницу и ставитъ посуду на столъ.

НАТАЛЯ.

Ужъ эти мнѣ гости! Не дадутъ и часочка съ ними посидѣть! Вернется усталый: чѣмъ бы отдохнуть, а тутъ разговоры пойдутъ, а тамъ, глядишь, опять приспѣло время на валъ идти.

ДѢВУШКА.

А много-ль будетъ гостей?

НАТАЛЯ.

И сама не знаю.

ДѢВУШКА.

Ты что-жъ не спросила?

НАТАЛЯ.

До того-ли мнѣ было, какъ послѣ двухъ сутокъ его увидала.

КОНДРАТЬЕВНА.

Что-жъ ты, государыня, сама-то на столъ ставишь? Дай, мы и безъ тебя соберемъ!

ДѢВУШКА.

Кто же сегодня прислуживать будетъ? Челядь вѣдь вся брони на-дѣла, на завалы ушла, а намъ съ Кондратьевной въ кухню быть.

НАТАЛЯ.

А я развѣ не служу?

ДѢВУШКА.

Сама, нешто, будешь посуду носить?

НАТАЛЬЯ.

А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

ДВУШКА.

Вѣстимо — боярыня! Не сегодня, такъ завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу въ законъ вступить.

НАТАЛЬЯ.

Просила я тебя не говорить мнѣ о томъ. Сколько разъ просила. Коли опять начнешь, ей-Богу, осерчаю.

ДВУШКА.

Ну, да! Таковская.

КОНДРАТЬЕВНА

Молчи ты, пострѣленокъ! Ей слово, а она тебѣ два! Пошла въ кухню, смотри пирогъ—не пригорѣлъ бы.

Дѣвушка уходитъ.

КОНДРАТЬЕВНА.

Охъ, охъ, дитятко! Избаловала ты насъ, страху-то нѣтъ къ тебѣ, къ государынѣ къ нашей.

НАТАЛЬЯ.

И ты туда же! Этакія вы, право.

КОНДРАТЬЕВНА.

По душѣ говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Всѣ мы любимъ тебя за милостивость твою.

НАТАЛЬЯ.

А я-то и въ глаза смотрѣть вамъ не смѣю. Сама вѣдь кружевницей въ Новгородъ пришла, думала черезъ годъ домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себѣ въ золотѣ, а какъ подумаю, что и мать, и отецъ плачутъ теперь по мнѣ, такъ иной разъ сама себѣ противна стану, что руки бы на себя наложила. Всѣхъ я васъ гуже, а вы же меня государыней величаете.

КОНДРАТЬЕВНА.

Родимая ты наша! Служить-то тебѣ не въ трудъ, а въ радость.
Ужъ кротче тебя и не выдывали.

НАТАЛЬЯ.

А иной разъ какъ вспомню, что, вѣдь, это для него я своихъ
бросила, просвѣтлѣветъ у меня снова на сердцѣ и опять все кажется
гривъ-трава!

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто Богу не грѣшнень, дитятко! Господь помилуетъ тебя за про-
стоту за твою.

НАТАЛЬЯ.

Вишь, какъ я нарядилась сегодня. Вѣдь это онъ такъ велить, а
мнѣ и самой совѣстно.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ гораздо ты наряжаться, нечего сказать! Лучшія окруты по
церквамъ пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надѣла. Надѣнь,
дитятко, повязку, — краше будетъ, а я въ кухню сбѣгаю, не то эта
егоза, пожалуй, пироги просмотри.

Уходитъ. Наталья садится къ окну, задумывается и нали-
ваетъ пѣсню.

ГОЛОСЪ—ПОДЪ ОКНОМЪ.

Подайте, Христа-ради! Подайте убогому! Подайте каликъ перохо-
жену, Христа-ради!

НАТАЛЬЯ—въ окно.

Войди, Божій человекъ! Вотъ тутъ направо, по крылечку!

Беретъ со стола хлѣбъ и наливаетъ кружку. Входитъ
нищій.

НАТАЛЬЯ.

На тебѣ, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себѣ...

Вглядывается въ него

Господи! Чтѣ это?

НИЩІЙ.

Узнаешь меня, Наталья?

НАТАЛЬЯ—бросаясь къ нему.

Рагуйло! Братъ!

РАГУЙЛО—отталкивая ее.

Прочь, негодная! Развѣ ты сестра мнѣ? Развѣ ты не отреклась отъ родни? Развѣ ты не полюбовница воеводы новгородскаго?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ — дай въ себя придти! Послѣ кори меня — скажи скорѣй про отца, про мать... Живы-ли они?

РАГУЙЛО.

Такъ вотъ гдѣ ты, безстыдная, отыскалась! Что-жъ, хорошо тебѣ жить у боярина?

НАТАЛЬЯ.

Ругай меня, бей меня, но скажи мнѣ про отца, про мать! Скажи, какъ ты самъ попалъ сюда?

РАГУЙЛО.

Какъ попалъ? На той недѣлѣ въ полонъ твои новгородцы взяли меня; сею ночью изъ тюрьмы вылѣзъ, нищимъ нарядился, пришелъ въ сестрицу свою посмотрѣть, на честь ея великую порадоваться.

НАТАЛЬЯ.

Господи, если увидать тебя!

РАГУЙЛО.

Что-жъ, выдай меня своему полюбовнику.

НАТАЛЬЯ.

Спрячься, спрячься скорѣй! Пойдемъ со мной!

РАГУЙЛО.

Куда?

НАТАЛЬЯ.

Сама не знаю—на сѣноваль, въ кладовую, въ амбаръ!

РАГУЙЛО.

А потомъ?

НАТАЛЬЯ.

Потомъ? Ты ночью изъ города выйдешь.

РАГУЙЛО.

Ай да бабій умъ! Какъ я выйду, когда всё ворота заняты?

НАТАЛЬЯ.

Нишаго, можетъ, пропускать...

РАГУЙЛО.

Ай да сестрица! При Оумѣ еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхалъ, каковъ онъ, твой полюбовникъ, есть! И поставленъ въ воеводы за то, что не дремлетъ. Въ тюрьмѣ, чай, спохватилися меня, ищутъ теперь по городу.

НАТАЛЬЯ.

Пресвятая Богородица! Какъ же быть намъ?

РАГУЙЛО.

Выдумай! Найди! Ты стала теперь новгородкой, чай, знаешь свой городъ. Можно ли гдѣ черезъ стѣну перелѣзть? Нѣтъ ли гдѣ выхода какого мимо сторожей?

НАТАЛЬЯ.

Выхода? Постой—да! есть выходъ! Въ Спасскомъ монастырѣ, со двора, ходъ подземный.

РАГУЙЛО.

Куда ходъ?

НАТАЛЬЯ.

За стѣну, въ оврагъ какой-то...

РАГУЙЛО.

Что-жъ тамъ? Дверь? Рѣшетка? Какъ мнѣ найти этотъ ходъ?

НАТАЛЬЯ.

Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а ключъ сегодня послѣднѣе принесеть...

РАГУЙЛО.

Кому принесеть?

НАТАЛЬЯ.

Боярину Черному...

РАГУЙЛО.

Полюбовнику-то? Достань мнѣ ключъ.

НАТАЛЬЯ.

Какъ я его достану?

РАГУЙЛО.

Украдь!

НАТАЛЬЯ.

Да я не видала его, не знаю, какой онъ.

РАГУЙЛО.

Узнай! Провѣдай! Напой своего любовника. Задуши его. Зарѣжь его, а ключъ достань.

НАТАЛЬЯ.

Да еслибъ и достала я, какъ же тотъ выходъ найдешь?

РАГУЙЛО.

Въ монастырь пустятъ нищаго. На погостѣ ночевать останусь, тамъ какъ-нибудь провѣдаю.

НАТАЛЬЯ.

Ну, а онъ-то?

Что онъ?

РАГУЙЛО.

НАТАЛЬЯ.

Коли на него отвѣтъ падеть? Коли неравно... черезъ тотъ ходъ вороги ворвутся?

РАГУЙЛО.

А и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ надоумила! Да кого-жъ ты это ворогами зовешь? Нашихъ, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, я не могу дать тебѣ ключа.

РАГУЙЛО.

Такъ ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

НАТАЛЬЯ.

Я тебя иначе спасу — иначе; а этого я не могу — не проси, пожалѣй меня!

РАГУЙЛО.

А развѣ сама ты жалѣла насъ, негодная? Мать свою ты уморила! Съ горя она померла!

НАТАЛЬЯ.

Господи!

РАГУЙЛО.

Проклинаючи тебя, померла. Отецъ твой помѣшанный ходить, сестры твои безъ пристанища, а ты съ новгородскимъ воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, отъ тебя, плюютъ на тебя люди. Да тебѣ все равно, миловалъ бы тебя воевода новгородскій.

НАТАЛЬЯ.

Что же мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

А какъ надоѣшь ты ему, да прогнать онъ тебя изъ дому, сорбъ одинъ на тебѣ останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

НАТАЛЬЯ.

Да скажи же самъ, что дѣлать мнѣ? Научи самъ меня. Что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

Какъ что дѣлать? Ключъ достать! Брата спасти! Грѣхъ свой испу-
нить передъ Богомъ!

НАТАЛЬЯ.

Не могу, видѣть Богъ, не могу! Приказывай, что хочешь, но этого
не могу.

РАГУЙЛО.

Такъ будь же ты проклята и въ этомъ свѣтѣ, и въ будущемъ!
Погуби еще брата, какъ ты мать и отца погубила! Живи себѣ въ
срамѣ и стыдѣ на землѣ, а по смерти ступай на муки вѣчныя, гдѣ
блудницы и убійцы въ адовомъ огнѣ горятъ!

НАТАЛЬЯ.

Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай духъ пере-
вести...

РАГУЙЛО.

Полюбуйся завтра на мою голову, какъ она будетъ надъ горо-
скими зубцами на копѣѣ торчать!

НАТАЛЬЯ.

Да пожалѣй же меня... дай опомниться... голова кругомъ идетъ..

РАГУЙЛО.

Зови свою челядь! Выдай меня, и будь надъ тобой анаеема Божья!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ,—не кляни! Все что хочешь, сдѣлаю, все сдѣлаю—
достану тебѣ ключъ!

РАГУЙЛО.

Побожись!

НАТАЛЬЯ.

Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцевъ не впу-
стишь — побожись и ты!

РАГУЙЛО.

Добро, побожусь!

НАТАЛЬЯ.

Постой! — слышишь?

РАГУЙЛО.

Что?

НАТАЛЬЯ.

Конскій топъ на улицѣ — это онъ!

РАГУЙЛО.

Куда спрятаться?

НАТАЛЬЯ.

Иди за мной!

Подходить къ двери и останавливается, прислушиваясь.

НАТАЛЬЯ.

Нельзя! Онъ ужъ на крыльцѣ!

РАГУЙЛО.

Куда же?

НАТАЛЬЯ.

Сюда! Скорѣй сюда! Отсюда лѣсенка на вышку.

Толкаетъ его въ боковую дверь. Входитъ Чермный.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Наташа! Вотъ, теперь поцѣлуемся! Да что съ тобой? Что ты такъ дрожишь? Ты на ногахъ еле держишься.

Наташа, рыдал, бросается къ нему на шею.

ЧЕРМНЫЙ.

Что съ тобой? Съ безпокойства ты это, что-ли? Али съ радости, что я не убить?

НАТАЛЬЯ.

Съ радости, съ радости, дорогой мой!

ЧЕРМНЫЙ.

Экая ты неразумная! Съ радости плачешь! Да пусти же меня, я
изъ силъ выбился; дай мнѣ вина, Наташа, горло засохло;
Садится. Наталья подаетъ ему стопу.

ЧЕРМНЫЙ — выпивъ.

Ну, что? Успокоилась?

НАТАЛЬЯ — рыдая.

Не могу! Прости меня, не могу, силы нѣтъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Экой же ты ребенокъ! Да быть не можетъ, чтобъ ты съ радости
такъ плакала. Тутъ что-нибудь другое. Обидѣлъ тебя кто, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Свѣтъ ты мой, развѣ можно меня обидѣть?

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ, стало, горе у тебя?

НАТАЛЬЯ.

Да! Горе, горе! Да чтó я сказала! Сама не знаю, чтó говорю.
Неправда, нѣтъ у меня горя! Такъ, по глупости, плачу.

ЧЕРМНЫЙ.

Не вѣрю, Наташа, ты проговорилась. Чтó у тебя на душѣ? Скажи
мнѣ, авось помочь можно.

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, мой родимый, нѣтъ! Никто, никто мнѣ не поможетъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь
меня, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю.

НАТАЛЬЯ.

Ни въ чемъ, ни въ чемъ, свѣтъ мой, никогда не отказывалъ ты мнѣ! Ты ужъ такъ добръ, такъ жалостливъ ко мнѣ, — а я-то, я-то!

ЧЕРМНЫЙ.

Не о родныхъ же ты плачешь? Вѣдь ты сказала, нѣтъ у тебя родныхъ? Да говори же, Наташа, боленъ ли кто? убитъ ли кто? Есть у тебя кто близкій въ городѣ?

НАТАЛЬЯ.

Да, свѣтъ мой, прости меня, — я солгала тебѣ — я не одна на свѣтѣ; есть у меня...

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, говори же! Кто у тебя? Отецъ? Мать? Братъ?

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай, нѣтъ! Тетка есть — только тетка одна — при смерти больна!

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, выговорила, наконецъ: въ бѣдности она, твоя тетка?

НАТАЛЬЯ.

Въ бѣдности, государь, да, въ бѣдности!

ЧЕРМНЫЙ.

Что-жъ ты сразу не сказала? Глупая-жъ ты, глупая! Или не знаешь меня?

Отворяетъ поставецъ.

Нѣ, возьми, отнеси своей теткѣ, купи для нея все, что надо. Что хочешь въ домѣ возьми, отнеси больвой, да и сама останься съ ней на ночь, тебѣ спокойнѣе на душѣ будетъ!.. Ну, что опять съ тобою?

НАТАЛЬЯ.

Государь ты мой! Дорогой мой! Ты какъ Господь-Богъ — какъ Господь-Богъ ко мнѣ, — а я-то, я-то негодная, окаянная! Да какъ ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

ЧЕРМНЫЙ.

Съ ума ты сошла, право! Ужъ черезъ-чуръ ты совѣстлива! Перестань же плакать, у меня и безъ того голова кругомъ идетъ. Дай-ка еще вина, надо быть пободръе, сейчасъ гости придуть.

Выпиваетъ стопу. Входитъ посадникъ.

А, вотъ ужъ и одинъ! Оправься, Наташа!

Къ посаднику.

Здорово, Глѣбъ Миرونчъ! Милости просимъ!

ПОСАДНИКЪ.

Здравствуй, Андрей Юрьичъ!

Наташа подаетъ ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравіе твое, Андрей Юрьичъ. А самъ-то что же ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Дай мнѣ чарку, Наташа. Во твое, Глѣбъ Мирончъ! Все благополучно въ городѣ?

ПОСАДНИКЪ.

Слава Богу. Вѣдливо того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

ЧЕРМНЫЙ.

Вели еще искать. Такъ оставить нельзя. Надо надъ нимъ прииѣръ показать.

ПОСАДНИКЪ.

Ужъ велѣлъ. По всѣмъ домамъ ищутъ. Вотъ тебѣ ключъ отъ монастыря, отъ тайнаго хода.

ЧЕРМНЫЙ.

Спасибо.

Вздѣваетъ ключъ на поясъ.

Такъ будетъ вѣрнѣе. Ступай же, Наташа, ступай къ своей больной, завтра увидишься.

Наташа уходитъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что съ ней?

ЧЕРМНЫЙ.

Тетка у нея захворала, такъ вотъ и кручинится. А иной разъ и такъ себѣ плачетъ. Чудная такая! То словно пташка поетъ, заливается, то вдругъ плакать начнетъ.

ПОСАДНИКЪ.

Дурь бабья. Избаловалъ ты ее.

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, она не то, что другая; и не просить никогда ни о чемъ, скромная такая.

ПОСАДНИКЪ.

А все-жъ не слѣдъ тебѣ нанячиться съ ней. Поискалъ бы себѣ ровня, въ законъ бы вступилъ.

ЧЕРМНЫЙ.

И самъ иной разъ такъ думаю; и сказать ей даже собирался, да посмотрю на нее — жалость беретъ, языкъ не поворотится.

ПОСАДНИКЪ.

Ну, это твое дѣло.

ЧЕРМНЫЙ.

А гдѣ-жъ Василько!

ПОСАДНИКЪ.

Сейчасъ придетъ. Чуть-было бѣды не накурилъ, вылазку съ своими затѣялъ. Я пригрозилъ имъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Хорошо слѣлалъ, Глѣбъ Миронычъ, а то пришлось бы ихъ смертію казнить.

Входить Василько и впадаетъ молча.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Василько! Съ повинной пришелъ? Благодарю тестя, что блажить не пустилъ, а то бы я васъ въ Волховъ кинуть велѣлъ. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. Ты знаешь, я съ дѣломъ не шучу.

ВАСИЛЬКО.

Прости нашу дурость, Андрей Юрьичъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Жаль было бы тебя, а не пощадилъ бы. На, выпей чару, не кручинься, безъ дѣла не останешься.

Входитъ Вышата и Роговичъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Поклонъ

Бояре, вамъ! Чтѣ видно съ валу?

ВЫЩАТА.

Смирно

Покажѣсть все; съ моей лишь стороны
Огней у нихъ прибавилось какъ будто.

РОГОВИЧЪ.

Съ моей убавилось огней.

ПОСАДНИКЪ.

Должно быть,

Къ Словенскому-Концу хотятъ стянуться,
Подъ Городище.

ЧЕРМНЫЙ.

Тамъ у нихъ стоятъ

Владимирцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

ВЫЩАТА.

По всему

Должно смекать: они готовятъ приступъ.

Входитъ Жирохъ.

ЖИРОХЪ.

Боярину Андрею бью челомъ!

Всѣмъ по поклону! Я никакъ послѣдній?
Не осудите — путь мнѣ далъ всѣхъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Какія вѣсти?

ЖИРОХЪ.

Все благополучно.

ЧЕРМНЫЙ.

Движенья нѣтъ?

ЖИРОХЪ.

Не видно ничего;
Костры зажгли на старыхъ на мѣстахъ,
По прежнему.

ЧЕРМНЫЙ.

Садитесь, государи!

Во здравье вамъ!

Всѣ садятся за столъ.

Всѣ.

Во здравіе тебѣ!

Пьютъ.

ЖИРОХЪ.

Тобой, Андрей, мы, Юрьевичъ, изъ мертвыхъ
Воскрешены.

Кондратьевна съ дѣвухой ставить
блюда на столъ и уходить.

ЧЕРМНЫЙ.

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

ЖИРОХЪ.

Да чья же

Теперь въ дому? Вѣдь мы ужъ, слава-Богу,

Не при Оомѣ! Кишитъ какъ муравейникъ
Весь Новгородъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кажися, ты на вѣчѣ
Быль за Оому? Такъ отчего-жъ теперь
Не то ты говоришь?

ЖИРОХЪ.

Быль — не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видитъ то
И самъ Оома. Когда при немъ бы грядьба
Держалась такъ, какъ держится теперь,
Не говорилъ бы онъ о мирѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Грядьбу
Винить грѣшно. То не она, а онъ
Отходную намъ затанулъ.

РОГОВИЧЪ.

На комъ
Прорухи не бываетъ, Глѣбъ Мироничъ!
А благо то, что подняли вы насъ
Съ Андреемъ Юричемъ.

ВЫШАТА.

До псковичей
Продержимся, дастъ Богъ!

ЖИРОХЪ.

Я-жъ говорю:
Мы и безъ нихъ продержимся. Вѣдь каждый
Десятерыхъ сталь стоитъ, словно рубль
Въ ростъ пущенный.

ПОСАДНИКЪ.

Ты въ ростѣ знаешь толкъ.

ЖИРОХЪ.

Куда ужъ мнѣ! Лишь не нажить долговъ бы!
Ни у кого въ долгу мнѣ оставаться
Не по-сердцу.

ЧЕРМНЫЙ.

Откуда, государи,
По вашему ждать приступа?

ВЫПАТА.

Послѣдній
Отъ Прусскихъ мы воротъ отбили. Вновь
Тамъ не начнутъ. Чай, кинутся къ Торговой,
Затѣмъ они, должно-быть, къ Городищу
Стянулись.

РОГОВИЧЪ.

Глаза хотятъ отвести.
Тамъ топъ кругомъ; не провезти имъ туровъ.

ВЫПАТА.

Настеляютъ путь. За Волковыиъ весь день
Владимірцы рубили лѣсъ. Намъ слышенъ
Стукъ топоровъ былъ и деревъ паденье.

РОГОВИЧЪ.

По мнѣ скорѣй къ Баянииъ воротамъ
Ихъ надо ждать.

ЖИРОХЪ.

По мнѣ-жъ, не будетъ вовсе
И приступа. Чай, колоколь былъ слышенъ
Имъ вѣчевой! Чай, видѣли они,
Какъ закипѣлъ Дѣтинець, и смекнули,
Что новый воевода нонѣ въ руки
Сидѣнье взять. Теперь одна осада

Отъ нихъ пойдеть, морить насъ будутъ голодомъ,
А приступа не будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ посадину.

Глѣбъ Мироничъ,

Какъ мыслишь ты?

ПОСАДНИКЪ.

Спроси-ка Василька;

Пусть скажетъ онъ, а я отвѣчу послѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ, Василько, по-твоему?

ВАСИЛЬКО.

Когда

Ты, государь, мнѣ говорить велишь,
То мнѣ сдается: вѣдомо имъ вправду,
Что новый избранъ воевода, онъ же
Не кто, какъ ты, котораго нѣтъ лучше;
Но вѣдомо имъ также, что идетъ
На выручку намъ Псковъ; когда-жъ dospѣть,
Плохая имъ останется надежда
Взять Новгородъ. Теперь, или никогда!
Зачѣмъ они, не дожидаясь Пскова,
На приступъ завтра же полѣзуть.

ПОСАДНИКЪ—къ Жироху.

Слышалъ?

Не старый то, и не бывалый, молвить,
А молодой. То ясно есть какъ день,
То всякая понять съумѣетъ баба.
Зачѣмъ же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будетъ?

ВЫПАТА.

Нѣтъ, теперь-то

Намъ ихъ и ждать.

РОГОВИЧЪ.

Теперь-то и начнутъ.

ЧЕРМНЫЙ.

О томъ и рѣчи нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Пусть, государи,
По вашему. Я что же? Я сказалъ:
Коль при Фомѣ нахрапомъ насъ не взяли,
То при Андреѣ Юрьичѣ подавно
Насъ не возьмутъ. Они, чай, сами знаютъ.
А захотятъ попробовать—пожалуй,
Пусть сунутся!

ВЫШАТА.

Вопросъ: откуда намъ
Ихъ ожидать? Урону слишкомъ много
Мы понесли. Не хватить нашей рати
Всѣ стороны успѣшно оборонить.

РОГОВИЧЪ.

Великая была-бъ намъ льгота, еслибъ
Развѣдчика послать.

ЖИРОХЪ.

Ужъ сколько было
Послано! Перехватили всѣхъ.
Небось, они не дремятъ: днемъ и ночью
Объѣзды ихъ кругъ города кружатъ:
Что ни увидятъ, все хватаютъ; пса бы
Не пропустили. Гдѣ-жъ тутъ посылать
Развѣдчика.

ЧЕРМНЫЙ.

Авось намъ Богъ поможетъ
Объѣзды ихъ сей ночью миновать.

ВЫШАТА.

Какъ такъ, бояринъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Есть подземный ходъ
Ко самому ихъ стану...

Прислужницы вносить бѣда.

ПОСАДНИКЪ—къ Черному.

Отошли-ка
Ты лучше бабъ: что слушать ихъ!

ЧЕРМНЫЙ.

И то!

Къ прислужникамъ.

Возмите по корзинѣ, отнесите
Вина и хлѣба челяди. Безъ васъ
Мы справимся.

БОНДРАТЬЕВНА.

Кто-жь, батюшка-то, въ домѣ
Останется? Окромя насъ двоихъ,
Всѣ на валу; и бабы наши землю
Таскаютъ, вишь!

ЧЕРМНЫЙ.

Не бойтесь, не утратятъ
Меня безъ васъ. Ступайте!

Прислужницы уходить.

РОГОВИЧЪ.

О какомъ
Ты это ходѣ говорилъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Въ оврагъ
Свенельдовъ овъ, подъ городской стѣной,

Изъ Спасскаго ведетъ монастыря;
 Кустарникомъ густымъ обросъ вокругъ устья,
 И непригнѣтъ даже днемъ. А станъ нѣ
 Стоитъ къ оврагу тыломъ.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Не слышали

Про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Я самъ узналъ случайно.

ВЫШАТА.

Его-бъ засыпать лучше. Неравно
 Провѣдаютъ они.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ имъ провѣдать?

Искать его нарочно—и тогда
 Дня три оврагъ обшаривать бы надо;
 А еслибъ кто случайно и набрелъ,
 То все-жъ ему пройти не можно въ городъ:
 Ключъ у меня—вотъ онъ!

ЖИРОХЪ.

Позволь спросить:

Давно-ль тебѣ тотъ ходъ, бояринъ, вѣдомъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Съ той осени. А что?

ЖИРОХЪ.

Да такъ; я только

Подумалъ: жаль, что прежде не сказалъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Изъ головы онъ вышелъ у меня:
 То было до войны.

ЖИРОХЪ.

Оно и лучше,
 Что ты въ свое лишь вспомнилъ воеводство,
 А то Ома, пожалуй, только дѣло
 Испортилъ бы.

РОГОВИЧЪ.

Кого-жъ послать ты хочешь
 Развѣдчикомъ сей ночью?

ЧЕРМНЫЙ.

Самъ пойду,
 Дождуся только, чтобъ темнѣе стало.

ВЫШАТА.

Часъ неробенъ; пошли другого лучше.

ЧЕРМНЫЙ.

Нельзя! Себѣ могу лишь одному
 Довѣриться.

РОГОВИЧЪ.

Но вотъ ужъ третья сутки
 Ты на ногахъ; ты отдохнуть бы долженъ;
 Хоть на часокъ прилягь.

ЧЕРМНЫЙ.

Избави Богъ!

Когда теперь прилягу, то мертвецки
 Сейчасъ засну; а надо до зари
 Навѣрно знать, откуда будетъ приступъ,
 Чтобъ силы всѣ въ ту сторону собрать;
 У насъ и впрямь осталось мало рати.

ВЫШАТА.

Самъ о себѣ пойдешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, одного бы
Товарища взять надо.

Къ Васильку.

Василько!
Что дѣлаешь твоя сей ночью сотня?

ВАСИЛЬКО.

Наряжены къ дозору, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Поставь надъ ней другого; напередъ же
Всѣмъ сдѣлай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потомъ
Ко Спасскому ступай монастырю.
Тамъ жди меня. Тебя беру съ собой
Ко вражьему я стану.

ВАСИЛЬКО.

Государь,
Воздай Господь тебѣ за эту честь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ.

Последнюю теперь, бояре, чару —
И по мѣстамъ! За Новгородъ Великій!
Всѣ встанутъ и пьютъ.

ЖИРОХЪ.

За Новгородъ—и добраго успѣха
Тебѣ, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотрѣть, какъ все кипитъ въ твоихъ рукахъ!
Вездѣ ты самъ, на все тебя хватаетъ!

ВЫШАТА И РОГОВИЧЪ.

Прости, бояринъ,—добраго успѣха!

ЧЕРМНЫЙ.

Простите всё—и помните приказъ:
Очередной никто чтобъ не помыслилъ
Очей сомкнуть; чтобы глядѣли въ оба,
О каждомъ бы движеніи во ставѣ
Сказали мнѣ, какъ только я вернусь —
Мы на валу увидимся зарею.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.
Спокоенъ будь, мы знаемъ наше дѣло.
Направляются къ двери.

ВЫШАТА — уходя, къ посаднику.
Ты что же, Глѣбъ Мироновичъ?

ПОСАДНИКЪ.

Идите,
Я догоню васъ.
Вышата, Роговичъ и Жирохъ уходятъ.

ПОСАДНИКЪ — проводивъ ихъ глазами.
Надо бы Жироха
Снѣнить.

ЧЕРМНЫЙ.

А что?

ПОСАДНИКЪ.

Сдается, ненадеженъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Мнѣ самому сдается.

ПОСАДНИКЪ.

Злобы онъ
Не можетъ скрыть — съ Богомъ за-одно.

ЧЕРМНЫЙ.

Пережѣстить его могу я завтра.

ПОСАДНИКЪ.

Пережѣсти; поставь его туда,
Гдѣ приступа не будетъ; ты замѣтилъ,
Какъ онъ искалъ какую-бъ на тебѣ
Найти вину? Они съ Фомой бы рады
Тебя подвѣсть.

ЧЕРМНЫЙ.

Беречься буду ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

Еще одинъ совѣтъ: бояринъ Чермный!
На волоскѣ повисла воля наша.
Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ:
Когда тебя убьютъ или захватятъ —
Въ разбродъ какъ разъ сидѣніе пойдетъ,
И легкая добыча будетъ князю!
Не забывай, что ты святой Софін
И щить, и стягъ, и что друзья княжіе
Въ самихъ стѣнахъ новгородскихъ ищутъ
Тебя избыть. Въ опасность не хоти
Соваться даромъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Милостивъ Господь!

Но не идти въ развѣдку не могу я:
Отъ этого отпоръ успѣшный завтра
Зависитъ нашъ.

ПОСАДНИКЪ.

Не лучше-ль Василька
Отправить одного?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Молодъ слишкомъ;
Удерживать приходится его;
Мнѣ-жъ не впервые: суздальцемъ одѣнусь
И, отъ костра переходя къ костру,
Узнаю все.

ПОСАДНИКЪ.

Блюди-жъ тебя Господь!

ЧЕРМНЫЙ.

Ты самъ куда?

ПОСАДНИКЪ.

Прилягу до разсвѣта,
А то совсѣмъ не чую ногъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жъ,
Чѣмъ свѣтъ съ тобою свидимся.

ПОСАДНИКЪ.

Блюди
Тебя Господь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ — одинъ.

Да, надобно Жироха
Пережѣстить. Предвидѣть надо все!
Ему съ Оомой я какъ бѣльмо на око.
Правъ старый Глѣбъ! Проклятая дремота!
Вино, и то сегодня не бодрить.
Сейчасъ пойду...

Задумывается, потомъ подходитъ
къ столу и вынимаетъ чару.

Что, бишь, ему сказалъ я?
Да! суздальцемъ одѣнусь... а Жироха
Пережѣщу... не надо позабыть

Пережить Жироха... надо помнить...
 Двѣ вещи помнить... суздальцемъ одѣться...
 И что еще? Вотъ такъ ко сну и клонить...
 Смѣнить Жироха... суздальцемъ одѣться...
 Сейчас пойду... На мигъ присяду только...
 Сейчас пойду...

Садится за столъ; голова его опускается на руки, онъ заспаетъ.
 Двѣ двери медленно отворяются: изъ одной показывается Наталья, изъ другой Рагуйло. Разговоръ ихъ идетъ шепотомъ.

РАГУЙЛО.

Ну, что-жъ ты?

НАТАЛЬЯ.

Не могу!..

РАГУЙЛО.

Бери же ключъ. Отвязывай!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, руки

Мои дрожать!..

РАГУЙЛО — вынимая ножъ и дѣлая шагъ впередъ.

Иль мнѣ ужъ самому?

НАТАЛЬЯ.

Сейчасъ, сейчасъ!

Подходитъ осторожно къ Черному и снимаетъ съ его пояса ключъ.

РАГУЙЛО.

Давай.

Наталья подаетъ ему ключъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ лицо руками.

РАГУЙЛО.

Нѣтъ, шутишь! Встань!
 Остаться съ нимъ тебѣ не дамъ — разбудишь.
 Пускай онъ спитъ! Ты проводи меня —
 Поднимаетъ ее насильно.
 Иди со мной!

Къ Черному.

А ты — спокойной ночи!
 Уходитъ, уводя съ собой сестру.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ ВОЯРИНА ООМЫ.

Ночь. Оома, Жирохъ и Кривцевичъ разговариваютъ.

ООМА — ходить по комнатѣ.

Подземный ходъ! И этого не зналъ я!
 Какъ онъ его провѣдалъ?

ЖИРОХЪ.

Говорить,
 Случайно будто.

ООМА.

А съ которыхъ поръ?

ЖИРОХЪ.

Съ той осени; и будто онъ о немъ
 Совсѣмъ забылъ, сегодня только вспомнилъ!

ООМА.

Повѣрю я!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хитерь! Молчалъ, небось,
Да про свое припасъ про воеводство.

ОМА.

Хотя-бъ однимъ денькомъ мнѣ ранѣ знать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хоть утромъ бы намъ знать, Ома Григорьичъ,
Успѣли-бъ князю вѣсточку подать,
Какъ приступъ вестъ.

ОМА — къ Жироху.

И на развѣдку хочеть
Онъ самъ идти?

ЖИРОХЪ.

Такъ намъ сказалъ.

ОМА.

Одинъ?

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, съ Василькомъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Кабы на той развѣдкѣ
Ухлопали его!

ЖИРОХЪ.

Не уповаю:
Вернется здравъ!

ОМА.

О чемъ еще шла рѣчь?

ЖИРОХЪ.

Все объ одномъ: откуда князя ждать?

Кто говоритъ: поидеть на Городище,
 Кто—къ воротамъ Баянимъ. Я пытался
 Ихъ съ толку сбить, да срѣзалъ старый чортъ!
 Я, правда, тожь ввернулъ ему загвоздку:
 Его долгами здорово кольнулъ.

ЕОМА.

Съ ума сошелъ? Какія тутъ загвоздки!
 Ты долженъ былъ поддакивать ему,
 Ласкать его, быть мягче шолка съ нимъ,
 Кадить ему!

ЖИРОХЪ.

Что-жь дѣлать — сорвалось,
 Не вытерпѣлъ. Когда-бъ ты только видѣлъ,
 Какъ на меня смотрѣлъ онъ! Вспомнишь—сердце
 Такъ и вскипнуть!

ЕОМА.

А ты его разсудкомъ
 Придерживай. Взгляни хоть на меня:
 Ко Глѣбу развѣ менѣ сердце злобой
 Во мнѣ кипить? А развѣ волю я
 Даю ему? Нѣтъ, злобу приглушать
 Умѣю я! Боярыня Мамелфа
 Сегодня вотъ мнѣ говоритъ про Глѣба:
 Онъ то и то! И въ Бога-то не вѣрять,
 И въ церковь-то заказывалъ ходить,
 И даромъ-то безвиннаго меня
 Оклеветалъ! Я что-жь? Небось помогъ ей
 Чернить его? Нѣтъ, я не такъ-то простъ!
 Горою всталъ за Глѣба! Онъ-де мнѣ
 Хотя и врагъ, хоть вправду благочестья
 Немного въ немъ, а все-жь его я чту
 За то, что онъ душою не кривить,
 По-своему, вишь, Новгородъ онъ любить,
 Невѣдѣнъемъ меня лишь оскорбилъ,

И прочее, и прочее! Старуху
 Такъ умилилъ—чуть-чуть не прослезилась,
 А Глѣбъ чрезъ то и вдвое сталъ чернѣй!
 Вотъ надо какъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ тобой кому тягаться,
 Гома Григорьичъ! Богъ тебя сподобилъ,
 А мы себѣ по простотѣ!

ГОМА.

Вотъ то-то,
 По простотѣ!

Къ Жироху.

Ругаль ли ты меня,
 Какъ я тебѣ наказывалъ?

ЖИРОХЪ.

Ругать-то
 Неловко было; за тебя на вѣчѣ
 Вѣдь я стоялъ; а я сказалъ: Гома, молъ,
 И самъ смекнулъ, что былъ неправъ.

ГОМА.

Не то!
 Ругать меня ты долженъ былъ; звать бабой,
 Звать дуракомъ, звать воромъ, трусомъ звать!
 Гома, молъ, трусь! Гома—княжой прилѣбникъ.
 Гома, молъ, воръ! Гома—христопродавецъ!
 Онъ и меня лукавствомъ обошелъ!

ЖИРОХЪ.

Пересолил бы такъ, Гома Григорьичъ,
 Замѣтили-бъ разсчета!

ГОМА.

Эхъ, простота!
 Пересолишь, когда щепотку соли

Ты передашь; когда же опровернешь
 Солонку всю, тогда ошеломись.
 Что нужно намъ? Что-бъ мнили бы они,
 Что сторону мою ты бросаешь. Такъ ли?
 А изъ чего ты имъ передался —
 Вопросы нѣтъ—вѣстимо изъ разсчета!
 Своимъ ты ихъ усердьемъ не обманешь,
 Ни у кого святымъ не прослывешь;
 Не чистотой ты въ Новгородѣ вѣдомъ,
 Такъ чистаго не корчи изъ себя.
 Всякъ долженъ знать о немъ что мыслятъ люди,
 Въ чемъ можно ихъ увѣрить, въ чемъ нельзя.
 А съ Чернымъ Глѣбъ тебѣ лишь въ томъ повѣрять,
 Что ты меня изъ выгодъ продаешь.
 Такъ продавай! И чѣмъ наглѣй, тѣмъ лучше!
 Не очищай—черни меня предъ ними,
 Черни сплеча.

ЖИРОХЪ.

Я думалъ понемногу
 Въ ихъ мнѣнїи отречься отъ тебя.

БОМА.

Нѣтъ времени намъ дѣлать понемногу—
 Желѣзо куй, пока красно! У насъ
 Псковъ на носу! Мы пень черезъ колоду
 Валить должны! Мы Чернаго подсѣчь
 Должны теперь, куда псковичи
 Не подошли, и для того теперь же
 Намъ за-одинъ работать, а наружно
 Врозь надо быть.

Къ Кривцевичу.

Такъ, иль не такъ?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Бома

Григорьевичъ! царь Соломонъ глаголетъ

Изъ усть твоихъ; придай же намъ ума:
Какъ Чернаго подсъчь?

СОМА.

Рыбакъ, закинувъ
Свою уду, глядитъ на поплавокъ;
А не клеветъ его наживы щука —
За лодкою волочить онъ лесу,
Иль съ берега налесткой дразнить рыбу.
Такъ, или такъ — подъ промахъ подведемъ
Мы Чернаго; иль улучу я случай,
Иль самъ рожу. Вы-жъ помните одно:
Наружно врозь, на дѣль-жъ тѣсно виѣстѣ;
Что ни скажу, навстрѣчу говорить;
А между тѣмъ смекать изъ полуслова,
Куда я гну, и спорить такъ, чтобъ я
Всегда былъ правъ...

Звонъ въ колоколъ.

ЖИРОХЪ.

Позволь — никакъ набать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Набать и есть!

ЖИРОХЪ — отворяя окно.

И зарево пожара!

Крики на улицѣ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ оружіемъ по улицѣ бѣгутъ!
Не ворвались ли суздальцы?

ЖИРОХЪ.

Безъ боя?

Не можетъ быть!

ОМА.

Пойдите посмотрѣть!
Нежданное намъ что-то приключилось—
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Всѣ трое поспѣшно уходятъ.

ПЛОЩАДЬ СЪ ЛОБНЫМЪ МѢСТОМЪ.

Ночь. Заревъ пожара. Набатъ и стукъ сѣчи. Граждане
съ оружіемъ бѣгутъ черезъ сцену.

КРИКИ.

Суздальцы! Суздальцы! Измѣна! Новгородъ взяли! Рѣжутъ! Гдѣ
суздальцы? Бей ихъ!

Пробѣгаютъ. Изъ боковой улицы выходитъ Василько, въ
схваткѣ съ Рагуйломъ, одѣтымъ въ кольчугу. Набатъ умол-
каетъ, заревъ гаснетъ.

ВАСИЛЬКО — наступающа на Рагуйло.

Сдайся! Всѣ твои перебиты!

РАГУЙЛО.

Не таковскій, чтобъ сдаться! Кому Богъ поможетъ!

Дерутся. Рагуйло падаетъ. Изъ той же улицы выбѣгаютъ
Ставръ и Головня.

СТАВРЪ.

Ай да Василько! Последняго растянулъ!

ВАСИЛЬКО.

Гдѣ наши?

ГОЛОВНЯ.

Пожаръ гасятъ.

РАДЬКО — подходитъ.

Уже погасили.

Указываетъ на нѣсколькихъ людей, выходящихъ изъ той же
улицы.

Вотъ эти намъ помогли!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да что это за притча была? Откуда они взялись?

ДРУГОЙ.

Словно съ неба упали!

ГОЛОВНЯ.

Изъ земли словно выросли.

СТАВРЪ.

Нѣтъ, они изъ монастыря выскочили, какъ разъ когда мы дозоромъ шли.

ВАСИЛЬКО.

Да точно ли всѣ перебиты?

РАДЬКО.

Всѣхъ положили! Немного ихъ и было, человекъ пятьдесятъ!

ТРЕТІЙ.

А поджечь таки-успѣли!

СТАВРЪ.

Кабы не нашъ дозоръ, они съ разныхъ концовъ подожгли бы: у каждаго связка смоленого хворосту была.

ГОЛОВНЯ.

А тѣмъ часомъ и приступъ начался бы. Внутри пожаръ гаси, а снаружи враговъ отбивай!

РАДЬКО — къ Васильку, указывая на Рагуйло.

Смотри, твой живъ еще!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришибить его, что ли?

РАГУЙЛО—приподнимаясь.

Православные... Дайте по-христиански умереть... Отнесите въ церковь, али попа позовите...

ПЯТЫЙ—замахиваясь.

Я тебѣ попъ! Благословлю какъ разъ!

ВАСИЛЬКО—отталкивая его.

Прочь, звѣрь! Лежачаго не бьютъ! Спросимъ его, какъ они въ городъ вошли?

Къ Рагуйлу.

Эй, молодецъ!

СТАВРЪ.

Обмеръ, должно быть, али ужъ кончился?

ВАСИЛЬКО.

Нѣтъ, живъ еще, да говорить не можетъ! Отнесите его въ монастырь.

Радько и Головия уносятъ Рагуйло. Народъ шумно собирается на площадь. Съ одной стороны входитъ Посадникъ, съ другой Тома съ Жирохомиъ и Кривдевичемъ.

ПОСАДНИКЪ.

Чтѣ это было? Чтѣ случилось?

ВАСИЛЬКО.

Толпа суздальцевъ ворвалась, государь! Да уже всѣ перебиты.

ПОСАДНИКЪ.

Ты какъ здѣсь? Отчего не съ воеводой?

ВАСИЛЬКО.

Я по его указу сдѣлалъ: послѣ переклички, сотню по дорогѣмъ раздѣлилъ, а самъ пришелъ къ монастырю дожидаться его. Часа три у воротъ стоялъ, какъ изъ нихъ ратники показались; я ихъ окликнулъ, а они на меня съ мечами бросились. Тутъ нашъ дозоръ подоспѣлъ, и мы вмѣстѣ перебили ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

А воевода? Воевода?

ВАСИЛЬКО.

Не видали его, не приходилъ.

ОМА — къ Жироку и Кривцевичу.

Спекайте! Тутъ что-нибудь для насъ! Вѣдь это его ходомъ суздальцы пролѣзли.

Черный вбѣгаетъ съ мечомъ въ рукѣ.

ЧЕРНЫЙ.

Не можетъ быть! Не вѣрю! Гдѣ они? Гдѣ суздальцы?

ГОЛОСА.

Безъ тебя справились!

ЧЕРНЫЙ.

Какъ они вошли? Быть не можетъ!

Радько и Головня, отнесшіе Рагуйла, возвращаются.

РАДЬКО.

Ходъ подземный въ монастырѣ есть. Мы видѣли — монахи его заваливаютъ.

ОМА.

Ходъ подземный? Какой это ходъ?

ЖИРОХЪ.

Да не тотъ-ли, про который воевода вчера говорилъ? Отъ котораго ключъ у него?

Черный хватается за поясъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ловко прикинулся!

ГОЛОВНЯ.

Вотъ ключъ! Онъ въ дверцѣхъ спутри торчалъ.

Ропотъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Господи — что это? Онъ у меня на поясъ былъ!

ОМА.

А теперь въ дверцѣ очутился? Гмъ! Странное дѣло!

ЖИРОХЪ.

Что, странное дѣло? Ужъ ты, прости Господи, не держишь-ли подозрѣнія на воеводу?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ты, чай, золь на него за то, что онъ на твое мѣсто съѣлъ?

ЖИРОХЪ.

Радъ безвиннаго чернить!

ОМА.

Что вы, что вы, побойтесь Бога, съ чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, какъ съ его пояса ключъ въ дверцу попалъ и враговъ въ городъ впустилъ?

КРИКИ.

Къ отвѣту воеводу! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Постойте, люди! Развѣ можно такъ спрашивать? Подождемъ утра, соберемъ вѣче, воевода Новугороду отвѣтъ дастъ.

ГОЛОСА.

Дѣло, дѣло! Подождемъ утра, на вѣчѣ спросимъ.

ПОСАДНИКЪ — къ Чермному.

Кто это учинилъ? На кого ты мыслишь?

ЧЕРМНЫЙ.

Уша не приложу!

ПОСАДНИКЪ.

Голову отдашь, чтобъ вора найти!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да зачѣмъ же воеводу къ отвѣту ставить? Воевода никому не держитъ отвѣта. Это не простой воевода; онъ и смертную казнь наложилъ всѣмъ, кто не слушаетъ его: какой-же на немъ отвѣтъ?

КРИКИ ВЪ НАРОДѢ.

Что-жъ, онъ князь надъ нами, что-ли? Мы и князей судимъ, а его и подавно! Говори! Отвѣчай! — У тебя былъ ключъ? — Коку ключъ отдалъ? — Зачѣмъ вороговъ впустилъ? — Къ отвѣту! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Молчите, смерды! Воевода одному вѣчу повиненъ!

КРИКИ.

Такъ соберемъ вѣче! Чего тутъ ждать! Бѣгите на колокольню! — Ударьте въ колоколь! — Вѣче! Вѣче!

Крики и возрастающее смѣненіе. Рассвѣтаетъ.

ОМА—къ Кривцевичу.

На ловцовъ звѣрь набѣжалъ! Станемъ въ разбивку, чтобъ не сказали: стачка! И держать ухо остро!

Расходятся.

Ударъ въ колоколь. Площадь наполняется все боги. Впереди чернаго народа становятся болре и огнищане. Каждая улица подъ своимъ стягомъ. Колоколь умолкаетъ. Посадникъ всходитъ на лобное мѣсто. Молчаніе.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Великій Новгородъ! Повелите-ли вѣчу быть?

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вѣче! вѣче! вѣче!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Открыто вѣче!

Горсть суздальцевъ сей ночью ворвалась
 Черезъ тайный ходъ подземный, отъ него же
 У воеводы Чернига былъ ключъ.
 Тотъ ходъ уже заваленъ, и враги
 Побиты всѣ. А кто у воеводы
 Похитилъ ключъ—не вѣдаемъ. Велите-ль
 Ему отвѣтъ держать?

КРИКИ.

Пусть говорить!

ПОСАДНИКЪ.

Кому вести прикажете допросъ?
 По граматамъ держалъ по Ярославликъ
 Доселѣ князь въ Новгородѣ судъ;
 Въ безкняжіе-жъ, и въ смутныя години,
 Всегда судилъ посадникъ.

КРИКИ.

И теперь

По старинѣ! По пошлинѣ! Посадникъ,
 Допрашивай!

ЖИРОХЪ.

Кому же, государи,
 Какъ не ему? И кто же лучше Глѣба
 Мироныча очистить воеводу?
 Ему онъ другъ; его-жъ на воеводство
 Онъ посадилъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Такъ какъ же правду мы
 Черезъ него узнаемъ? Онъ не можетъ
 Допрашивать—онъ будетъ выручать!

КРИКИ.

Нельзя ему! Нельзя! Сама пусть будетъ
 Допрашивать!

БОГА.

Увольте, государи!

Когда посадникъ Черному есть другъ —
Я не таюсь: ему я другомъ не былъ;
Я говорилъ, что молодъ слишкомъ онъ,
И довѣрять нельзя ему сидѣнье.
Коль онъ себя, не дай Богъ, не очиститъ,
Подумаютъ, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запуталъ.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Онъ сторона!

ПОСАДНИКЪ.

Придумаль-бы хитрѣ!

Съ Кривцевичемъ вы словно два перста.
Онъ, или ты — едино! Государь
Великій Новгородъ! Коли не мнѣ —
Вышатѣ прикажите — этотъ чистъ!

ОВЩІЙ КРИКЪ.

Вышатѣ! Да! Вышатѣ вѣсть допросъ!
Сойди долой, а Черный стань къ отвѣту!
Посадникъ сходить со ступеней. Черный всходитъ.

ВЫШАТА.

Вояринъ Черный! Новгородъ знать хочеть:
Какъ суздальцы сей ночью вошли
Черезъ тайный ходъ, отъ коего былъ ключъ
Въ твоихъ рукахъ?

ЧЕРНЫЙ.

Какъ святъ Господь, не знаю!

ВЫШАТА.

Кого-нибудь подозрѣваешь ты?

ЧЕРНЫЙ.

Нѣтъ — никого!

ВЫШАТА.

Через этот самый ходъ
Вчера идти хотѣлъ ты на развѣдку —
Ходилъ-ли ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ.

ВЫШАТА.

Отчего?

ЧЕРМНЫЙ.

Судите,

Какъ знаете меня! Не помню самъ,
Что сдѣлалось со мной, когда ушли вы;
Стыдъ вѣчный мнѣ! Одинъ на лавкѣ сидя,
Забылся я,—забылся и заснулъ —
Очнулся лишь, когда набатъ услышалъ!

Сильный рожокъ.

ВЫШАТА.

И не нашелъ на поясѣ ключа?..

ЧЕРМНЫЙ.

Я, не глядя, бѣжать сюда пустился —
Лишь здѣсь увидѣлъ, что съ меня онъ снятъ.

ВЫШАТА.

Съ кѣмъ видѣлся по нашемъ ты уходѣ?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни съ кѣмъ.

ВЫШАТА.

Кто былъ изъ челяди въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Никто. При васъ я отослалъ прислужницъ,
А прочіе съ утра ушли на валъ.

ВЫШАТА.

Воаринъ Чермный—дома ли Наталья
Твоя была, когда ты намъ тотъ ключъ
Показывалъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Къ теткѣ ночевать
Предъ тѣмъ ушла. Посадникъ слышалъ, какъ
Я самъ ее отправилъ.

ПОСАДНИКЪ.

Слышалъ, точно —
Но вправду ли она ушла—Богъ-вѣсть!
Никто ее не видѣлъ.

ГОЛОСЪ.

Видѣлъ я!

ВЫШАТА.

Кто говоритъ? Коль послужь—выступай!
Выходить изъ толпы Мечникъ.
Повѣдай все, что знаешь о Натальѣ!

МЕЧНИКЪ.

Отъ снѣны я во Спасскій монастырь
Вчера пришелъ ко всенощной. Тамъ, вижу,
Стоитъ она межъ нищихъ, горько плачетъ
И молится. И говорю я ей:
О чешь ты, горемычная душа,
Такъ горько плачешь?—Къ теткѣ, говоритъ,
Иду къ больной, путемъ же помолюсь
Сюда зашла.

ӨОМА.

Ну, значить, не Наталья!

ВЫПАТА.

Кого другого не было-ль въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Я былъ одинъ.

ӨОМА.

Одинъ, въ пустыхъ покояхъ —
 На поясѣ съ ключомъ! Ключъ, стало, самъ
 Съ него снялся и отперъ супостату
 Тотъ самый ходъ, о коемъ ни душа,
 Опречь его, не вѣдала!

Возрастающій ропотъ

ЖИРОХЪ.

Постой,
 Не радуйся, Өома Григорычъ! Было
 Насъ пятеро вчера у воеводы;
 Намъ пятерымъ показывалъ онъ ключъ.
 Когда судить доводится измѣну,
 Въ допросѣ нѣтъ обиды никому.
 Пусть спросятъ насъ: всѣ-ль вмѣстѣ мы ушли,
 Иль съ Чернымъ кто послѣдній оставался?

ПОСАДНИКЪ.

Послѣдній я остался. Что-жъ съ того?

ЖИРОХЪ.

Гмъ! Ничего! Я только такъ!

КРИКИ.

На Глѣба

Онъ говоритъ! Каменьми его!
 Воръ! Клеветникъ!

ПОСАДНИКЪ.

Оставьте, государи!

Я не изъ тѣхъ, до конхъ клевета
Могла-бъ достичъ!

ОМА.

Еще-бъ! Иль мы не знаемъ

Посадника? На Черномъ на одномъ
Лежить отвѣтъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Тогда измѣнникъ Черный!

КРИКИ.

Измѣнникъ онъ! Измѣнникъ! Смерть ему!

ПОСАДНИКЪ.

Въ умѣ-ли вы? Когда-бъ онъ замышлялъ
Намъ измѣнить, не сталъ бы намъ онъ ключъ
Показывать. Онъ не сказалъ бы намъ
О ходѣ томъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о немъ онъ прежде
Намъ не сказалъ? Онъ зналъ его давно.

ВЫПАТА.

Бояринъ Черный—отвѣчай на это!

ЧЕРНЫЙ.

Что вамъ отвѣтить? Лѣтомъ на охотѣ,
Я на него набрелъ случайно; было
То до войны; не показался важнымъ
Онъ мнѣ тогда—и я о немъ забылъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Въ свое-жъ опять припомнилъ воеводство?

ЧЕРМНЫЙ.

Когда отвѣтъ я принялъ на себя,
Къ сидѣнью все пригодное мнѣ ясно
Представилось.

ОМА.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
Когда бы я объ этомъ ходѣ зналъ —
Все, что враги на насъ ни замыслили-бъ,
Я-бъ вѣдалъ все! Мнѣ-бъ не было нужды
Со княземъ миръ для нашего спасенья
Совѣтовать.

ЖИРОХЪ.

Вишь, хвастается чѣмъ!
Да развѣ самъ не собирался Чермный
Сей ночью на развѣдку?

КРИВЦЕВИЧЪ.

И заснулъ!

И кстати-жъ сонъ попалъ на воеводу:
Какъ разъ когда всѣ изъ дому ушли!
И кстати воръ нашелся въ самый мигъ,
Какъ онъ заснулъ! И кто же этотъ воръ?
Какъ онъ о томъ, о потаенномъ ходѣ
Провѣдать могъ, когда никто изъ насъ
О немъ не зналъ? И какъ онъ догадался,
Что самый ключъ на поясѣ виситъ
У воеводы? Новгородъ Великій!
Воярина Ому вы отрѣшили
За то, что мира съ княземъ онъ хотѣлъ —
Что-жъ Черному вы за его измѣну
Положите?

ВЗРЫВЪ КРИКОВЪ.

Смерть за измѣну! Смерть!

ПОСАДНИКЪ—всходить на ступени.

По граматамъ! По ношлннѣ! Во имя
Святой Софїи! Дайте, государи,
Посаднику къ вамъ слово молвить!

ГОВОРЪ.

Тише!

Глѣбъ говорить! Молчите! Слушать Глѣба!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Нельзя казнить
Безъ обыска! Намъ надо сдѣлать обыскъ,
Его домашнихъ надо допросить.
Воръ сыщется! Какъ вору не сыскаться?
За Чернигаго-жъ я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадникъ Глѣбъ! Коль смѣните его —
Все пропадетъ! Одинъ онъ держитъ городъ.
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь имъ однимъ — лишь имъ свобода наша
Теперь жива!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вишь, голосъ какъ трясется
У старика!

ДРУГОЙ.

Слеза по бородѣ
Скатылася! Диковина! Никто
Не видывалъ, чтобъ плакалъ старый Глѣбъ!

ПОСАДНИКЪ.

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Черниному! Хоть до прихода Пскова!
Когда-жъ дотоль мы вора не найдемъ —
Казните насъ обомъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

А межъ тѣмъ

Онъ насъ продасть? Какой еще тутъ обыскъ?
Оконченъ судъ!

ӨОМА — тихо къ Жироху, который къ
нему непрямѣтно подошелъ.

Шепни скорѣе нашимъ,
Чтобъ за меня кричали!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Пусть онъ вора
Намъ назоветъ — не то на казнь его!

КРИКИ.

Пусть назоветъ! Пусть назоветъ! Не то
Смерть Черному!

КРИКИ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Өому на воеводство!
Өому! Өому! Хотимъ Өому опять!

КРИКИ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

Живеть Өома! Өому на воеводство!

ПОСАДНИКЪ.

Дозвольте слово, Новгородъ Великій,
Последнее!

КРИКИ.

Ну, что еще? Скажи!

ПОСАДНИКЪ.

Я Господомъ Спасителемъ Христомъ
Молю того, кто ключъ у воеводы
Уворовалъ — святой молю Софіей —
И собственной души его спасеньемъ
Его молю — и страхомъ вѣчныхъ мукъ
Грожу ему — пусть самъ онъ назовется!

Молчаніе.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Не такъ-то простъ, чай, воевода Черный,
Самъ на себя не скажетъ!

КРИКЪ.

Смерть ему!
Смятеніе и шумъ. Черный народъ
протѣсняется сквозь бояръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Что́ долго съ нимъ чиниться? Въ Волховъ пса!

ДРУГОЙ—стаскиваетъ Чернаго со ступеней.

Веревку, братцы! И на шею камень!

ТРЕТІЙ.

Во дворъ къ нему! Разграбимъ докъ его!

КРИКИ.

Живеть Оома! Оому на воеводство!

ООМА—торжествуя, къ посаднику.

Что́ взялъ теперь? Мой городъ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ еще!

Къ толпѣ.

Вамъ нуженъ воръ? Вы вора знать хотите!
Добро-жъ! Такъ я вамъ вора назову!

ОБЩИЕ КРИКИ.

Кто? Назови! Скажи, кто воръ?

ПОСАДНИКЪ.

Я воръ!

Молчаніе. Потомъ продолжительный ропотъ.

ЖИРОХЪ.

Такъ вотъ оно! Вѣдь говорилъ же я!
Вѣдь изъ всѣхъ вчера послѣдній съ Черныиъ
Остался онъ.

ОМА — тихо къ Жироху.

Молчи! Его сгубить —
То Чернаго очистить! Городъ этакъ
Въ его рукахъ останется!

Къ толгѣ.

Вы, вѣщшіе, и вы, простые люди!
Ужели вы повѣрите ему?
Вы видите, онъ на себя клевететь.
Извѣнникомъ ужели можетъ быть
Посадникъ Глѣбъ?

Ропотъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, нѣтъ! То быть не можетъ!
Не вѣрими! Нѣтъ!

ВЫШАТА — къ посаднику.

Чтоъ взводишь, Глѣбъ Мироничъ,
Ты на себя? Никто изъ насъ тебѣ
Не хочеть въ томъ, не можетъ вѣры дати!

ПОСАДНИКЪ.

Съ которыхъ поръ миѣ Новгородъ не вѣрить?

ЧЕРНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ, не дамъ тебѣ губиться,
Твою я правду докажу!

ПОСАДНИКЪ — тихо.

Не смѣй!

Не за тебя, за Новгородъ гублюсь!

Къ собранію.

Великій Новгородъ! Я — Глѣбъ Мироничъ —

У соннаго вчера у воеводы
Ключъ отвязалъ отъ пояса.

ЧЕРМНЫЙ.

Неправда!

Лишь по его уходѣ я заснулъ.

ПОСАДНИКЪ.

А развѣ я не могъ вернуться?

ВАСИЛЬКО.

Люди!

Вояре! Братцы! Не дадимъ ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

БРИКИ.

Неправда! Нѣтъ! Не вѣримъ!

ЖИРОХЪ.

Почему же,
Коль Чермный могъ, посаднику не мочь?

ОМА—тихо къ Жироху.

Не то! не то! Ты только портишь дѣло.
Молчи совсѣмъ, иль говори за мной.

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, ужъ позволь мнѣ въ петлю супостату
Влѣзть пособить! Долгъ платежемъ красенъ!

ОМА.

Да ты съ ума никакъ сошелъ? Намъ надо
Такъ говорить, чтобъ воеводство вновь
Досталось мнѣ. Ты Чермнаго — не Глѣба
Должбиъ винить.

ЖИРОХЪ.

Съ тобою спорить мнѣ
Ты самъ велѣлъ — такъ не мѣшай!

СОМА.

Гуда!

Ты выручашь Чернаго!

ЖИРОХЪ.

За то ужъ
Мироньча я выручить не дамъ!

СОМА.

Злодѣи! Дай срокъ, съ тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гриди! Огнищане!
Ужели тотъ, чья доблесть, правда, честь —
Всѣмъ вѣдомы — на комъ никто не могъ бы
Ни пятышка одинаго найти —
Ужели бы тотъ самый человекъ
Могъ Новгородъ продать?

ЖИРОХЪ.

Еще-бъ не могъ,
Коль дорого ему за это дали.

СОМА.

Тишунъ тебѣ на лживый твой языкъ!
На свой погонъ посадника ты мѣришь!

ЖИРОХЪ.

А что-жъ? Съ тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на немъ.
Неужто-жъ онъ продешевилъ Софію?
Нѣтъ, онъ не глупъ! Ему досталось тѣмъ
И новгородцамъ и любчанамъ все
Отдать сполна.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ! Зачѣмъ бы
Ты продалъ насъ?

ПОСАДНИКЪ.

Жирохъ ужъ вамъ сказалъ:
Чтобъ заплатитъ долги.

ВЫШАТА.

Тогда зачѣмъ бы
Ты признавался въ томъ *теперь?*

ПОСАДНИКЪ.

Зачѣмъ,
Что съ княземъ торгъ не удался — придется
Мнѣ въ кабалу идти; такъ пусть одинъ
Я пропаду, безвиннаго-жъ очищу.

СОМА.

Нѣтъ, въ этомъ насъ ты не увѣришь! Нѣтъ,
Бояринъ Глѣбъ! Изъ насъ бы кто охотно
Твоихъ долговъ не заплатилъ? Не нужно
Тебѣ отъ князя было брать. Нѣтъ, нѣтъ!
Я самъ моихъ достатковъ половину
Тебѣ бы съ радостію далъ. Тяжелѣ,
Я чай, врагу продаться, чѣмъ услугу
Отъ своего въ бѣдѣ принять.

ПОСАДНИКЪ.

Отъ чорта

Скорѣе бы услугу принялъ я,
Чѣмъ отъ мерзвѣющей гадины такой,
Отъ гнуснаго такого подлеца,
Продажнаго предателя и вора,
Каковъ есть ты!

ЖИРОХЪ.

Вы слышите его?
Вы слышите? Во истину, къ лицу
Ему еще предателемъ ругаться!

ГОВОРЪ МЕЖДУ БОЯРАМИ.

— Черезъ мѣру гордъ! — Таковъ онъ былъ всегда!
— А совѣсть въ немъ таки-заговорила!
— Самъ назвалса! — Что вы, побойтесь Бога,
Онъ чистъ какъ день! Не онъ, не онъ насъ продалъ!
— Не можетъ быть! — А почему-жъ и нѣтъ?
— Долги кого на грѣхъ не наводили?
— Чѣмъ чортъ не шутитъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Новгородъ-Великій!

Когда вы мнѣ не вѣрите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклѣпъ посадникъ держитъ —
Велите крестъ ему поцѣловать
Въ своихъ словахъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ну, что-жъ, и поцѣлуешь!
Что крестъ ему? Чтобъ выручить тебя,
Побочнаго, что-ль, сына своего,
Не морщася, онъ поцѣлуешь крестъ.
Извѣстно намъ, не вѣруеть онъ въ Бога!
Вчера еще боярынѣ Мамелѣ
Онъ говорил...

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ.

Тò правда — отъ нея
Я слышалъ самъ.

ДРУГОЙ.

Я также.

ТРЕТІЙ.

Тожъ и я!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь, братцы? Глѣбъ не вѣрить въ Бога!

ДРУГОЙ.

Стало,

Изми́нщикъ онъ?

ТРЕТІЙ.

Изми́нщикъ, стало быть!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ, значить, намъ не Чернаго, а Глѣба
Теперь топить?

ПЯТЫЙ.

А то кого-жъ еще?

Хватай его — иди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ступай ты прежде,

Я за тобой!

ПЯТЫЙ.

Что-жъ ты? Небось, полѣзъ
На Чернаго?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

То Черный былъ, а этотъ,
Вишь, какъ глядитъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ кинется всѣ виѣсть!

Ребята! Глѣбъ не вѣрить въ Бога! Глѣбъ
У воеводы ключъ стащилъ! Низовымъ

За деньги продалъ Новгородъ! Пойдемъ
Его топить!

КРИКИ.

Да! Въ Волховъ, въ Волховъ Глѣба!
Топить его! А послѣ грабить домъ!
Ну, навались!

Народъ бросается къ Лобному мѣсту,
боiare его отгѣсняють.

КРИКИ ВЪ ГЛУВИНЪ ПЛОЩАДИ.

Свѣтъ, Глѣбъ Миновичъ!
Небось! Тебя въ обиду не дадимъ!
Твои мы улчани! За тебя
Одни на цѣлый Новгородъ полѣземъ!
Отецъ ты нашъ!

ЖИРОХЪ.

Гоните этихъ прочь!
То улчани подошли его,
Редятинцы, которыхъ онъ кормилъ;
То улчани одна кричатъ, а мы
Всѣ говоримъ: онъ воръ!

Народъ вторично напираться.

ВЫШАТА.

Назадъ! Не вамъ, а вѣчу
Его судить.

ЖИРОХЪ.

Такъ что-жъ не судить вѣче?
Грѣхъ на лицо! Умора, право. Онъ
Самъ говоритъ: я воръ. Они-жъ ему:
Не вѣримъ, да не вѣримъ. Еслибъ я
То на себя сказалъ, небось, вѣдь мнѣ бы
Повѣрили.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ — ПОДХОДИТЬ ИЗЪ ГЛУ-
БИНЫ СЦЕНЫ.

Не удержатъ намъ черныхъ.

Вотъ такъ и пруть. Хотятъ суда надъ Глѣбомъ.
Сбиваютъ съ ногъ. Пойдемъ на голоса.

ДРУГОЙ.

Начнете судъ, тогда они уймутся.
По улицамъ, бояре, по концамъ.

ТРЕТИЙ.

На голоса.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

На голоса.

Раздѣляются на кучи. Шумъ утихаетъ. Черный и
Василько ходятъ отъ одного стага къ другому и
увѣщаютъ каждый. То же дѣлаетъ и Жироко.

ГОВОРЪ ВЪ РАЗНЫХЪ КУЧАХЪ.

За это

Одинъ отвѣтъ. — Когда онъ продалъ насъ,
Такъ смерть ему. — Самъ никого на свѣтѣ
Онъ не жалѣлъ. — Въ надежный годъ меня
Въ пухъ разорилъ! Гурты остановилъ
За Волковышъ; скоть даромъ передохъ!
— Съ меня три веры взялъ! — Меня два раза
Послалъ въ тюрьму! — А сборы-то какъ правилъ?
— Въ срокъ не отдашь — опишетъ животы!
Нѣтъ, жалости въ немъ не было!

ЧЕРНЫЙ — въ одномъ концѣ площади.

Бояре!

За волю онъ себя не пожалѣлъ,
Чужой взялъ грѣхъ, чтобъ не достался городъ
Изгѣнникамъ!

ВАСИЛЬКО — въ другомъ концѣ.

Коль обвѣнать его

Не сможемъ мы — бѣгите поскорѣй
За гридьбою!

ГОВОРЪ.

— Одно изъ двухъ: или воръ —
Иль Чермного онъ должно очищаетъ!
— Посадникомъ его уже намъ долѣ
Не слѣдъ держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станеть! — Онъ же
Не вѣрить въ Бога! — Отъ такого ждать
Чего нельзя? — Безбожникъ, такъ и воръ!
— А коль не воръ, то все же намъ досадчикъ!
— Досадчикъ всѣмъ! — Пора его долой!
— Давно пора! — Пусть онъ и чистъ, пожалуй,
Да намъ онъ не угоденъ! — Благо, случай
Самъ подаетъ! Не мы его чернимъ,
Не нашъ и грѣхъ-то будетъ!

ЧЕРМНЫЙ — подходитъ къ посаднику.

Еще пора — мы все поправить можемъ —
Скажи имъ, что не ты.

ПОСАДНИКЪ.

Иди на валъ,
Новгородскій воевода! Приступъ
Въ сей самый мигъ, быть можетъ, не далекъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Послушай насъ...

ПОСАДНИКЪ.

О Новгородъ думай,
Не обо мнѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ Мироничъ,
Молю тебя!...

ПОСАДНИКЪ.

Ну, что же, государи?
Я все сказалъ — кончайте приговоръ!
Волненіе. Изъ среди бояръ выступаетъ Вя-
шата и подходитъ къ Лобному мѣсту.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ Мироничъ — тяжело
Мнѣ говорить и больно...

ПОСАДНИКЪ.

Къ дѣлу!

Обняковъ не нужно! Говори,
Какъ велѣно тебѣ отъ вѣча!

ВЫШАТА.

Бывшій

Посадникъ Глѣбъ! На явную измѣну,
Въ которой ты сейчасъ сознался самъ, —
Кладется смерть. Но Новгородъ Великій,
Прошедшія твои заслуги помня,
Тебя отъ казни милуетъ, и только
Изъ города и волости своей
По жизни тебѣ указываетъ путь.
Съ закатомъ солнца Новгородъ оставитъ
Сегодня-жъ долженъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Не признаю

Такого приговора! Я со гритьбой
Его заставлю отиѣнить!

ПОСАДНИКЪ.

Не снѣй!

Святъ приговоръ! Чти вѣчевое слово,
Какъ Воже!

ЧЕРМНЫЙ.

Не чту неправды я!

Гей, Василько! Вѣги скорѣй съ своими —
Зовите рать!

ГРИДЕНЬ — вбѣгаетъ.

Гдѣ воевода Черный?

Враги идутъ на приступъ съ двухъ сторонъ!

ПОСАДНИКЪ.

Ты слышишь? Прочь! Твое въ раскатахъ мѣсто!

ЧЕРНЫЙ.

Иду—но правду покажу твою—

Иль въ Божью правду вѣрить перестану!

За мной, на валъ!

Уходитъ.

ПОСАДНИКЪ — съ помочомъ.

Я Новгородъ Великій

Благодарю за милостивый судъ!

Сходить съ Лобнаго мѣста. Толпа передъ
нимъ раздается.—Занавѣсъ опускается.

. . . . .
. . . . .
. . . . .

ПОРТРЕТЪ

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
 Вокругъ меня снуеть съ недавнихъ поръ.
 Изъ ихъ толпы, цвѣтистой и летучей,
 Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
 Но приведу пока одинъ лишь случай;
 Разсудку онъ нѣлъ наперекоръ
 На жизнь мою немалое вліянье —
 Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
 Прощедшее, прискорбно, или мило,
 Ни личностямъ доселѣ никогда,
 Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
 Тому теперь, — но вычислять года
 Я не гораздъ — я думаю, нѣ было
 Одиннадцать, или двѣнадцать лѣтъ —
 Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ со-сто,
 Такъ повернулось старое вверхъ дномъ;
 А въ сущности все совершилось просто,
 Такъ просто, что — но дѣло не о томъ!
 У самаго Аничковскаго моста
 Большой тогда мы занимали домъ:
 Онъ былъ — никто не усумнится въ этомъ —
 Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

4.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
 Особенно льститъ сердцу патриота;
 Обмазать вохрой дощъ, или лазареть,
 Неодолима русскаго охота;
 Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
 Благонамѣренное видитъ что-то,
 И вохратся въ губерніи съ слеча
 Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

5.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
 Вотъ идеаль изящества для насъ.
 Наслѣдники Батыя и Мамаю,
 Командовать мы приучили глазъ,
 И площади за стени принимая,
 Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
 Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
 Не такъ о томъ судили въ вѣкѣ прошломъ -

6.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
 Капризные изгибы и уступы,
 Убранный медальонами фасадъ,
 Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,
 На крышѣ вазъ, или амуровъ рядъ,
 На воротахъ причудливыя группы.
 Перенимать съ недавнихъ стали поръ
 У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

7.

Въ мон-жъ года хорошимъ было тономъ
 Казарменному вкусу подражать,
 И четырехъ, или восьми колоннамъ
 Вишнялось въ долгъ шеренгою торчать
 Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
 Во Франціи такую благодать

Завель, въ свой вѣкъ воинственныхъ плебеевъ,
Наполеонъ, — въ Россіи-жъ Аракчеевъ.

8.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два, или три
Могли-бъ восторга вызвать междоумье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На лѣпку стѣнъ и форму потолоковъ.

9.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестѣръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тѣтки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги достойные романа
Вообразать себѣ я началъ рано.

10.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
Все, что зовутъ серьезныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства истинно.
Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

11.

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желтофіолей много золотыхъ,
И много гіацинтовъ, синихъ, алыхъ,
И палевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;

И я, міровъ искатель небывалыхъ,
 Любилъ вникать въ благоутанье ихъ,
 И въ каждомъ запахъ индивидуальный
 Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной.

12.

Въ ныне-жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
 Случалось мнѣ очнуться, въ удивленьи,
 Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ —
 Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья
 Былъ запахомъ его я погружёнъ.
 Такъ превращало мнѣ воображенье
 Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
 А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

13.

Предметы тѣ-жъ, зимою какъ и лѣтомъ,
 Реальный міръ являлъ мнѣ глазами:
 Учителя ходили по билетамъ
 Все тѣ-жъ ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ
 Танцмейстеръ, весь пропитанный балетомъ,
 Со скрипкою пискливой, и мнѣ самъ
 Мой гувернёръ, въ назначенные сроки,
 Преподавалъ латинскіе уроки.

14.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
 Ученъ, серьёзенъ, очень аккуратенъ,
 Всегда къ себѣ неумолимо-строгъ,
 И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
 Но, признаюсь, его глубокой слогъ
 Былъ для меня отчасти непонятенъ,
 Особенно когда онъ объяснялъ,
 Чтѣ разумѣть подъ словомъ „идеаль“.

15.

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
 Горація онъ звалъ до тошноты,

И, что у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
 Высоко чтить художества цвѣты,
 Причемъ законъ волнообразныхъ линий
 Мнѣ поставлялъ условья красоты;
 А чтобъ система не пропала праздно,
 Онъ самъ и ѣлъ и пилъ волнообразно.

16.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
 Онъ формою былъ много озабоченъ.
 „Das Formlose“—о, это есть бѣда!
 Онъ повторялъ, и обижался очень,
 Когда себѣ кто не давалъ труда,
 Или не умѣлъ въ формальностяхъ быть точенъ;
 А красоты классической печать
 Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

17.

Онъ говорилъ:—Смотрите, для пригѣра,
 Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
 Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
 Такъ очертанье Вакха создавалось;
 Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
 Вотъ понять какъ Праксителя Эросъ.
 А вотъ теперь я Аполлономъ стану—
 И походилъ тогда на обезьяну.

18.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
 Что врядъ-ли могъ я этимъ быть доволенъ,
 Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
 Я отъ природы нѣ былъ обездоленъ;
 Но у кого всѣ средства отняты,
 Тотъ слышитъ звонъ, не вида колоколенъ;
 А слова я хотя не понималъ,
 Но чуялся иной мнѣ „идеалъ“.

19.

И я душой искалъ его пылливо —
 Но что найти вокругъ себя я могъ?
 Старухи-тётки нѣ были красивы,
 Величественъ мой нѣ былъ педагогъ —
 И потому мнѣ кажется не диво,
 Что типами ихъ лицъ я пренебрѣгъ,
 И на одной изъ стѣнъ большого зала
 Типъ красоты мечта моя сыскала:

20.

То молодой былъ женщины портретъ,
 Въ граціозной позѣ: Нѣсколько поблѣкъ онъ,
 Иль, можетъ быть, показывалъ такъ свѣтъ
 Сквозь кружевные занавѣсы оконъ.
 Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
 Напудренный на плечи падалъ локопъ,
 И, полный розъ, передникъ изъ тафты
 За кончики несли ея персты.

21.

Иные скажутъ: живопись упадка!
 Условная, пустая красота!
 Быть можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
 Мнѣ нравилась, а тонкая черта
 Мой юный умъ дразнила какъ загадка.
 Казалось мнѣ: лукавыя уста,
 На зло глазамъ, исполненнымъ печали,
 Свои края чуть-чуть приподымали.

22.

И странно то, что было въ каждый часъ
 Въ ея лицѣ иное выраженье;
 Такихъ оттѣнковъ множество не разъ
 Подсматривалъ въ одинъ и тотъ же день я:
 Мѣнялся цвѣтъ неувольный глазъ,
 Мѣнялось устъ неясное значенье,

И выражалъ поочередно взоръ:
Кокетство, ласку, просьбу или укоръ.

23.

Ея судьбы не знаю я понынѣ:
Была-ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотинѣ?
Иль, въ Петерѣ блестящемъ рождена,
При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
И средь огней Потемкинскаго бала
Какъ солнце всѣхъ красотою побѣждала?

24.

Объ этомъ я не спрашивалъ тогда,
И важную на то имѣлъ причину:
Преодолѣть я тайнаго стыда
Никакъ не могъ — теперь его откину;
Могу, увы, признаться безъ труда,
Что по-уши влюбился я въ картину,
Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кини!

25.

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
Его чело сталъ омрачать туманъ;
Онъ говорилъ, что я ничѣмъ не боленъ,
Что это лѣнь, и что — „Wer will, der kann!“
На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
И повторялъ, что намъ рассудокъ данъ,
Дабы собой мы все владѣли болѣ
И управлять учились нашей волей.

26.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ,
Но этотъ разъ забылъ его ученье,

Что „Ding an sich“, лишь только воплощёнъ,
 Лишается свободного хотѣнья;
 Я-жь скоро былъ къ той вѣрѣ приведёнъ,
 Что наша воля плодъ предназначенья,
 Зане я тщетно, сколько ни потѣлъ,
 Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

27.

Въ грамматикѣ, на мѣсто скучныхъ правилъ,
 Мнѣ видѣлся все тотъ же милый листъ;
 Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ,—
 Ихъ получать я наконецъ привыкъ,
 Прилежностью себя я не прославилъ,
 И лишь позднѣй добился и постигъ,
 Въ чемъ состоятъ сопряженія красоты.
 О, классицизмъ, даешься не легко ты!

28.

Все-жь изъ меня не вышелъ реализмъ —
 Да извинить мнѣ Стасюлевичъ это!
 Не даромъ свой мнѣ посвящала свистъ
 Ужь не одна реальная газета.
 Я-жь не злобивъ: пусть виноградный листъ
 Прикроетъ имъ небрежность туалета,
 И пусть Зевесъ, чья сила велика,
 Ихъ русскаго сподобитъ языка!

29.

Да, классикъ я — но до известной мѣры:
 Я-бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера
 Присуждены всѣ были землемѣры,
 Механики, купцы, кондуктора
 Виргилія долбить или Гомера —
 Избави Богъ! Не та теперь пора!
 Для разныхъ нуждъ и выгодъ материальныхъ,
 Желанъ намъ поболѣ школъ реальныхъ.

30.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
 И не реторты движуть просвѣщенье:
 Свою къ нему способность изощри
 Лишь строгой ны гимнастикой мышленья;
 И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
 Что классицизму далъ онъ предпочтенье,
 Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
 Врываетъ новъ подъ сѣмена наукъ.

31.

Все дѣло въ мѣрѣ... Впрочемъ, отъ предмета
 Отвлѣкся я — вернусь къ нему опять:
 Тѣ колебанья въ линіяхъ портрета
 Потребностью мнѣ стало изучать.
 Ребячество, конечно, было это,
 Но всякій вечеръ я, ложася спать,
 Все думалъ: какъ по минованьи ночи
 Мой встрѣтитъ взоръ измѣнчивыя очи!

32.

Меня влекла ихъ странная краса,
 Какъ путника студѣный ключъ въ пустынѣ.
 Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа,
 Отдавъ сполна дань скукѣ и латынѣ,
 Благословлялъ усердно небеса.
 Обѣдали въ то время въ половинѣ
 Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
 Ужъ сумерки бывають на дворѣ.

33.

И всякій день, собравъ мои тетради,
 Умывши руки, пылъ съ воротничка
 Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригляда,
 И совершивъ два, или три прыжка,
 Я шелъ къ портрету наблюденій ради;
 Само собой, я шелъ исподтишка,

Какъ будто вовсе не было ниѣ дѣла,
Какъ на меня красавица глядѣла.

34.

Тогда пустой, почти былъ тѣменъ залъ,
Но бѣглый свѣтъ горящаго камня
На потолокѣ расписанномъ дрожалъ
И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;
Ручной органъ на улицѣ игралъ;
Тѣ, кажется, Моцарта каватина
Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

35.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
Росло души неясное желанье,
Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
То юности платилъ, должно быть, дань я;
Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
Но что-то вслухъ уста мои шептали,
Пока меня къ столу не призывали.

36.

И впечатлѣнья думъ моихъ храня,
Я нѣ-хотя глоталъ тарелку супа;
Съ усмѣшкой всё глядѣли на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застѣчивѣй сталъ день я ото-дня,
Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно и тупо,
И на себя родителей упрѣкъ
Не разъ своей неловкостью навлѣкъ.

37.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь

Заговорить не вздумалъ о портретѣ,
 Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
 Отъ мысли той (снѣсны бываютъ дѣти!)
 Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,
 И казни-бъ я подвергся уголовной,
 Чтобъ не открытъ любви моей грѣховной.

38.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
 Какія я выдумывалъ уловки,
 Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
 Когда предметы дѣлались неловки;
 А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
 Роброны, пудра, фижмы, иль шнуровки,
 И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
 Ужъ издали меня бросали въ потъ.

39.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодъ?
 Не всякому извѣстенъ сей недугъ.
 Пора, когда любви насъ мучить голодъ,
 Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ;
 Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ,
 И, сверхъ того, за службой недосугъ:
 Не многіе у насъ родятся наги —
 Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

40.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
 Ты рѣдкое являешь исключенье,
 И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
 Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
 Быть можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
 Онъ озарилъ мое уединенье,
 Какъ съ каждымъ днемъ онъ разгорался вновь,
 И какъ свою лелѣялъ я любовь.

41.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
 Когда кинуть вопросами нашъ умъ;
 Когда для насъ мучителейъ и сладокъ
 Бываетъ платья шелковаго шумъ;
 Когда души смущенной безпорядокъ
 Намъ не даетъ смирить прибора думъ,
 И безъ руля волнами ихъ несомы,
 Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

42.

О, чудное жерцанье тѣхъ времёнъ,
 Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
 О, дни, когда, раскрывши лексиконъ,
 Мы отъ иного слова замираемъ!
 О, трепеть чувствъ, случайностью рождёнъ,
 Душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ,
 Тревожной жизни первая вѣха:
 Бредъ чистоты съ предвкусиемъ грѣха!

43.

Внималъ его я голосу послушно,
 Какъ лепетанью вѣющаго сна...
 Въ средѣ сухой, придирчивой и душевной,
 Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
 Къ моей любви не вовсе равнодушна
 И безъ насмѣшки смотреть съ полотна;
 И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженъи
 Участіе прочелъ и ободренье:

44.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
 — Не унывай, крѣпись, настало время —
 У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
 Чтобъ нашихъ путь обоимъ скинуть бремя;
 Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ,
 Ты-жь за ребѣнка почитаемъ всѣми,

Тебя гнетутъ — но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой;

45.

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
Я не портретъ, я мысля и живу!
Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу —
Ее найти ты можешь на-яву!
Меня добыть тебѣ не трудно съ бою —
Лишь доверши начатое тобою!

46.

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чадѣ
И спрашивалъ себя въ недоумѣнны:
— Какъ средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и умѣнье?
Такъ иногда лежащаго въ бреду
Задачи тѣмной мучить разрѣшенье.
Я повтѣрялъ: — спасу ее — но какъ?
О, если-бъ дать она могла мнѣ знакъ!

47.

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
Когда шарманка пѣла подъ окномъ,
Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
Чтобы мечтать о подвигѣ моемъ.
Но голову ломалъ себѣ я тщетно,
И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
Какъ юнаго воображенья сила
Нежданно мнѣ задачу разрѣшила:

48.

При отблескѣ каминнаго огня,
Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,

Сперва взглянула словно на меня
 Молящими и влажными глазами,
 Потомъ рѣсницы медленно склона,
 Свой взоръ на шкафъ съ узорными часами
 Направила. Взоръ говорилъ: Смотри!
 Часы тогда показывали: три.

49.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
 Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
 Но ночью — о, тогда другое дѣло!
 Въ ночной тѣни возможны чудеса!
 И на часы затѣмъ она глядѣла,
 Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
 Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
 Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

50.

— Да, это такъ, сомнѣній болѣ нѣтъ!
 Моей любви могущество безъ грани!
 Коль захочу, я вызову на свѣтъ,
 Что такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!
 Но только ночью оживетъ портретъ —
 Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
 И сладостно, и жутко стало мнѣ,
 И бѣгали мурашки по спинѣ.

51.

Остатокъ дня провелъ я благоправно,
 Приготовлялъ глаголы, не тужа,
 Долбилъ предлоги, и зубрилъ исправно,
 Какого каждый просить падежа;
 Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
 Расположеньемъ старшихъ дорожа,
 И вообще старался въ этотъ день я
 Не возбудить чѣмъ-либо подозрѣнья.

52.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ,
 Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
 Быть на лицо. Прескучная велась
 Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
 Она гнала. Насталъ насилу часъ
 Идти мнѣ спать. Простившись со всѣми,
 Я радостно отправился домой —
 Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

53.

Я тотчасъ легъ и, будто утомлённый,
 Закрывъ глаза, но долго онъ ходилъ
 Предъ зеркаломъ, наморща лобъ учёный,
 И свой вакштафъ торжественно курилъ;
 Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
 Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
 Должно быть, онъ заснулъ довольно сладко,
 Меня-жъ трясла и была лихорадка.

54.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
 Настала разъѣзжаться. Понялъ это
 Я изъ того, что стали кучера
 Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
 На потолокъ забѣгали; съ двора
 Последняя отъѣхала карета,
 И въ домъ стихло все. Свиданья-жъ срокъ —
 Читатель помнишь — былъ еще далѣкъ.

55.

Теперь я долженъ — но не знаю, право,
 Какъ оправдать себя во мнѣннхъ дамъ?
 На ихъ участъе потерялъ я право,
 На милость ихъ судьбу свою отдамъ!
 Да, добрая моя страдаетъ слава:
 Какъ вышло то — не понимаю самъ —

Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко...

56.

Что видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что-жь могло иное сниться мнѣ,
Какъ не она, кѣмъ сердце полно было?
Уставшая скучать на полотнѣ,
Она меня забвеніемъ корила,
И стала совѣсть такъ моя тяжка,
Что я проснулся, словно отъ толчка.

57.

Въ раскаяньи, въ испугѣ и въ смятеньи,
Рукой невѣрной спичку я зажгѣгъ:
Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
Но, къ счастью, спаль мой крѣпко педагогъ;
Я въ радостномъ увидѣлъ удивленьи,
Что не прошелъ назначенный мнѣ срокъ:
До трехъ часовъ — оно конечно мало —
Пяти минутъ еще недоставало.

58.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
Чтобъ искупить поступокъ непохвальный;
Держа свѣчу, дыханье притая,
Тихонько вышелъ я изъ нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
Пока я шелъ чрезъ длинный комнать рядъ,
На зеркала бояся бросить взглядъ.

59.

Зналъ хорошо я всѣ покои дома,
Но въ непривычной тишинѣ ночной

Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
 Мой шагъ звучалъ какъ будто-бы чужой,
 И странно такъ отъ тѣни переломы,
 По сторонамъ и прямо надо мной,
 То стлались, то на-стѣну всползали —
 Стараясь ихъ не видѣть, шелъ я далѣ.

60.

И вотъ уже та роковая дверь —
 Единный шагъ — судьба моя рѣшится —
 Но что-то вдругъ неожиданное теперь
 Заставило меня остановиться.
 Читатель—другъ—ты вѣрь, или не вѣрь —
 Мнѣ слышалось: Не лучше-ль воротиться?
 Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
 Какимъ войдешь съ невинной простотой!

61.

Тѣ ангела-ль хранителя былъ голосъ?
 Иль тайный страхъ мнѣ на-ухо шепталъ?
 Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
 А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
 — Нѣтъ! я рѣшилъ — и на затылкѣ волосъ
 Мой поднялся — придти я обѣщаль!
 Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
 Мнѣ честь вѣдять исполнить обѣщанье!

62.

И повернулъ невѣрною рукою
 Замковую я ручку. Отворилась
 Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
 Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;
 Хрустальной люстры отблескъ голубой
 Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
 Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
 Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

63.

И былъ ли то обманъ воображенья,
Иль истина — по залу пронеслось
Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкой пробѣжалъ морозъ,
Но превозмогъ я скоро слабость эту,
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

64.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны,
Малѣйшія подробности одежды,
Черты лица всѣ были мнѣ видны,
И томно такъ приподымались вѣжды,
И такъ глаза казались полны
Любви и слезъ, и грусти и надежды,
Такихъ горѣли сдержаннымъ огнѣмъ,
Какъ я еще не видывалъ ихъ днѣмъ.

65.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно пріятно
Съ томящей вѣгой жгучая тоска
Во мнѣ въ одинъ оттѣнокъ непонятный
Смѣшались. Нѣтъ въ мѣрѣ языка
То ощущенье передать; невнятно
Мнѣ слышался какъ зовъ издалика,
Мнѣ словно мѣръ провидѣлся надзвѣздный —
И чуялась какъ будто близость бездны.

66.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь,
Когда любить меня ты общала!
Ты для меня сегодня оживѣшь —
Я здѣсь — я жду — зачѣмъ же дѣло стало?
Я взоръ ея ловилъ — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жиламъ пробѣгала,

И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
Понятенъ сталъ безумью моему.

67.

Возможно-ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
Иль взоромъ я твоихъ не понималъ?
Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?
Иль я ребенокъ? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
Кто онъ? когда? и по какому праву?
Пускай придетъ со мною на расправу!

68.

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
Всѣ муки я сердечнаго пожара...
О, богъ любви! Ты молодъ, какъ весна,
Твой-жъ пути какъ мірозданье стары!
Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
Раздался шипъ — и мѣрныхъ три удара,
Въ ночной тиши отчетливо звеня,
Взглянуть назадъ заставили меня.

69.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
Какъ изменился вдругъ покоя видъ:
Исчезли ночь и лунное сіянье,
Зажглись люстры; блескомъ весь облить,
Казалось, вновь, для бала, иль собранья,
Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
И было въ немъ — я видѣть могъ свободно —
Все такъ свѣжо и вѣстѣ старомодно.

70.

Воскресшія убранство и красу
Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;

Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
 Я кузницу въ груди; въ ухахъ, съ приборъ,
 Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
 Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
 Такъ пчелъ рой, шмелямъ гудящимъ въ ладъ,
 Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжать.

71.

Что-жь это? Сонъ? и я лежу въ постелѣ?
 Но нѣтъ, вотъ раму шупаетъ рука —
 Я точно здѣсь — вотъ ясно проскрипѣли
 На улицѣ полозья... Съ потолка
 Посыпалася известь; вотъ въ панели
 Какъ будто что-то треснуло слегка...
 Вотъ словно шелкомъ вдругъ зашелестило...
 Я поднялъ взоръ — и духъ мнѣ захватило.

72.

Все въ томъ же положеніи, она
 Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
 Ужъ грудь ея, свѣчьи озарена,
 По временамъ замѣтно подымалась;
 Но отрѣшиться себя отъ полотна
 Она вотще какъ будто бы старалась,
 И ясно мнѣ все говорило въ ней:
 О, захоти, о, захоти сильнѣй!

73.

Все, что я могъ сосредоточить воли,
 Все на нее теперь я устремилъ,
 Мой страстный взоръ живилъ ее все болѣ,
 И видно ей прибавлялось силъ;
 Уже одежда зыблилась, какъ въ полѣ
 Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковыль,
 И все слышнѣй ея шуршали волны,
 И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

74.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
 Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
 И я хотѣлъ всей страстию моею —
 И отъ монхъ, казалось, усилій
 Свободнѣе все дѣлалось ей —
 И вдругъ персты передникъ упустили —
 И ворохъ розъ, покоившійся въ нѣмъ,
 Къ моимъ ногамъ посыпался дождѣмъ.

75.

Движеньемъ плавнымъ платье расправляя,
 Она сошла изъ рамы на паркетъ;
 Съ террасы въ садъ, дышать цвѣтами мая,
 Такъ дѣвушка въ шестнадцать сходила лѣтъ;
 Но я стоялъ, еще не понимая,
 Ова ли тó передо мной, или нѣтъ,
 Стоялъ, нѣмой отъ счастья и испуга —
 И, молча, мы смотрѣли другъ на друга.

76.

Когда бы я гвардейскій былъ гусаръ,
 Или хотя полковникъ инженерный,
 Искусно-бъ мой я выразилъ ей жаръ,
 И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;
 Но нѣ данъ былъ развязности мнѣ даръ,
 И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
 Что я не зналъ, стоять, или шагнуть,
 А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

77.

И мой урокъ припомни танцевальный,
 Я для поклона сдѣлалъ два шага,
 Потомъ взялъ въ бокъ; легко и натурально
 Пригнулась къ лѣвой правая нога,
 Отвисли обѣ руки вертикально,
 И я предъ ней согнулся какъ дуга.

Она-жь, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ до-полу присѣла.

78.

Но между насъ, теперь я убѣждёнъ,
Присходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивлёнъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застенчивость моя —
И руку ей, конфузаясь, подалъ я.

79.

Тутъ тихо, тихо, словно изъ далѣка,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелеститъ осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ нежолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ въ шумѣ ихъ полѣта,
И вьолончеля звуки, и фагота.

80.

И вотъ, держася за-руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстояннѣ,
Подъ музыку мы двинулись сперва,
На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаннѣ-
Но сдѣлавши со мною тура два,
Она вдругъ стала, словно въ ожиданнѣ,
И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
Веселый смѣхъ, какъ рокоть соловья.

81.

Поступкомъ снѣгъ обиженный не мало,
Я взоръ склонилъ, достоинство храня.

— О, не сердись, мой другъ, она сказала,
И не кори за вѣтренность меня:
Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
Уже-ль пылалъ ты страстью неземною
Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

82.

Что отвѣчать на это — я не зналъ,
Но стало мнѣ невыразимо больно:
Чего-жь ей надо? Въ чемъ я оплошалъ?
И отчего она мной недовольна?
Не по ея-ль я волѣ танцовалъ?
Такъ что же тутъ смѣшного? И невольно
Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
И ненавидѣть былъ ее готовъ.

83.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодую,
Но вотъ, неожиданно, въ этотъ самый мигъ,
Меня коснулось пламя поцѣлуя,
Къ моей щекѣ ея прикинулся ликъ;
Мнѣ слышалось: — Не плачь, тебя люблю я!
Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
Я обмеръ весь — она же, съ лаской нѣжной,
Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

84.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
Лишился я разсудка и сознанья:
Я ощущалъ объятія нѣжныхъ рукъ
И юныхъ плечъ живое прикосанье;
Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ,
Пріятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
Я погрузился въ обморокъ, иль сонъ...

85.

Не помню какъ я, въ этомъ самомъ заглѣ,
 Пришелъ въ себя — но было ужъ свѣтло;
 Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
 Вокругъ меня родные; тяжело
 Дышалось мнѣ; безсвязныя блуждали
 Понятя врозь; меня то жаромъ жгло,
 То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
 Поблѣкшую рука сжимала розу...

86.

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
 Я вспомнилъ ночь — забилось сердце шибко,
 Украдкой взглянулъ я на портретъ:
 Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
 Казался снять слегка ея букетъ,
 Но станъ уже не шевелился гибкой,
 И, полный розъ, передникъ изъ тафты
 Держали вновь недвижные персты.

87.

Межъ тѣмъ родные — слышу ихъ какъ нынѣ —
 Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
 Мать думала — то корь. На скарлатинѣ
 Наставляли тѣтки. Педагогъ
 Съ врачомъ упорно спорилъ по-латынѣ,
 И въ толкахъ ихъ, какъ я разслышать могъ,
 Два выраженья часто повторялись:
 Somnambulus и febris cerebrealis.

ДРАКОНЪ

ИТАЛЬЯНСКІЙ РАЗСКАЗЪ XII-ГО ВѢКА.

Посвящается Я. П. Половскому.

[1876 г.]

1.

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

2.

На грудь земли, и солнце, иглой обито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

3.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

4.

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

5.

Одна купель близъ входа тамъ стоитъ,
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатыхъ столбъ чудовищемъ обвить.

6.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжены,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

7.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣвную работу;
Но я сказалъ: — Я вымысловъ не чту;

8.

Меня смѣшить ваятеля забота
Такою ложь передавать рѣзцомъ, —
И потрунить взяла меня окота.

9.

Тутъ нѣкій мужъ, отиѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій, молча, возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошелъ лицомъ:

10.

— Смѣешься ты, художнику не вѣря, —
Такъ онъ сказалъ: — но если бы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

11.

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я-жъ отвѣчалъ: — Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ чтó думалъ, мысли не тая;

12.

Но если впрямь такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все расскажи по ряду!

13.

И началъ онъ: — Въ Ломбардіи зовутъ
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ,
И оружейникъ былъ до нашихъ смутъ;

14.

Когда-жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибеллиновъ всталъ,
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

15.

Гиберто Канъ стягъ вольности держалъ;
То кондотьеръ былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

16.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

17.

— Арнольфо, — мнѣ сказалъ онъ, — смерть моя
Сейчасъ придетъ, — тебя-жъ надеждой рай
Мою: спѣши въ Кьявенну; пусть друзья

18.

Ведутъ войска, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать, —
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

19.

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло,
И въ помощь взявъ Господню благодать,

20.

А мертвое плащомъ покрывши тѣло,
Провѣдать шель, гдѣ отдохнуть враги
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло?

21.

Шумъ сѣчи смолкъ, и вѣроны круги
Надъ трупами уже чертили съ крикомъ —
Какъ за собой услышалъ я шаги.

22.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ велъ онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смятенъи томъ великомъ.

23.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашелъ, любовь ко мнѣ храня.

24.

Когда-жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

25.

Я, преданность цѣня его давно,
Тому былъ радъ, и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли, — но,

26.

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочелъ бы злобу.

27.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой;
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владѣло сумрачной душой.

28.

Въ странѣ кыявеннской не бывалъ досель я,
Но Гвидо былъ. И вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгая, въ тѣсное ущелье

29.

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
Не пропускали тѣни вѣковыя,
На встрѣчу-жъ намъ, шумя, бѣжали ручей.

30.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я,
И въ отдаленія ясно услышалъ,
Какъ колоколъ звонилъ къ Ave Maria:

31.

И тяжело средѣ этихъ мрачныхъ скалъ,
И душно такъ, какъ-бы въ свинцовомъ скринѣ,
Мнѣ сдѣлалось. — О, Гвидо, — я сказала, —

32.

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
Сжимаетъ грудь: боюсь, что съ пути
Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

33.

— Маэстро, — мнѣ отвѣтилъ онъ, — прости:
Сюда свернувъ, ошибся я немного,
Инынѣ ущельемъ было намъ идти!

34.

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустылись мы; но, видно, взять у насъ
Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

35.

Куда ни направлялись, каждый разъ
Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
Итъ различать отказывался глазъ,

36.

Такъ межъ собой они всѣ были схожи:
Такая-жъ темь; такой же въ ней ручей
Навстрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

37.

И чѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы теряли направленье;
Безъ отдыха, и не сомкнувъ очей,

38.

Вродили мы всю ночь въ недоумѣнья;
Когда-жъ, для насъ незримая, заря
На высотахъ явила отраженье,

39.

— Довольно намъ, — сказалъ я, — рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обозрѣть. Такъ говоря,

40.

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ясеню
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И брони снявъ, мы темную долину

41.

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ, и лишь на полъ-дорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

42.

Отъ усталы мои дрожали ноги;
Межъ тѣмъ густой, поднявшись, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

43.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣтъ мнѣ во-время въ Клявенну
И не повесть друзей на вражій ставъ;

44.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

45.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелия, наполненнаго мглю,
И нивъ была отъ насъ отдѣлена.

46.

— Другъ, — я сказалъ, — ты съ этою страню
Давно знакомъ; взглядишь и распознай:
Какой я замокъ вижу предо мною?

47.

А онъ въ отвѣтъ: — Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но зѣмка нѣтъ отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48.

Игрой тумана. Часто переибы
Онъ странныя являетъ между горъ,
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

49.

Такъ онъ ко мнѣ. Но устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ;

50.

И только онъ разсѣялся—не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

51.

Что я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и прииѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

52.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился:—Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго разиѣра,

53.

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дать, чтобъ выбраться отсюда,
Спишишь-жъ по немъ нашъ путь сообразить!

54.

Но онъ въ отвѣтъ:—Клянусь, сего я чуда
Не зналъ досель, и никогда о немъ
Не слыживалъ отъ здѣшняго я люда.

55.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

56.

— А не могла-ль,—замѣтилъ я,—природа
Подобіе чудовища создать,
Какъ создаетъ она много рода

57.

Дивовины? Но только лишь сказать
Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58.

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо въ ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

59.

Сожнутая, поднявшись, шучья пасть
Ждала какъ-будто жертвы терпѣливо,
Чтобъ на нее, отверзшиися, напасть;

60.

Глаза глядѣли тускло и сонливо;
На вытянутой шеѣ поднята,
Костлявая въ зубахъ торчала грива;

61.

Скрещенныя вдоль длиннаго хребта,
Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
Подъ брюхомъ лапъ виднѣлася чета.

62.

Спінныхъ чешуѣй казалось изобиліе
Нескладной кучей раковинъ морскихъ,
Иль старой черепицей, икомъ и пылью

63.

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
 Терялся въ тенной безднѣ. И когда бы
 Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

64.

Тотъ звѣрь породъ принадлежить,—то я бы
 Его крылатой шукою назвалъ,
 Иль помѣсю отъ ящера и жабы.

65.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
 Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнуть?
 Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

66.

Внезапнымъ опасеніемъ постигнуть,
 — А что,—сказалъ я,—если этотъ звѣрь
 Не каменный, но адошъ былъ изрыгнуть,

67.

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
 Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
 Прислѣвъ терзать—онъ съ насъ начнетъ теперь!

68.

Но вѣтрено предавшись Гвидо смѣху,
 — Не много же,—сказалъ,—получить адъ
 Отъ своего созданія успѣху!

69.

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
 На головѣ недвижной, а на гривѣ
 Чиркаетъ веселыхъ пташекъ рядъ—

70.

Ужели нхъ мы будемъ боязливѣй?
 Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
 Цвѣтъ идола одинъ; не сложѣй въ нивѣ

71.

Двѣ полосы! И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

72.

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

73.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ ни мало—
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

74.

Изъ сжатыхъ устъ, крутятся, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало—

75.

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ.—Бѣжнѣ,—сказалъ я,—Гвидо,
Бѣжнѣ, пока мы не въ его когтяхъ!

76.

Но робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро,—молвилъ онъ,
Какая то для ратника обида

77.

Была бы, еслибъ, куклой утрашенъ,
Онъ убѣжалъ. Я-жъ объ закладъ побьюся,
Что на яву тебѣ приснился сонъ;

78.

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ беруса!

79.

Тутъ камень взять, онъ сильною рукой
Съ разнага нѣхъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

80.

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ еслибы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

81.

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолѣ:
Казалось, огонь зеленый въ нихъ горитъ.

82.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталъ подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно по неволѣ.

83.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣку мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

84.

И вотъ, глаза зардѣли какъ лампы,—
Подъ тяжестью ожившею утѣсь
Затрепеталъ,—и сдвинулась громада,

85.

И пополяла... Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что срослись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ, съ собою онъ повѣсь.

86.

Сырой землей запахло; ны-жъ, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползаль съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣ;

87.

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
 Какъ если съ горъ, на тормазѣ желѣзномъ,
 Съѣзжалъ бы возъ, каменьешъ нагруженъ.

88.

Отвѣтный гудъ по всѣмъ пронесся безднамъ,
 И не могло намъ въ мысль уже придти
 Искать спасенья въ бѣгствѣ бесполезномъ.

89.

Равно-жъ какъ тормазъ, на своемъ пути,
 Все болѣе накаляется отъ тренья,
 Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

90.

Мгновенно сохли травы и коренья,
 И дынный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
 И сыпался гранить отъ сотрясенья.

91.

— О, Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
 Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ!
 Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

92.

Винюся я въ моеи поступкѣ вадорноиъ,
 Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
 За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ!

93.

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
 Сорвавшійся съ поводьевъ, устрашенный,
 Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

94.

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
 Скакалъ во всю отчаянную прыть,
 И бился о бока его стремѣна.

95.

Но чудище, растянутое въ нить,
Разинутою пастью поровило
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

96.

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ,
И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

97.

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье —
И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

98.

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельѣ, виться продолжали звеня

99.

Змѣннаго хребта, и долго намъ
Онъ видѣнъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущійся по камнямъ и кустамъ,

100.

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То исчеза въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь неожиданно.

101.

И Гвидо, обращая ко мнѣ,
Сказалъ: — Когда-бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

102.

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти туда, на выси горъ,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріаты

103.

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же
Въ Къявеннѣ новый строится соборъ;

104.

А згнѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ скорѣе изберегъ,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

105.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкается мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высотъ.

106.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озёръ
Свѣтилося, одно возлѣ другого;

107.

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

108.

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Насъ жеребій войны постигъ жестокий;

109.

И поняли мы тутъ, что до утра
Всю ночь мы вокругъ побойща плутали,
Пока насъ тьмы морочила пора.

110.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей, и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

111.

Отсвѣчивалъ межъ знаковъ полевыхъ,
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

112.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный,
И началось маханье черныхъ крылъ,
И перелетъ тревожный. Безобразный

113.

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачили
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости имъ передать нѣтъ силъ,

114.

Объявшею насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, бессмыленно негодуя,

115.

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
Товарищей, и съ ними, безъ разбора,
Тѣла коней издохшихъ поглощаль.

116.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталъ воронъ крикливыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

117.

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

118.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзенье,
Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденье;

119.

И съ чавканьемъ зубастыя челюстей
Въ безвѣтрин къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

120.

Между людьми на свѣтѣ есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутилъ,
Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

121.

И долго-ль звѣрь безчестье наносилъ
Тѣламъ, много ждавшимъ погребенья —
Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

122.

На землю я упалъ въ изнеможеньи,
И осѣнилъ меня глубокий сонъ,
И низошло мнѣ на душу забвенье.

123.

Когда рукою Гвидо разбуженъ,
Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
На западѣ-жъ багровый небосклонъ

124.

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
Въ полу-горѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
И обратился къ другу я несмѣло:

125.

— Въ какой, скажи, о, Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе, иль обида,
Случилися? Скажи мнѣ все, заче

126.

Въ моей душѣ звучитъ какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной!
И прежде чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

127.

Я вспомнилъ все: съ ниперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
— Гдѣ онъ? — вскричалъ я, — гдѣ нашъ недругъ злой?

128.

Намъ отъ него возможна-ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту,
И спрятаться во глубь земного лона?

129.

Но Гвидо палець приложь ко рту,
— Смотри, — шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья, —
Смотри сюда, на эту высоту!

130.

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидалъ,
Какъ, медленно свои вращая звенья,

131.

Оно всползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣленной,
Что солнца лучъ послѣдній освѣщаль.

132.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавленный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ,
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

133.

Явился тамъ. Закатомъ озарѣнъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

134.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди,
Столь не страшны! Никто-бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя-бъ въ горячкѣ бреда!

135.

Когда-жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ доль,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои онъ крылья по вѣтру развѣлъ,

136.

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ жёнъ,
Раскрывшись, трепещутъ опахала.

137.

Его хребетъ казался напряжёнъ,
И, на когтяхъ все поднимаясь выше,
Пуститься въ лётъ готовился драконъ.

138.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише,
И все темнѣй. И вотъ, онъ взвизгнулъ вдругъ,
Легучія какъ взвизгиваютъ мыши,

139.

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ,

140.

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднебесьи паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

141.

Неровный лётъ являлъ непотыря,
И видѣнъ былъ отчетливо для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

142.

Насъ поражалъ, то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

143.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

144.

Средь озера намъ слышались всплески,
И онъ опять взлеталъ, и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣзкій.

145.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли —
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

146.

На сторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совѣтъ изнурены
(Вторая сутки мы уже не ѣли!).

147.

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло-ль въ страны,

148.

Иль нѣтъ — къ тому мы стали равнодушны,
Завидуя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что по міру собираютъ хлѣбъ насущный...

149.

И долго такъ влачили мы тамъ,
Молясь: — Спаси, пречистая Марія!
Она же, виявъ, послала пищу намъ:

150.

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что воды ичалъ въ долину сѣзговья.

151.

И рѣчь того не выразить ничья,
Какъ укрѣпилъ насъ этотъ даръ неожиданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

152.

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

153.

Но что за видъ стѣснилъ тогда нашъ груди!
Въ Къявенскія воткнуты были стѣны
Знамена Гибелиновъ! Проклять будь

154.

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Къявенна —

155.

Безъ боя Гибелинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія Германцу отперта!

156.

И зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

157.

Что мы доселѣ испытали.—Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробрались къ друзьямъ;

158.

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасались отъ ищенія враговъ,
И вольности поднять не смѣли званья.

159.

Они родной собирались бросить кровь,
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземелья,
Чтобы уйти отъ казни, или оковъ.

160.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмѣлья

161.

То говоримъ, и наши тѣсноты
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли, или за мечты.

162.

Въ несмысленной рѣшились мы печали,
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

163.

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Кюлико мы шли, на Лепьончино,
На Лекко и на Вѣргамо, гдѣ станъ

164.

Немногихъ отъ разсѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было болѣ половины,

165.

Другіе же, вблизи, или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вели:

166.

Къ кому пристать? не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако безъ огласки,

167.

Отправили отъ думы городской
Ихъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

168.

И тяжело и радостно свиданье
Межъ нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдалъ дань я,

169.

— Товарищи, — сказалъ я, — стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, или ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошелъ по нашимъ головамъ!

170.

Ломбарди невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣнъ круговой порукѣ!

171.

Хоть мало насъ, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стягу,
И не прикнемъ къ тѣснителямъ страны!

172.

Такъ прежнюю въ нихъ возбудишь отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они-жъ клялись не отставать ни шагу.

173.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

174.

Маркезе Монферрато, намъ кровавый
Приемъ готова: Бога въ помощь взявъ,
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

175.

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто вплавъ,
Пустылись всё, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

176.

На насъ враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, имъ вождь, не давъ мнѣ ходу,

177.

Лобъ топоромъ разсѣкъ мнѣ поперѣкъ
И наваничь я ударомъ опрокинуть,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

178.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно мѣнуть,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жилю стынуть,

179.

Какъ вспомню, что, очнувшись, я узналъ
Отъ благодушныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

180.

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцовъ жизнь мою чудесно спасъ,
И самъ искалъ убѣжища у братства!

181.

Италиі насталъ послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешыа; Крема имъ сдалась!

182.

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли на встрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

183.

Павія ликовала. Горе намъ!
 Не чуждыми — ломбардскими руками
 Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

184.

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
 Явился тотъ прожорливый драконъ,
 Когда мы шли Къявенскими горами:

185.

Ужасное былъ знаменіе онъ,
 Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
 Начало долгихъ, горестныхъ времёнъ!

186.

Тотъ змѣй, что, все глотая, иль увѣча,
 Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
 Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

187.

Миланъ палъ въ прахъ — надъ нимъ же вознеслось
 Все низкое, что пресмыкалось въ прахъ,
 Все доброе низвержено. Пришлось,

188.

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхѣ,
 Иль дни влечь въ изгнаніи, какъ я,
 Иль погибать, какъ многіе, на плахѣ.

189.

Проклятье-жъ вамъ, поддѣльные друзья,
 Что языкомъ клялись служить свободѣ,
 Внутри сердецъ измѣну ей тая!

190.

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянутъ въ народѣ,
 И да звучать позоромъ вѣковымъ
 Названья ваши: Асти, Реджо, Лоди!

191.

Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

192.

Призвали въ край германскаго дракона!
Ломбардецъ такъ рассказъ окончилъ свой,
И отошелъ. Имъ сильно потрясѣны,

193.

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
На площади смѣшались мы съ толпой,

Обычные тамъ ведшей разговоры.

БЫЛИНЫ, ПОВѢСТИ, БАЛЛАДЫ.

А ЛЕША ПОПОВИЧЪ.

1.

Кто весломъ такъ ловко править
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь.

2.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щитъ;
Супротивъ его царевна
Полонёная сидитъ.

3.

Подъ себя поджала ножки,
Лётникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

4.

— Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты-жъ, похитчикъ, ниѣ не имѣ!

5.

Но, смѣясь, Поповичъ молвить:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

6.

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитыи птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;

7.

Безъ сѣтковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моеи;

8.

Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!

9.

Но она къ нему: — Алѣша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Видѣтъ вѣдну мы пойдемъ!

10.

Онъ же къ ней: — Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи лёгкія стрекозъ?

11.

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,

Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрелозы!

12.

И душистый гвѣтъ онъ анръ,
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рвѣтъ сверкающимъ весломъ.

13.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

14.

— Птицеловъ ты беспощадный,
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль!

15.

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: — Сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

16.

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей, иль неволей,
Ты должна меня любить.

17.

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія берётъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очерётъ...

18.

Звуки льются, звуки таютъ:
 То не вѣтеръ ли во ржи?
 Не крылами-ль задѣвають
 Мѣдный колоколъ стрижи?

19.

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
 Однозвучные ключи?
 Иль кошей то звонъ заздравный?
 Иль мечи бьютъ о мечи?

20.

Пламя-ль блещетъ? Дождь ли льётся?
 Буря-ль встала, пыль крутя?
 Конь ли по-полю несётся?
 Мать ли пѣствуетъ дитя?

21.

Или то воспоминае,е,
 Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
 Или счастья обѣщанье?
 Или смерти то привѣтъ?

22.

Пѣсню кто уразумѣетъ?
 Кто пойметъ ея слова?
 Но отъ звуковъ сердце млѣетъ,
 И кружится голова.

23.

Ихъ услыша, присмирѣли
 Пташекъ рѣзвыя четы,
 На тростникъ стрекозы сѣли,
 Преклонились цвѣты:

24.

Погремокъ, пестрець, и шильникъ,
 И болотная заря,

Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

25.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаеть пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

26.

Что внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье-ль улеглось?
Сокровенное-ль открылось?
Невозможное-ль сбылось?

27.

Словно давнія печали
Разошлись какъ туманъ,
Словно всё преграды пали—
Или были лишь обманъ!

28.

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилаь,
Ей и радостно, и больно,
Слёзы капають изъ глазъ;

29.

Любить онъ, иль лицефрить—
Для нея тó все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣрить
И дрожить, побѣждено.

30.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься—
Только небо да камышь...

БОРИВОЙ

ПОКОРСКОЕ СКАЗАНИЕ.

1.

Къ дѣлу церкви сердцеѣ рьяный,
 Папа шлетъ въ Роскильду слово
 И походъ на Бодричаны
 Проповѣдуетъ крестовый:

2.

— „Встаньте! Васъ тѣснять не въ мѣру
 „Тѣ язычники лихіе,
 „Подымайте стягъ за вѣру,
 „Отпускаю вамъ грѣхи а!

3.

„Генрикъ-Левъ на бой великій
 „Ужъ поднялся, мною званный,
 „Онъ идетъ отъ Брунзвика
 „Грануть съ тылу въ Бодричаны.

4.

„Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ сгинеть,
 „Кто падеть подъ знакомъ крестнымъ,
 „Прежде чѣмъ ихъ кровь остынетъ,
 „Будутъ въ царствіи небесномъ!“

5.

И лишь зовъ проникнулъ въ Дони,
 Первый всталъ епископъ Эрикъ,
 Съ нимъ монахи, вздѣвши брони,
 Собираются на берегъ.

6.

Далѣ Свенъ пришелъ, сынъ Нилса,
 Въ шипахъ своемъ крылатомъ,

Съ нимъ же вѣстѣ ополчился
Викингъ Кнуть, сверкая златомъ;

7.

Оба царственнаго рода,
За престолъ тягались оба,
Но для славнаго похода
Прервана межъ ними злоба;

8.

И какъ птицъ приморскихъ стая,
Много панцырнаго люду,
И грохоча, и блистая,
Къ нимъ примкнулось отовсюду.

9.

Всѣ струги, построясь рядомъ,
Покидаютъ вѣстѣ берегъ,
И, окинувъ силу взглядомъ,
Говоритъ епископъ Эрикъ:

10.

— Съ нами Богъ! Склонилъ къ намъ глава
Преподобнаго Егорья,
Разгромилъ теперь съ нахрапа
Все славянское поморье!

11.

Свенъ же молвить:—Въ бранномъ спорѣ
Не боюсь никого я,
Лишь бы только въ синемъ морѣ
Намъ не встрѣтить Боривоя!

12.

Но, снѣясь, съ коры высокой
Молвить Кнуть: — Намъ нѣтъ препоны,
Боривой теперь далѣко
Вьется съ нѣмцемъ у Арконы!

13.

И въ веселіи всѣ трое,
 Съ ними грозная дружина,
 Всѣ плывутъ, въ могучемъ строѣ,
 Къ башнямъ города Волына.

14.

Вдругъ, поднявшись надъ кормою,
 Говоритъ имъ Свенъ, сынъ Нилса:
 — Мнѣ сдалось: надъ той скалою
 Словно лѣсъ зашевелился!

15.

Кнутъ, взглянувъ, отвѣчаетъ:
 — Нѣтъ, не лѣсъ то шевелится,
 Щеголь множество киваетъ,
 О косицу бьетъ косица!

16.

Всталъ епископъ торопливо,
 Съ удивленіемъ во взорѣ:
 — Что мнѣ чудится за диво?
 Кони ржутъ на синемъ морѣ!

17.

Но епископу, въ смятеніи,
 Отвѣчаетъ блѣдный инокъ:
 — То не ржанье, то гудѣнье
 Боривоевыхъ волынокъ!

18.

И внезапно, гдѣ играютъ
 Всплѣски бѣлые прибоя,
 Изъ-за мыса выѣгаютъ
 Волнорѣзы Боривоя.

19.

Расписными парусами
 Море синее покрыто,

Развилось по вѣтру знамя
Изъ божницы Свѣтовита;

20.

Плещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенятъ стальные,
И, какъ бѣшеные кони,
Ржутъ волынки боевыя.

21.

И начальнымъ права дубомъ,
Самъ въ чешуйчатой рубахѣ,
Воривой киваетъ чубомъ:
— Добрый день, отцы-монахи!

22.

— Я вернулся изъ Арконы,
Гдѣ поля отъ крови рдѣютъ,
Но нѣмецкія знамена
Подъ стѣнами ужъ не вѣютъ!

23.

— Въ ключья ту порвавши лопать,
Заплатили долгъ мы нѣнцамъ,
И пришли теперь отлопать
Вась по бритымъ по гуменцамъ!

24.

И подъ всѣми парусами
Онъ ударилъ имъ на встрѣчу,
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями
И пошла межъ ними сѣча.

25.

То взлетая надъ волнами,
То спускаяся въ пучины,
Бокъ-о-бокъ сдѣлалъ баграми,
Съ крикомъ рѣжутся дружины;

26.

Врызжутъ искры, кровь струится,
Трескъ и вопль въ бою сомкнутомъ,
До заката битва длится —
Не сдаются Свенъ со Кнудомъ.

27.

Но напрасны ихъ усилья:
Отъ ударовъ тяжелой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужь упали;

28.

Провзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутого струга.

29.

А епископъ Эрикъ, въ сиватѣхъ
Надъ собой погибель чужа,
Перепрыгнувъ безъ оглядки
Изъ своей ладьи въ чужую.

30.

Голосить: — Не пожалѣю
На икону ничего я,
Лишь въ Роскильду поскорѣе
Мнѣ-бъ уйти отъ Боривоя!

31.

И гребцы во страхѣ тоже,
Силу руеъ своихъ удвоа,
Голосать: — Спаси насъ, Боже,
Защити отъ Боривоя!

32.

— Утекай, клубучье племя!
Боривой врочить въ догону,

Вамъ вздохнуть не давши время,
Скоро самъ я буду въ Дони!

33.

— Къ вамъ, средь моря, или средь суши,
Проложу себѣ дорогу,
И заранѣ ваши души
Обрекаю Чернобогу!

34.

Худо Донякъ вышло, худо,
Въ этой битвѣ знаменитой;
Въ этотъ день морскія чуда
Нажрались ихъ труповъ сыто,

35.

И ладей въ своемъ просторѣ
Опрокинутыхъ не мало
Почервонѣвшее море
Вверхъ полозьями качало.

36.

Генрикъ-Левъ, идущій смѣло
На Волынъ къ потѣхѣ ратной,
Услыхавъ про это дѣло,
Въ Брунзовикъ пошолъ обратно.

37.

И отъ Бодричей до Ретры,
Отъ Осны до Дубовица,
Всюду вѣсть разносятъ вѣтры
О побѣдѣ той великой;

38.

Шумомъ полнъ Волынъ весельемъ,
Вкругъ Перуновой божницы
Хороводнымъ ходятъ коломъ
Дѣвъ поморскихъ вереницы;

39.

А въ Роскильдовскомъ соборѣ
Собираются монахи,
Восклицаютъ: — Горе, горе!
И молебны служатъ въ страхѣ;

40.

И епископъ съ клирною силой,
На колѣняхъ въ церкви стоя,
Молить: — Боже, насъ помилуй,
Защити отъ Боривоя!

Г А К О Н Ъ   С Л Ъ П О Й .

1.

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки по прежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите-жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кигѣніе сѣчи!

2.

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и ей опьявѣнь,
Онъ рубить средь гула и рева,
И валить рады какъ въ лѣсу буреломъ,
Крестить топоромъ
И вправо, и влѣво.

3.

Но гуще и гуще все свалка кипитъ,
Враги не жалѣютъ урова,

Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбить,
И видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его какъ осыпала раты!

Пора выручать
Слѣпного Гакона!

4.

И съ новой нацѣръ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпной,
Топоръ свой подъявши.— Да стой-же ты, стой;
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей-Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стѣртъ,
Чтѣ-жъ рубишь ты, чортъ,
Свою же подмогу?

5.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотить по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробить и сѣчетъ шишаки пополамъ,
Никто съ разъярённымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ наконецъ,
И бороду гладитъ.

6.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ;
Побито, посѣчено вволю,
Лежать переишаны правъ и неправъ,
И смотреть съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шлемъ,
Съ Гакономъ вдвоёмъ,
По бранному полю...

* * *

1.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За-моремъ, матушка, за-моремъ,
За-моремъ, сударыня, за-моремъ!

3.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6.

— Государь ты нашъ, батюшка,
 Государь Петръ Алексѣевичъ,
 А вѣдь каша-то выйдетъ сблона?
 — Сблона, матушка, сблона,
 Сблона, сударыня, сблона!

7.

— Государь ты нашъ, батюшка,
 Государь Петръ Алексѣевичъ,
 А кто-жъ будетъ ее расхлѣбывать?
 — Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
 Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ

ВЫЛНА.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ боаръ,
 Близъ стольнаго Кіева-града,
 Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодежь и старъ,
 И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ—
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвить Владиміръ: Что-жъ нѣту пѣвцовъ?
 Безъ нихъ мнѣ и лиръ не отрада!
 И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
 Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ—
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3.

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
 Лицо на лицо не положе,

И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладъ твой дальній Царьградъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранишь,
Настанетъ тяжелое время,
Обнижутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по-небу громъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ:— Смѣшна моя вѣсть,
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снести!
Вездѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судь,
Обиды смываетъ съ нихъ поле—
Но дни, погодите, ныне придутъ,
И честь, государи, замѣнить вамъ кнутъ,
А вѣче—каганская воля!

10.

— Стой, молвить Илья, твой хоть голосъ и честь,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придѣтъ:
Уступить нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберѣтъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своймъ,
Подобенъ кумиру средъ храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить багожьёнъ,
А вы ему стукать да стукать челою —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой, молвить Поповичъ, хоть дожій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ перейдете,

На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовёте!

15.

И съ честной посоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на сорогъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станешъ къ варягамъ спиной,
Лицомъ повернѣмся къ Обдорамъ!

16.

— Стой! молвить, поднявшись, Добрыня, не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый готъ змѣй,
Приплывшій отъ Чёрнаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночью порой,
Ты часто вокругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Поподчую я каленбю стрѣлой —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! молвилъ Владиміръ, и носъ
Зажалъ отъ несноснаго срада,
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не вѣсь, —
Но благо удралъ отъ Добрынюшки пѣсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плывётъ,
 И смѣхомъ преслѣдуя гада,
 По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
 — Чай пѣсни теперь уже намъ не споётъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ: — Вишь выдумалъ намъ
 Какимъ угрожать онъ поворомъ!
 Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
 Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
 Чтобъ мы повернулись къ Обдорахъ!

22.

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
 Татарской намъ Руси не надо!
 Солгалъ онъ, солгалъ, перелётный онъ гусь,
 За честь нашей родины я не боюсь —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А если-бъ надъ нею бѣда и страшась,
 Потомки бѣду перекогутъ!
 Бываетъ, приполвилъ свѣтъ-солнышко князь,
 Неволя заставить пройти черезъ грязь,
 Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
 Ту чару добытую въ сѣчѣ,
 Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
 За русскій обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
 За колоколъ пью Новаграда,

И если онъ даже и въ прахъ упадѣтъ,
Пусть звонъ его въ сердца потомковъ живѣтъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: — За князя мы пьемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

— Да править по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И Л Ъ Я М У Р О М Е Ц Ъ.

1.

Подъ броней, съ простынь наборомъ,
Хлѣба кусь жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно
Какъ бряцаетъ бронь,
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, что-жь?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживёшь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не шировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
Быль бы хлѣба кусь!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ — полонъ столъ;
Только лакомы ужь больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то,
 Значить, молодёжь —
 Вотъ безъ стараго Ильи-то
 Какъ ты проживёшь!

8.

Тѣш-то я ихъ болѣ стѣю,
 Что забылъ ужъ бабъ;
 А какъ тресну булавою,
 Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжого
 Не гожусь двора,
 Погулять по свѣту снова
 Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
 Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
 Отъ царьградскихъ отъ куреній
 Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ что въ скринѣ —
 Только киснетъ кровь;
 Государынѣ-пустынѣ
 Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдую я, старый,
 Волюшку мою —
 Ну же, ну, шагай, чубарый,
 Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
 Просвѣтлѣлъ опять,

Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣсть воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и землянкой
Пахнетъ тѣнный боръ.

КАНУТЬ.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлетъ свать его Магнусъ. Изъ русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ грамоты плѣтъ харатейной;
Онъ проситъ Канута, въ службу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный.

3.

Княгиня-жъ ко грамотѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ;
И вслухъ ея строки Кануть прочитать
Велитъ двумъ досужимъ монахамъ.

4.

Читаютъ монахи: „Супругъ мой и князь!
„Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
„Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрець нарядясь,
„На Магнуса ты приглашенье;

5.

„Вагрець твой сталъ кровью въ его терему;
 „Супругъ мой, молю тебя слезно,
 „Не вѣрь его дружбѣ, не ѣди къ нему,
 „Любимый, желанный, болѣзненный!“

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдутъ:
 — Святые угодники съ нами!
 Взглянувъ на ихъ блѣдныя лица Кануть,
 Пожалъ, усмѣхаясь, плечами.

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прякъ,
 Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я;
 Ужель ему вѣры теперь я не дамъ
 Книгинина ради видѣнья?

8.

И берегомъ въ путь выѣзжаетъ морскимъ
 Кануть, безъ щита и безъ брони;
 Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
 Ихъ весело топаятъ кони.

9.

Пѣвецъ, что посланъ его пригласить,
 Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
 Тяжелую тайну клялся онъ хранить,
 Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
 Чуть гривы коней ихъ шевелятъ,
 На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
 И пѣву имъ подъ-ноги стелеть.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
 Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поравнялся:

— Ужь намъ не вернуться ли, князь-господинъ?
Твой конь на ходу разковался!

12.

— Пускай разковался! сѣдется Кануть,
Мягча намъ сегодня дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много!

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведётъ;
Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядётъ
И сизыя полосы тянетъ.

14.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Равняетъ коня съ господиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ!

15.

— Пускай вамъ не видно моей головы —
Я, благо, живу безъ изъяна!
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

16.

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весенняго крика,
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника.

17.

Черёмухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ,
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслить Кануть:
— Жить либо на божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ весель Кануть, такъ довѣрчивъ и смѣлъ,
Кипитъ въ немъ такъ молодо сила!

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намѣкомъ.

20.

Былинну старинную онъ затянулъ;
Въ зеленомъ, пустынномъ просторѣ
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
„Ой, море, ой, синее море!

21.

„Къ царевичу славному тѣща и тестъ
„Коварной исполнены злости,
„Извѣной хотятъ они зата известъ,
„Зовутъ его ласково въ гости.

22.

„Но моря, что, мръ обтекая, шумитъ,
„Извѣстно о ихъ заговорѣ;
„Не ѣзди, царевичъ, оно говорить —
„Ой, море, ой, синее море!

23.

„На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
„Твой тестъ погубить тебя хочетъ,
„Тотъ мечъ, что онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь,
„Сегодня ужъ онъ его точитъ!

24.

„Страшенію моря царевичъ не внялъ,
„Не внялъ на великое горе,

„Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валь—
„Ой, море, ой, синее море!

25.

„Плывётъ онъ на вѣрную гибель свою,
„Вѣды надъ собою не чаётъ,
„И скорбно его расписную ладью,
„И нѣхота море качаетъ!“..

26.

Пѣвецъ, въ ожиданіи, пѣсню прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута—
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ впереваль,
Рветъ вѣтки съ черёмухи гнutoй;

27.

Значеніе пѣсни ему невдомѣкъ,
Онъ веселъ какъ былъ и съ почину,
И видя какъ онъ отъ догадки далѣкъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былинну:

28.

„Въ ладѣ не вернулся царевичъ домой,
„Наслѣдную вотчину вскорѣ
„Сватья раздѣлили его межъ собой—
„Ой, море, ой, синее море!

29.

„У берега холмъ погребальный стоитъ,
„Никѣмъ не почтѣнъ, не стороженъ;
„Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
„Въ ладью расписную положенъ;

30.

„Лежитъ съ погруженными онъ въ сердце мечомъ,
„Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
„И тризну свершаетъ лишь море по немъ—
„Ой, море, ой, синее море!“

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
 Тотъ свѣжии клѣна листами
 Гремучую сбрую коня разубралъ,
 Утыкалъ отѣлокъ цвѣтами;

32.

Глядитъ онъ на кошекъ толкущійся рой
 Въ лучахъ золотого захода,
 И мыслить, воздушной ихъ тѣшась игрой:
 — Намъ ясная завтра погода!

33.

Былинны значенье ему не вдогадъ,
 Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ,
 И самъ напѣваетъ, товарищу въ ладъ:
 „Ой, море, ой, синее море!“

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена,
 Влечётъ его тѣмная сила!
 Дыханьемъ своимъ молодая весна
 Знать разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ. Чтѣ свершится, о томъ
 Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ—
 Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
 Шиповникъ пахучій алѣетъ,

36.

Не чуетъ погибели близкой Кануть,
 Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей—
 Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
 Шиповникъ алѣетъ пахучій...

* * *

1.

Порой веселой мая,
 По лугу вертограда,
 Среди цвѣтовъ гуляя,
 Самъ-другъ идутъ два Лада.

2.

Онъ—въ мурмолкѣ червлёной,
 Каменьемъ корзно шито,
 Тесьмою золочёной
 Вкрестъ голени обвиты.

3.

Она же—молодая,
 Вся въ ткани серебристой,
 Звенять на ней, сверкая,
 Граненныя мониста,

• 4.

Блестить вънецъ наборный,
 А хвостъ ея понявы,
 Шурша фатой узорной,
 Мететь за нею травы.

5.

Ей весело, невѣстѣ.
 — О, милый! молвить другу,
 Не лѣпо ли намъ виѣстѣ
 Въ цвѣтахъ идти по лугу?

6.

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
 И станъ ей обнялъ гибкой,
 — О, милая! отвѣтилъ
 Со страстною улыбкой,

7.

Здѣсь рай съ тобою сущій!
 Во-истину все лѣпо!
 Но этотъ садъ цвѣтущій
 Засѣять скоро рѣпой!

8.

— Какъ быть такой невзгодѣ!
 Воскликнула невѣста,
 Ужели въ огородѣ
 Для рѣпы нѣту мѣста?

9.

А онъ:—Моя ты, Лада!
 Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
 Но садъ испортить надо
 Затѣмъ, что онъ цвѣточный!

10.

Она-жь къ нему:—Что-жь будетъ
 Съ кустами медвѣжины,
 Гдѣ каждыиъ утромъ будитъ
 Насъ рокоть соловьиный?

11.

— Кусты тѣ вырвать надо
 Со всѣми ихъ корнями,
 Индеекъ здѣсь, о, Лада,
 Хотятъ кормить червями!

12.

Поднявъ свои рѣсницы,
 Спросила тутъ невѣста:
 — Ужель для этой птицы
 Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

13.

— Какъ мѣсту-то не быть!
 Но соловьевъ, о, Лада,

Скорѣе истребити
За бесполезность надо!

14.

А роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,
Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?

15.

— Ее порубятъ, Лада,
На зданіе такое,
Гдѣ-бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое;

16.

Иль даже выйдетъ проще,
О, жизнь моя, о, Лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиной пастися стадо!

17.

— О, другъ ты мой единый,
Спросила тутъ невѣста,
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

18.

Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгладить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто!

19.

— Но кто же люди эти,
Воскликнула невѣста,
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

20.

— Чужинъ они, о, Лада,
Не многое считаютъ,
Когда чего имъ надо,
То тащутъ и хватаютъ.

21.

— Иль то матерьялисты,
Невѣста вновь спросила,
У конкхъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

22.

— Иль имена суть многи,
Мой ангелъ серебрястый,
Они-жъ и демагоги,
Они-жъ и анархисты.

23.

Толпы ихъ всѣ грызутся
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ кланутся
In verba вожакорумъ.

24.

Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другнхъ имѣнье
Отыметь да раздѣлишь,
Начнется возделѣнье.

25.

Весь миръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотять загадить
Для общаго блаженства.

26.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ,
Спросила тутъ невѣста,

Имъ въ сумасшедшемъ домѣ
Ужели нѣту мѣста?

27.

— О, свѣтъ ты мой желанный,
Душа моя ты, Лада!
Ужъ очень имъ пространный
Построить домъ бы надо!

28.

Вопросъ: какими манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ —
Премного будетъ стоить;

29.

А земству предоставить
На ихъ же изживеньи —
То значило-бъ оставить
Постройку безъ движенья!

30.

— О, другъ, что-жъ дѣлать надо,
Чтобъ не погибнуть краю?
— Такое средство, Лада,
Мнѣ кажется, я знаю:

31.

Чтобъ русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шею!

32.

Тогда пойдетъ все гладко
И станетъ все на мѣсто.
— Но это средство гадко!
Воскликнула невѣста.

33.

— Ничуть не гадко, Лада,
Напротивъ, превосходно:
Народу безъ наклада,
Казнѣ-жъ весьма доходно.

34.

— Но это средство скверно!
Сказала дѣва въ гнѣвѣ.
— Но это средство вѣрно!
Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

35.

— Какъ ты безнравственъ, право!
Въ сердцахъ сказала дѣва,
Ступай себѣ направо,
А я пойду налево!

36.

И оба, вздѣвши длани,
Разстались разсержены,
Она въ сребристой ткани,
Онъ въ мурмолкѣ червлёной.

37.

— Къ чему-жъ твоя баллада?
Иная спросить дѣва.
— О, жизнь моя, о, Лада,
Ей-ей, не для припѣва!

38.

Нѣтъ, полно много чувства,
Я вѣрю реалистамъ:
Искусство для искусства
Равняю съ птичьимъ свистомъ;

39.

Я, новому ученью
Отдавшись безъ раздѣла,

Хочу, чтобъ въ пѣснопѣнны
Всегда сквозило дѣло.

40.

Служите-жь дѣлу, струны!
Уйдите праздный ропотъ!
Россійская коммуна,
Прійми мой первый опытъ!

ПОТОКЪ-БОГАТЫРЬ.

1.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ кость, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ нихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того-ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончатся пѣсня — не знаю.

2.

У Владимира-Солнышка праздникъ идѣтъ,
Пированье идеть, ликованье,
Съ молодницами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и киваловъ бряцанье;
Молодницы что свѣтлыя звѣзды горять,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаясь, ходять красиво,
Молодцы выступаютъ на-диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянеть — искрами словно обмечетъ;

Повернется направо — что сизый орелъ,
 Повернется налѣво — что кречетъ;
 Подвигается иѣрно и взадъ, и впередъ:
 То прыткнуть ногою, то шапкой махнѣтъ,
 То вдругъ станетъ, трахнувши кудрями,
 Пожинаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
 И дивится на свѣтлое око:
 — Никому, говорить, на Руси не плясать
 Супротивъ молодого Потока!
 Но ужъ поздно—встаетъ со княгиней князь,
 На-три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
 Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
 Это значить: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
 И Владиміръ княгиню уводитъ,
 Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
 Подбочася, по прежнему ходить:
 То прыткнуть ногою, то шапкой махнѣтъ,
 Не замѣтилъ онъ, какъ отошолъ хороводъ,
 Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
 Продолжаетъ по прежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за-лѣсу кажетъ рога,
 И туманомъ подернулись балки,
 Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
 И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
 Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
 По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
 На трубѣ вѣдьма пологомъ машеть,
 А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ назадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаешь радушный пригвѣтъ,
И съ боярами судить на вѣчъ;
Или видитъ Владишѣра вѣжливыи дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторить,
Иль въ совѣтѣ настойчиво спорить.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

10

— Шеромыжникъ, болванъ, неучонный холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эоюпъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иногo слова мнѣ сказать не велитъ,

Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

11.

Испугался Потокъ, не на шутку струхнулъ:
— Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идѣтъ караулъ,
Гонить палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи;
Его милость собираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить, или вѣшать.

12.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Чтѣ за ханъ на Руси своеволятъ?
Но вдругъ слышитъ слова: — Тѣ земной Ѣдетъ богъ!
Тѣ отецъ нашъ казнить насъ изволятъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Боеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брѣхи.

13.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, иль царь напоследокъ,
Чтѣ-жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не такъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

14.

И пытается у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, собирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!

И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того-жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снапъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпааетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой — не припомнить преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья-жъ довольно велики:

16.

Онъ отца отравилъ, пару тѣтокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хотъ убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чѣмъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: bravo!

17.

И промовилъ Потокъ: — Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему миру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталой онъ, то видно по платью,
Притѣснять хочеть меньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ нихъ словъ ничего не пойметъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;

Тамъ какой-то аптекарь, не то патриотъ,
 Предъ толпою ученье проводить:
 Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
 И что если и впрямь существуетъ Господь,
 То онъ только есть видъ кислорода,
 Вся же суть въ безначальн народа.

19.

И увидя Потока, къ нему свысока
 Патриотъ обратился сурово:
 — Говори, уважаешь ли ты мужика?
 Но Потокъ вопрошаетъ: Какого?
 — Мужика вообще, что смиреньемъ великъ!
 Но Потокъ говоритъ: — Есть мужикъ и мужикъ;
 Если онъ не пропъетъ урожаю,
 Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодалъ! закричалъ на него патриотъ,
 Знай, что только въ народѣ спасенье!
 Но Потокъ говоритъ: — Я вѣдь тоже народъ,
 Такъ за что-жъ для меня исключенье?
 Но къ нему патриотъ: — Ты народъ, да не тотъ,
 Править Русью призванъ только чѣрный народъ;
 То по старой системѣ всякъ равенъ,
 А по нашей лишь онъ полноправенъ!

21.

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
 Угрожаютъ Потокъ бѣдою;
 Слышно: *почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,*
 И что *кто-то заѣдемъ средою.*
 Межъ собой вперерывъ, на подобье галчать,
 Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричать,
 И Потока съ язвительнымъ тономъ
 Называютъ остзейскимъ барономъ.

22.

И подумалъ Потокъ: — Ужь, Господь борони,
 Не проснулся ли слишкомъ я рано?
 Вѣдь вчера еще, лёжа на брюхѣ, они
 Обожали московскаго хана;
 А сегодня велятъ мужика обожать.
 Мнѣ сдается: такая потребность лежать
 То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
 На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ — и объялъ его страхъ:
 Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,
 Всѣ острижены вокругъ, въ сюртукахъ и въ отцахъ,
 Собралися красавицы кучей.
 Про какія-то женскія споря права,
 Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
 Пресловутое общее дѣло:
 Потрошать чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавиць бѣжитъ,
 А онѣ восклицаютъ ехидно:
 — Ахъ, какой онъ *пошлякъ!* ахъ, какъ онъ *не развѣтъ!*
Современности вовсе не видно!
 Но Потокъ говорить, очутясь на дворѣ:
 — То-жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
 Только вѣдьмы, хотъ голы и босы,
 Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И чтó видѣть и слышать ему довелось:
 И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
 И въ сѣняхъ мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
 Все приводать его къ заключенью:
 — Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
 Я не знаю чтó значитъ какой-то прогрессъ,

Но до здраваго русскаго вѣча
Вашъ еще, государи, далече!

26.

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ на-земь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово прогрессъ, какъ въ чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождѣмъ,
Что, проснувшись, увидитъ, о томъ и споёмъ,
А покуда онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.

 ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

1.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
„Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
„Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
„Много ли васъ остается, мечтатели?
„Сдайтесь натиску новаго времени!
„Миръ отрезвился, прошли увлеченія—
„Гдѣ-жъ устоять вамъ, отжившему племени,
„Противъ теченія?“

2.

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во ния прекраснаго,
Противъ теченія!

3.

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
 Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
 Дерзко ругаясь святынь награвленной,
 Такъ же кричали неонъ истребители:
 „Кто воспротивится нашему множеству!
 „Миръ обновилъ мы силой мышленія—
 „Гдѣ-жъ побѣжденному спорить художеству
 „Противъ теченія!“

4.

Въ оныя-жъ дни, послѣ казни Спасителя,
 Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
 Шли проповѣдывать слово Учителя,
 Книжники такъ говорили, надменные:
 „Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣяномъ,
 „Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
 „Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
 „Противъ теченія?“

5.

Други, гребите! Напрасно хулители
 Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
 На-берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
 Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
 Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
 Вѣрою въ наше святое значеніе
 Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
 Противъ теченія!

ПѢСНЯ

О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Покинулъ онъ Кіевъ державный,
Вздыкаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Надеждъ навсегда миновала пора,
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я,
Узнаютъ же вѣсь моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

И Русь оставляетъ Гаральдъ за собой,
Плыветъ онъ разыскивать горе
Туда, гдѣ арабы съ норманнами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

4.

Въ Мессинѣ онъ имъ показалъ свой напоръ,
Онъ рубить ихъ въ битвѣ неравной
И громко взываетъ, подъявля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Даетъ себя знать онъ и грекамъ въ бою,
И Генуи выходцамъ вольнымъ,
Онъ на-морѣ бѣется, ладья о ладью,
Но мысль его въ Кіевѣ стольномъ.

6.

Летаетъ онъ по-шорю сизымъ орломъ,
 Онъ чайкою въ буряхъ паруетъ,
 Трещать корабли подъ его топоромъ —
 По Киеву сердце тоскуетъ.

7.

Веселая то для дружины пора,
 Гаральдовой славы нѣтъ равной —
 Но въ мысли спокойныя воды Днѣпра,
 Но въ сердцѣ княжна Ярославна.

8.

Нѣтъ, видно ему не забыть ужъ о ней,
 Не выучить счастья иного —
 И круто онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
 И къ сѣверу гонить ихъ снова.

9.

Онъ на-берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
 Онъ въ зелени ѣдетъ дубравной —
 — Полюбишь ли, дѣвица, нынѣ меня,
 Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

И въ Киевъ онъ стольный въѣзжаетъ, крестясь;
 Тамъ, гостя радушно встрѣчая,
 Выходитъ изъ терема ласковый князь,
 А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Расскажи, изъ какой
 На Русь воротился ты дали?
 Замѣшался долго въ землѣ ты чужой,
 Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
 Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный,

Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Мессину въ разорѣ разорилъ.
Разграбилъ поморье Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагузилъ,
А тканей — и иѣрить не надо!

14.

Ко древнимъ Аеннамъ, какъ воронъ, молва
Неслась предъ ладьями моиими,
На мраморной лапѣ пирейскаго льва
Мечомъ я насѣкъ мое имя!

15.

Прибрежья, гдѣ чѣрный мой стягъ прошумѣлъ,
Сицилія, Понтъ и Эллада,
Во вѣкъ не забудутъ Гаральдовыхъ дѣлъ,
Насѣговъ Гаральда Гардрада!

16.

Какъ вихоръ обмѣлъ я окраины морей,
Нигдѣ моею славѣ нѣтъ равной —
Согласна ли нынѣ назваться моею,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

17.

Въ Норвегій праздникъ веселый идѣтъ:
Весною, при плескѣ народа,
Въ ту пору, какъ алыи шиповникъ цвѣтѣтъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

18.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
Червлѣные берегъ покрыли щиты
И съ чѣрными вранами стяги.

19.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
 Причалили вѣщіе скальды,
 И славятъ на арфахъ, одинъ за другинъ,
 Возвратъ удалого Гаральда.

20.

А самъ онъ, у моря, съ веселымъ лицомъ,
 Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
 Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королямъ,
 Сидитъ на возвышенномъ тронѣ.

21.

Отборныхъ и гридней, и отроковъ рой
 Властителю служить уставно;
 Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой,
 Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

22.

И къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
 Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
 — Все, что предъ тобою цвѣтеть и блеститъ,
 И берегъ, и синее море,

23.

Цвѣтами убранные тѣ корабли,
 И грозныя замковъ твердыни,
 И людныя веси норвежской земли,
 И все, чѣмъ владѣю я нынѣ,

24.

И слава, добытая въ долгой борьбѣ,
 И самый вѣнецъ мой державный,
 И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
 Все то я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
 Звѣзда ты моя, Ярославна!

ПѢСНЯ

О ПОХОДѢ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

— Добро! сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниа,
Тобю, отецъ, я теперь убѣждёнъ;
Виню тебѣ, что мужемъ былъ столькихъ я жёнъ,
Что жилъ и безпутно, и лию,

2.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною звать гѣшился бѣсъ,
Но вракъ ты разсѣялъ—и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мниа тому радъ,
Что хочеть Владимиръ креститься:
— Смотри-жь, говоритъ, для небесныхъ награды,
Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

4.

— Смирюсь, говоритъ ему князь, я готовъ—
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

5.

Готовы струги, паруса подняты,
 Плывуть къ Херсонесу варяги;
 Поморье, гдѣ южныя рдѣютъ цвѣты,
 Червлѣные вскорѣ покрыли щиты
 И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: — Я здѣсь!
 Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
 Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь,
 И городъ по камнямъ размыкаю весь —
 Креститься хочу непремѣнно!

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
 У стѣнъ ужъ дружина толпится,
 Пошли толковать и туда, и сюда:
 — Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
 Приѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

И преніи-то съ нами не станеть держать,
 Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
 А просто обложить насъ русская рать
 И будетъ, пожалуй, три года стоять
 Да грабить края Херсонеса!

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенать,
 Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
 Владиміръ приѣму радушному радъ,
 Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ,
 И молвить сенату: — Ну, то-то!

10.

И шлѣтъ въ Византію пословъ ко двору:
 — „Царя Константина да Василия!

„Смиренно я сватаю вашу сестру,
 „Не то васъ обонхъ дружиной припру,
 „Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!“

11.

И вотъ, императоры держать совѣтъ,
 Толкують въ палатѣ престольной;
 Имъ плохо пришлось, имъ выбора нѣтъ,
 Владиміру шлютъ поскорѣ отвѣтъ:
 — „Мы очень тобою довольны;

12.

„Крестися, и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
 „Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!“
 Но онъ къ императорамъ: — „Вотъ тебѣ разъ!
 „Вы шутите, что-ли? Такая отъ васъ
 „Мнѣ отповѣдь кажется странна;

13.

„Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
 „Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
 „Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
 „Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
 „Коль видѣтъ меня вы такъ ради!“

14.

Что дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положи!
 Креститься хочу да жениться!
 Не лѣзть же царямъ, въ самоѣ дѣлѣ, на ножъ!
 Пожали плечами, и молвятъ: — Ну, что-жъ!
 Приходится ѣхать, сестрица!

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
 Узорныя ладья вѣтрила,
 Со причтомъ на палубѣ ждѣтъ архирей
 Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
 Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны заплѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса,
И хмуря брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса,
И корзно княжое накиннулъ.

18.

На пристань онъ сходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвить тамъ, голову князь преклоня:
Клянуса я въ вашемъ синьклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите-жь, отцы-іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣчанья,

Идетъ со книжной Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ нѣтъ толпы ликованья.

22.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня помнили добромъ
Шурья Константинъ да Василій!

23.

— То правда-ль, я слышалъ, замкнули Востфоръ
Дружины какого-то Фоки?
— Во-истину правда! отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто-жъ этотъ Фока?—Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣляли русскіе Фоку какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
„Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ,
„Его чтобъ всѣ люди честили!“

25.

И князь говоритъ: — Я построю вамъ храмъ
На память что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунъ возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!

26.

Застольный гремитъ, заливаясь, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строятъ готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшна водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горять золотомъ
Иконы руссiйскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенать,
И сколько тамъ грековъ ни сталося,
Всю зиму пирами честать да честать,
Но молвить Владимiръ: — Пора мнѣ назадъ,
По Кiевѣ мнѣ востосковалося!

29.

— Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовныя весла берите свои;
Ужъ въ Кiевѣ, чаю, поють соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

30.

— Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная сила,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣеть;
Что нудю я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всеильно владѣть!

31.

— Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью, и днѣмъ
Я гласу немолчному внешнею:
Велитъ онъ въ краю намъ не иѣшать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поѣтъ,
Владимиръ съ дружиной обратно плывѣтъ
Ко стольному Кіеву-граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликующи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его мрениъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы, и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣтъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ рощи на встрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И ликъ наклоня къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы кориньской четыре коня
И статуи немало старинныхъ.

6.

И кони, и бѣлыя статуи тутъ,
 Надъ повѣдомъ выся громаду,
 Стойма на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
 И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
 Ко стольному Кіеву-граду.

7.

Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ
 Съ ладьею Владиміра рядомъ;
 Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
 Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
 Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
 Запѣвъ зачинаютъ дружины,
 И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
 Завѣтныя пѣсни минувшихъ времѣнъ
 И днѣй богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
 Плывутъ ихъ ладей вереницы,
 И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
 Все выше и выше растеть вдалекѣ
 Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
 Прервалось весельщиковъ пѣнье,
 И мигъ тишины и молчанья насталъ,
 И князю, въ сознаниі новыхъ началъ,
 Открылося новое зрѣнье:

11.

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
 Почуялась правда Господня;

И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И нинѣ Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ издалѣка ихъ побѣдъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало, — и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

14.

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалося моею,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!

15.

Вспнигѣла подъ пологомъ, пѣнясь, вода,
Отлыгнувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передніа въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И на-берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердіа внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

РУГЕВИТЬ.

1.

Надъ древними подъемляся дубами,
 Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерёгъ;
 Въ войну и миръ равно честный нами,
 Онъ ворко вдругъ глядѣлъ семью главани,
 Нашъ Ругевить, непобѣдимый богъ.

2.

Курился дымъ ему отъ благовоиѣ,
 Его алтарь былъ зеленю обвить,
 И много разъ, на кучахъ вражьихъ броней,
 У ногъ своихъ закланыхъ видѣлъ Донеѣ
 Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевить.

3.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
 Шли корабли подъ сѣнь его меча;
 Онъ для своихъ защита былъ святая,
 И ласточекъ доврчивая стая
 Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

4.

И мнили мы: жрецы твердятъ не даромъ,
 Что если врагъ попрѣтъ его порогъ,
 Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
 И семь мечей подыметъ въ гнѣвъ ярое
 Нашъ Ругевить, нашъ оскорбленный богъ.

5.

Такъ мнили мы, но роковая сила
 Ужъ обрекла насъ участи иной:
 Мы помнимъ день; заря едва всходила,
 Нежданна къ намъ близились вѣтрила,
 Могучій врагъ на Ругу шолъ войной.

6.

То русскаго шолъ правнукъ Мономаха,
Владимиръ шолъ въ главѣ своихъ дружинъ,
На Ругичанъ онъ первый шолъ безъ страха,
Король Владимиръ, правнукъ Мономаха,
Варяговъ князь и Донеи властелинъ.

7.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
Гдѣ Яромиръ Владимировъ разбитъ;
Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевить.

8.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
Дубовый вѣсь стащить едва могли;
Рога склонивъ, дымяся отъ натугу,
Подъ свистъ бичей, они его по лугу
При громкихъ крикахъ Донеи волокли.

9.

И на него взошедъ, съ крестомъ въ десницѣ,
Держась за свой, вонзенный въ бога мечъ,
Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

10.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
Былъ вой кругомъ. Въ неслышанной печали:
«Встань Ругевить», мы вслѣдъ ему кричали,
«Воспрянь, нашъ богъ, и Донеи разгроми!»

11.

Но онъ не всталъ. Гдѣ объ утѣсъ громадный,
Дробясь, кипить и пѣнится прибой,

Онъ съ крутизны низвергнуть безопасно;
 Всплеснувъ, валы его схватили жадно .
 И унесли, крутя передъ собой.

12.

Такъ поплыль прочь отъ нашего онъ край
 И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
 Дивились мы, другъ друга вопрошая:
 «Гдѣ-жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
 «Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?»

13.

И пробудясь отъ перваго испугу,
 Мы не нашли былой къ нему любви,
 И разошлись въ раздуміи по лугу,
 Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
 Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!»

САДКО.

1.

Сидитъ у царя водяного Садебъ
 И съ думою смотреть печальной,
 Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
 Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;

2.

Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
 Товарищи тамъ его ищутъ,
 Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
 Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;

3.

А здѣсь на него любопытно глядятъ
 Бѣлуга, глазами моргая,

Иль мелкии искрами мимо бѣжить
Счетковъ серебристая стая.

4.

Куда онъ ни взглянетъ — все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гуслиахъ играть
Царю водяному въ угоду.

5.

А царь, улыбаясь, ему говорить:
— Садко, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

6.

Кутья ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбирѣмъ не жирны ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери тѣмъ досадили?

7.

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ бы наврядъ
Въ хвалѣнныхъ софійскихъ подвалахъ!

8.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

9.

Вкусны и кутья, и блины съ инбирѣмъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни помотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!

10.

Что́ пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводные эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя-бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

11.

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепѣлки во ржи,
За скрышъ новгородской телѣги!

12.

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дѣгтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

13.

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю что́ станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

14.

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

15.

Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь,
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листь прошлогодній пробившись теперь,
Снибѣтъ въ лѣсу медуница!

16.

Во свѣжень, въ зеленомъ, въ лѣсу молодомъ
Березой душистымъ пахнетъ —

И сердце во мнѣ, лишь подумаю о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

17.

— Садко, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ —
Всегда онъ согласенъ со мною.

18.

Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жеребій, стало быть, свѣтель;
А ты непонятливъ, несвѣдуецъ и глушь,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

19.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю,
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю!

20.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостоинъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

21.

Бывало, не все тамъ норобилось мнѣ,
Не по-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;

22.

Припопнился пѣсъ мнѣ, и грязенъ, и хилъ,
Въ реняхъ и въ сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званый, сиѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;

23.

Врзгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловаль
И въ темя, и въ очи, и въ морду;

24.

— Садеб, мое чадо, на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригодѣй.

25.

Вонстину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
Верн-жъ себѣ въ жены люблю!

26.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюсь, отъ брака съ такою женой
Не вышло-бъ душѣ моей худо!

27.

Не спорю, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ какъ ерши,
Намъ было-бъ сожителство трудно.

28.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не тó, что люблю,
А всѣхъ ихъ сейчасъ прогнѣялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую!

29.

— Садеб, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;

Когда бы твою не цѣнилъ я игру-бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

30.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужь,
Теперь же сыграй плясовую!

31.

Ударилъ Садкѣ по струнамъ тренака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, упѣрся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску.

32.

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ, и надулся какъ сомъ,
Все болѣе его разбираетъ.

33.

Покаживать началъ, плечьями шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдеть выводить вензеля,
Такъ всё затряслись половицы.

34.

— Ну, мыслить Садкѣ, я тебя заморю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но какъ ни частить, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

35.

Пустился на вывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть нндо страшно, ей-Богу!

36.

Бояре въ испугѣ ползуть окарачь,
Царица присѣла ажъ на-полъ,
Пищать-инъ царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешетъ ногами оба-полъ.

37.

То, выпята грудь, на придворныхъ онъ прѣтъ,
То, скорчившись, пятится боконъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ, и впередъ,
Валяетъ загрѣбонъ и скоконъ.

38.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ собираются тучи...

39.

Но шибче играетъ Садкѣ, осерча,
Сжавъ зубы, и брови нахмура,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны силеча —
Вверху подымается буря...

40.

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая прѣ-зелень моря.

41.

Вотъ крики слышались тамъ высоко:
То гибнуть пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садкѣ,
Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами!

42.

Въ присядку повесь его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,

Грешить плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ...

43.

И вотъ пузыри отъ подстѣнны пошли,
Садкѣ уже видить сквозь стѣны:
Разбитые ко-дну летать корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;

44.

Онъ видить: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рвануль —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

45.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутить ты, Садкѣ, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

46.

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

47.

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

48.

И плѣсонъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садкѣ какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

49.

Сидитъ въ Новѣградѣ Садкѣ невредишь,
Съ нимъ вяжіе всѣ уличане;
На скатерти браной шипитъ передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

50.

Степенный посадникъ, и тысяцкій тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
Здоровье Садкѣ круговое.

51.

— Повѣдай, Садкѣ, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои распивныя суда?
И бѣзъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

52.

Поётъ и на гусяхъ играетъ Садкѣ,
Поётъ про цара водяного:
Какъ было тамъ жить у него нелегко,
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

53.

Поётъ про походъ, бѣзъ утайки, про свой,
Какая чему была чередъ —
Качаютъ въ сомнѣніи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

СВАТОВСТВО

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, дуди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяцъ май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы расцвѣли,
Ой, ладо, дуди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ
Владимиръ, старый князь,
На подлокотни вреселъ
Сидитъ облокотась.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ
За пряжей за своей.

6.

Кружась, жужжить и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

7.

И тутъ же молодья,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжіа
За пальцами сидятъ.

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди-жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9.

И вовсе нигъ не шьѣтся,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьѣтся
Въ веселый мѣсяцъ май!!

10.

Когда-жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвить вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подъѣхали самъ-другъ;

12.

Съ коней прыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица.

13.

А князь смѣется: — Знаю!
Пусть входятъ молодцы;

Не дальняго, чай, краю
Залетные итенцы!

14.

И вотъ, ихъ входитъ двое,
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ.

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный куть,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладуть.

16.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ,
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, вопрошаетъ,
Пожаловали къ намъ?

18.

— Мы, княже-господине,
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязали въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

19.

Двухъ рыбокъ златопѣрыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлось подождать.

20.

Но князь на это: — Братъ,
Не правда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья
И съ вами нѣтъ сѣтей!

21.

Дѣйра-жъ свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

На это гости: — Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брынськіе стрѣлки!

23.

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А ноя двѣ кунцы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ
Двойной приводить слѣдъ!

25.

А князь на это: — Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

26.

Кунцы же бьютъ зимою,
А ноя мѣсяцъ май,

За звѣрю за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай!

27.

— Ну, княже, молвятъ гости,
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть:

28.

Мы бѣдные калитки,
Мы старцы-гуслары,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

29.

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30.

И если бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ это, князь отвѣтилъ,
Другой выходитъ стихъ:
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

32.

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ весѣлый мѣсяцъ май!

33.

Теперь въ вѣтвяхъ берёзы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай—
Всѣхъ мѣсяцевъ звонче
Весёлый мѣсяцъ май!

35.

Но строй гуслирный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшеѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило,
А ты Степанмъчъ, Дюкь!

37.

Тутъ съ нихъ локотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ ними богатыря;

38.

Ихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва ли
Встрѣчалась красота!

39.

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,

Корсунская накидка
Надѣта на плечо,

40.

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А бѣрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

Орлинымъ мечутъ окомъ
Не взоры, но лучи;
На поясъ широкимъ
Крыжатые мечи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямъ удивлены;

43.

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44.

Княгиня-жъ молвить: — Знала
Я это наперѣдъ,
Не даромъ куковала
Кукушка у воротъ,

45.

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову подыавъ,
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаетъ волкодавъ!

46.

Но видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвить князь:
— Отвѣтствуйте, почтò вы
Вернулись, не спросясь?

47.

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забыть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о, княже, гнѣвнъ,
Твой дворъ чтобъ видѣть вношъ,
Армянскихъ двухъ царевнъ
Отвергли мы любовь;

49.

Зане твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова,
Отвѣтилъ старый князь;

51.

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,

Всѣ глубн я и мели
Оцѣнами запру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ кунницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

54.

Ни неводомъ вамъ болѣ,
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Никто ихъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ весѣлый мѣсяцъ май!

56.

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердцецъ ихъ слышнень стукъ...

57.

Что дочки имъ сказали,
Кто можетъ, отгадай —
Мы словъ ихъ не слышали
Въ весѣлый мѣсяцъ май,

58.

Мы словъ ихъ не слышали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокоть соловьѣвъ;

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада!
Разслышать не могли!
Ой, ладо, ладо-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

С Л Ъ П О Й.

1.

Князь выѣхалъ рано, средь гридней своихъ,
Въ сырѣ-борѣ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей, и туровъ гнѣдыхъ,
Но время доспѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна принимаютъ руть;
И князь говорить: — Миѣ отраднѣ звучать
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать.

3.

И отрокъ озвался: — За рѣчкою тамъ
Убогій миѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ.
И князь говорить: — Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ.

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
 Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
 Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ,
 Гусларь, между тѣмъ, на княжой на призывъ
 Вредѣтъ ко знакомому дубу.

5.

Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
 Шлетѣтся одинъ чрезъ дубраву,
 Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
 И думъ благодатныхъ ужъ врѣветъ посѣвъ,
 Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятель стучитъ,
 Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
 Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
 Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
 Старикъ поклонился глубоко.

7.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
 Вояре и гридни, хвала вамъ!
 Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
 О чемъ же я, старый и бѣдный, спомо
 Предъ совнищемъ симъ величавымъ?

8.

— Чтò въ вѣщеньи сказалося сердцѣ моемъ,
 То выразить рѣчью возьмусь-ли?
 Пождалъ — и не слыша ни слова кругомъ,
 Садится на кочку, поросшую мхомъ,
 Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли:
 И пѣсня въ глуши зазвучала...

Всѣ міра явленія, вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,

10.

Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ тѣнномъ бору закодированный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латы —
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славить минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей —
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градолицамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

13.

Обильно растеть его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячень золотистый;
Проснулось что въ сердцѣ дремало давно,
Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло, прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарѣнъ его тѣмъ же огнемъ
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилась власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
 Въ такомъ разцвѣтаньи богатомъ
 Еще не сплеталася думъ череда—
 Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
 Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
 И къ небу незрѣшіе взоры
 Возвелъ онъ, и духомъ могучимъ объять,
 Онъ пѣснь завершилъ—подъ перстами звучать
 Последніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружонъ,
 Безмолвье пустыннаго лога
 Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
 Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
 Призывы далёкаго рога.

18.

На диво ему, что собранье молчить,
 Поникъ головою онъ думной,
 И вотъ зашачалися вѣтви ракитъ,
 И тихо дубрава ему говоритъ:
 — Ты, гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

— Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
 На мѣстѣ ты пѣль опустѣломъ,
 Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
 Подъ дубомъ души человѣческой вѣтъ,
 Развѣхались гости за дѣломъ.

20.

Они средь моей, средь зелёной красы
 Порскаютъ, свой ловъ продолжая;

Ты слышишь какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубятъ охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогий, ты даромъ!

22.

— Ты, гой-еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

23.

Во истину, если-бъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни-бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Чтѣ душу мою охватило!

24.

Пусть по-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлю князь удовольень!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ.

25.

Она какъ рѣка въ подводѣ сильна,
Какъ рѣсная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ люта смерть необорна.

26.

Охваченный ею не может молчать,
 Онъ рабъ ему чуждаго духа,
 Возгласъ ему въ грудь вдохновенья печать,
 Неволей, или волей, онъ долженъ вѣщать
 Что слышитъ подвластное ухо.

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
 Потокомъ онъ въ степи стремится,
 И бѣетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,
 Придутъ ли къ нему пастухи и стада
 Струями его освѣжиться!

28.

Я инилъ: эти гусли для князя звучать,
 Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
 Невидимо свой расширяла охватъ,
 И вольный лился безъ различія ладъ
 Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
 Землѣ-государынѣ слава!
 Ручью, что ко слову журчалъ моему,
 Вамъ, звѣздамъ, жерцавшимъ сквозь синюю тьму,
 Тебѣ, мать-сырая-дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
 Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
 Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
 Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
 Безъ скорби великимъ боярамъ!

ТРИ ПОВОИЩА.

1.

Ярились подъ Киевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи летѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волось не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

Мнѣ снилось: отъ берега норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4.

То свать нашъ Гаральдъ собирается плыть—
Храни его Богъ отъ напасти—
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

5.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда, и смѣется:
— Плывите, плывите, она говорить,
Домой ни одно не вернѣтся!

6.

Гаральда-варяга въ Британіи ждѣтъ
Саксонецъ Гаральдъ, его тѣзка;
Червонаго меду онъ вамъ поднесѣтъ,
И спать васъ уложить онъ жѣстко!

7.

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно...

9.

Проснулася я — и доселѣ вдали
Все карканье вороновъ внемлю;
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ ту норскую землю!

10.

И только княгиня домовила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
Жемчужная барница падаетъ съ плечь,
Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстуха, лебедь моя,
Мнѣ вочесъ недоброе снилось!

12.

Мнѣ снилось: отъ берега франкской земли,
Гдѣ плещутъ норманскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

13.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:

Онъ хочеть отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

14.

И бабища злая бодрить его рать,
И молвить: — Я вороновъ стаю
Прикликаю, савсовъ завтра клевать,
И вѣтру я вамъ намахю!

15.

И погомонъ стала нахать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И тутъ я въ испугѣ проснулась...

16.

И только лишь Гида домолила рѣчь,
Вѣжить, вапыхаяся, гридинъ:
— Бери, государь, поскорѣ свой мечъ,
Намъ ворогъ подъ Киевомъ видѣнъ!

17.

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ;
Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
То половцы близятся, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Онъ братьевъ скликаеть на сѣчу,
Онъ трубитъ къ дружинѣ, ему не до сновъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ навстрѣчу...

19.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилають,
Изъ разныхъ слетаются вѣроны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? — Повѣдай-ка намъ!
 — Лечу я отъ города Йорка,
 На битву обонхъ Гаральдовъ я тамъ
 Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

Былъ цѣлою выше варягъ головой,
 Чернѣла какъ туча кольчуга,
 Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
 Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

22.

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
 Кровь до-моря съ поля струилась,
 Пока, провизжавъ, не причалась стрѣла
 И въ горло ему не вонзилась.

23.

Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
 Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
 Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
 Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

И долго надъ мѣстою кружился я тѣмъ,
 И поздней дождался я ночи,
 И сѣлъ я варягу Гаральду на племъ,
 И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
 Слетается вороновъ болѣ:
 — Откуда летишь ты? — Я, кровію пьянъ,
 Лечу отъ Хастингскаго поля;

26.

Не стало у саксовъ вчера короля,
 Лежить межъ своихъ онъ, убитый,

Пируетъ норманъ, его землю дѣля,
И мы пировали тамъ сыто.

27.

Побѣдно отъ Йорка шла сакская рать,
Теперь они смиренны и тихи,
И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи;

28.

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на-земь онъ палъ,
И битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побойщемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови,
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вѣроны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

31.

— Откуда летишь ты? — Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьи,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

32.

Съ разсвѣтомъ на половцовъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
Святому Георгію подобенъ.

33.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
 Конешъ увлекаемый съ бою,
 Ужь по-полю мчался израненый князь,
 Съ закинутой навзничъ главою,

34.

И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
 И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился,
 Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
 Иль Богу, скача, помолился;

35.

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня,
 Въ ладью рыбаки его взяли,
 А я полетѣлъ, неудачу кляня,
 Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
 По князѣ идетъ панихида;
 Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
 Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

И съ ними другого Гаральда вдова
 Рыдаетъ, стена, Ярославна,
 Рыдаетъ: — О, горе! зачѣмъ я жива,
 Коль сгинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ: — О, горе, убить
 Отецъ мой, норманомъ сражѣнный!
 Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
 Саксонскія дѣвы и жѣны!

39.

Княгиня рыдаетъ: — О, князь Иязлавъ,
 Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!

Побѣды обычной въ бою не стажавъ,
Погибъ ты, о, горе! о, горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадныя вѣроны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуютъ.

УШКУЙНИКЪ.

Одолѣла сила-удаль меня, мѣлодца,
Не чужая, своя удалъ богатырская!
А и въ сердцѣ тая удалъ-то не виѣстится,
А и сердце-то отъ удали разбѣрется!
Пойду къ бабушкѣ на удалъ горько плакаться!
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дробное,
Новгородскимъ-то порядкамъ неучѣное!
Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ-ль обозы биты низовые куцецкіе,
Багрить на-морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!..

ЭДВАРДЪ

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

1.

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагриль,

Эдвардъ, Эдвардъ?

Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагриль?

Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?

— То сокола я, разсердяся, убилъ,

Мать моя, мать,

То сокола я, разсердяся, убилъ,

И негдѣ добыть мнѣ другого!

2.

— У сокола кровь такъ красна не бѣжить,

Эдвардъ, Эдвардъ,

У сокола кровь такъ красна не бѣжить,

Твой мечъ окровавленъ краснѣе!

— Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,

Мать моя, мать,

Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,

Тоскую по добромъ конѣ я!

3.

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,

Эдвардъ, Эдвардъ,

Конь старъ у тебя, эта кровь не его —

Не то въ твоёмъ сумрачномъ взорѣ!

— Отца я сейчасъ закололъ моего,

Мать моя, мать,

Отца я сейчасъ закололъ моего,

И лютое жжётъ меня горе!

4.

— А грѣхъ чѣмъ тяжолый искупишь ты свой,

Эдвардъ, Эдвардъ?

А грѣхъ чѣмъ тяжолый искупить ты своей?

Чѣмъ смынешь ты съ совѣсти ношу?

— Я сяду въ ладью непогодой морской,

Мать моя, мать,

Я сяду въ ладью непогодой морской,

И вѣтру всѣ парусы брошу!

5.

— А съ башней что́ будетъ и съ домо́мъ твоимъ,

Эдвардъ, Эдвардъ?

А съ башней что́ будетъ и съ домо́мъ твоимъ,

Ладья когда въ море отчалить?

— Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,

Мать моя, мать,

Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ

Доколѣ ихъ въ прахъ не повалить!

6.

— Что́-жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,

Эдвардъ, Эдвардъ?

Что́-жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и съ женой,

Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?

— Пусть по-миру ходять за хлѣбомъ съ сумой,

Мать моя, мать,

Пусть по-миру ходять за хлѣбомъ съ сумой,

Я съ ними не свижуся болѣ!

7.

— А матери что́ ты оставишь своей,

Эдвардъ, Эдвардъ?

А матери что́ ты оставишь своей,

Тебя что́ у груди качала?

— Проклятье тебѣ до скончанія дней,

Мать моя, мать,

Проклятье тебѣ до скончанія дней,

Тебѣ, что́ мнѣ грѣхъ нашептала!

П Ъ С Н И, О Ч Е Р К И.

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
Въ полуденныхъ лучахъ слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтеръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщитъ на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ камень, отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сегодня возвѣстилъ, что жизнь пришла иная.

И въ воздухѣ звучать слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И громко вторять имъ бѣгущіе ручья,
Колеситъ тростника желтѣющія перья.

Пускай же, какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, журча, уносятъ воды,
Безслѣдно унесётъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!...

* * *

Въ монастырѣ пустынноѣ, близъ Кордовы,
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежить въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдираютъ кожу... Видъ картины той,
Исполненный жестокаго искусства,
Сжимаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

Но въ дни тоски, мнѣ все являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мука та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикосанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за стени,
Вдали золотится ковыль, —
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
 Двѣ клячи телѣгу везутъ,
 Лѣнливо сгибаея колѣни,
 Конвойныя съ ними идутъ.

— Что, братцы, затянемъ-те пѣсню,
 Забудемъ лихую бѣду!
 Ужъ видно такая невзгода
 Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули,
 Поютъ, заливаясь, они
 Про Волги широкой раздолье,
 Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
 Про дикую волю поютъ,
 День меркнетъ все болѣе,—а цѣпи
 Дорогу метутъ да метутъ...

МАДОННА РАФАЭЛЯ.

Склоняся къ юному Христу,
 Кго Марія осѣнила,
 Любовь небесная затмила
 Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
 Уже вступающій въ бой,
 Смотритъ впередъ — и яснымъ окомъ
 Голгофу видитъ предъ собой.

НА ТЯГЪ.

Сквозить на заревѣ темнѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды
Какъ вѣхота свое доканчиваютъ пѣнье;
Отъ дуга всходитъ паръ... Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Запелестилъ въ дубахъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ, отчетисто и внятно,
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно,
И вальдшнепъ протянулъ — вѣ выстрѣла. Другой
Летать изъ-за-лѣсу, но длинною дугой
Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
Чертой трепещущей несѣтся на меня.
Дыханье притаивъ, нагнувшись подъ осиню,
Я выждалъ вѣрный мигъ — впередъ на полъ-аршина
Я вскинулъ — огонь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ —
И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.
Удара тяжкаго далекіе раскаты,
Слабѣя, замерли. Спокойствіемъ объятый,
Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
Весеннихъ журавлей лялющая нота —
И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
Жемчужной дробію защѣлкалъ соловей.
Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
Минувшимъ на меня повѣяло неожиданно,
И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ,

Упрекомъ горестнымъ оно предстало мнѣ?
Были радости! Забыты печали!
Зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали,
И снова предо мной, средь явственнаго сна,
Мелькнула дней моихъ погибшая весна?

Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жилъ, и слезами твоими я плакалъ;
Мысленно вмѣстѣ съ тобой протрадалъ я минувшіе годы,
Все перечувствовалъ вмѣстѣ съ тобой, и печаль, и надежды,
Многое больно мнѣ было, во многомъ тебя упрекнулъ я;
Но позабыть не хочу ни ошибокъ твоихъ, ни страданій;
Дороги мнѣ твои слезы, и дорого каждое слово!
Бѣдное вижу въ тебѣ я дитя, безъ отца, безъ опоры;
Рано познала ты горе, обманъ и людское злословье,
Рано подъ тяжестью бѣдъ твоихъ преломилися силы!
Бѣдное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мнѣ, деревцо, къ зеленому вязу:
Ты прислонися ко мнѣ, я стою надежно и прочно!

---

* * *

Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я вѣрю, я знаю, живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

Какъ достичь до нея — не ищи, не гадай,
Тутъ расчетъ никакой не поможетъ,

Не догадка, не угадъ, но безумье въ тотъ край,
Но удача принести тебя можетъ!

Я не ждалъ, не гадалъ, въ тѣннотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги;
Я коня разнуздалъ, на удачу погналъ,
И въ бока ему втиснулъ остроги...

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни берёзъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый —
То было раннею весной,
Въ тѣни берёзъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
 О, счастье! о, слезы!
 О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
 О, свѣжій духъ березы!

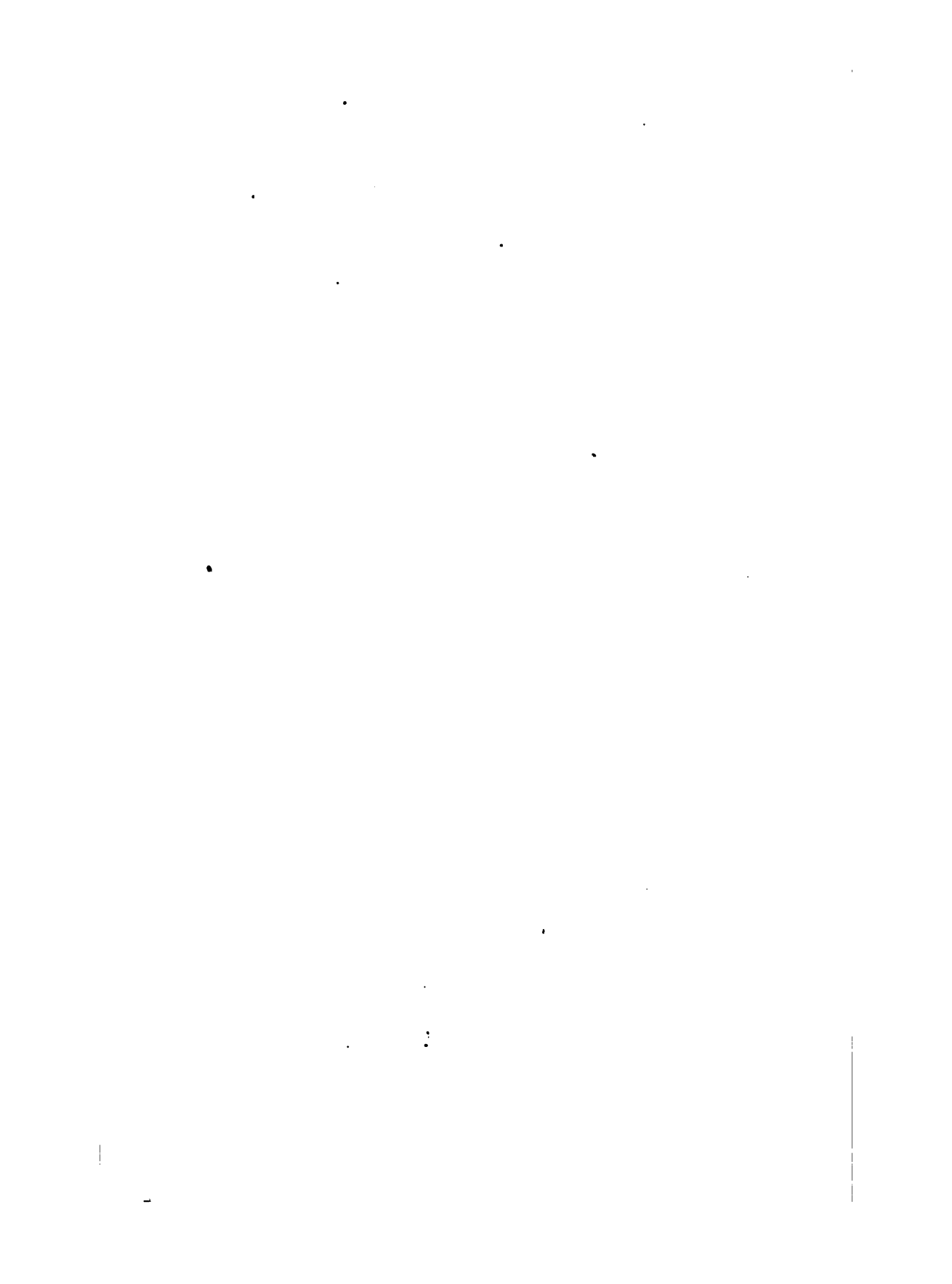
* * *

Ты почто, злая кручинушка,
 Не въ конецъ извела меня, бѣдную?
 Разорвала лишь душу надвое?
 Не сойтися утру съ вечеромъ,
 Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
 Изъ-за меня они ссорятся,
 А и оба меня корятъ, бранятъ;
 Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
 — Ты почто пошла за бояриномъ?
 Напросилась въ родню неровную,
 Отщепенница, переметчица
 Отъ своей родни отступница?
 — Государь ты мой, милый братецъ мой,
 Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
 И ты самъ меня уговаривалъ,
 Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
 Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
 — Изъ какого ты роду-племени?
 Еще много-ли за тобой приданого?
 Еще чѣмъ меня опоила ты,
 Приговорница, приворотница,
 Меня съ нашими разлучница?
 — Государь ты мой, господинъ ты мой,
 Я тебя не приворачивала,
 И ты взялъ меня вольной волею,
 А приданого за мной не много есть,

И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обонии,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки незнаючи,
Оба дерева обнимаючи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПЕРЕВОДЫ.

1855—1865 гг.

БАЙРОНЪ.

I.

Ассиріяне шли какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
И безъ счета ихъ копыя сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ въ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангель смерти лишь на-вѣтеръ крылья простѣръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ, расширившій ноздри, повергаемый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ холодная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
 На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
 Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
 И не свищеть копье, и не трубить труба.

И Ассирій вдовъ слышенъ плачь на весь мѣръ,
 И во храмѣ Ваала низверженъ кумирь,
 И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
 Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

 II.

Неспящихъ солнце, грустная звѣзда,
 Какъ слезно лучъ мерцаетъ твой всегда,
 Какъ темнота при немъ еще темнѣй,
 Какъ онъ похожъ на радость прежнихъ дней!

Такъ свѣтитъ прошлое намъ въ жизненной ночи,
 Но ужъ не грѣютъ насъ безсильные лучи,
 Звѣзда минувшаго такъ въ горѣ мнѣ видна,
 Видна, но далека, — свѣтла, но холодна.

 Г Е Й Н Е.

I.

У моря сижу, на утесѣ крутомъ,
 Мечтами и думами полный;
 Лишь вѣтеръ, да тучи, да чайки кругомъ,
 Кочуютъ и пѣнятся волны.

Знавалъ и друзей я, и ласковыхъ дѣвъ —
 Ихъ нынѣ припомнить хочу я:
 Куда вы сокрылись? Лишь вѣтеръ, да ревъ,
 Да пѣнятся волны, кочуя.

II.

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
 Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
 Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
 Въ которую сторону имъ повернуться?

III.

Изъ водъ подымая головку,
 Лиля въ раздумьѣ глядитъ;
 Съ высотъ улыбаяся, мѣсяцъ
 Къ ней тихой любовью горитъ.

Лиля стыдливо склонила
 Головку на зеркало водъ —
 А онъ ужъ у ногъ ея, бѣдный,
 Трепещетъ и блескъ свой мѣстъ...

ГЕРВЕГЪ.

Хотѣлъ бы я угаснуть какъ заря,
 Какъ алме отливы небосклона;
 Какъ зарево вечернее горя,
 Я бы хотѣлъ излиться въ Божье лоно.

Я бы хотѣлъ, какъ свѣтлая звѣзда,
 Зайти, блестя въ негаснущемъ мерцаньи,
 Я утонуть хотѣлъ бы безъ слѣда
 Во глубинѣ лазурнаго сіянья.

Пускай бы смерть моя была легка
 И жизнь моя такъ тихо уходила,
 Какъ легкій запахъ вешняго цвѣтка,
 Какъ синій дымъ, бѣгущій отъ кадила.

И какъ летитъ отъ арфы слабый звонъ,
 Въ предѣлахъ дальнихъ тихо замирая,
 Такъ отъ земной темницы отрѣшёнъ,
 Я-бъ улётѣть хотѣлъ къ родному краю.

Нѣтъ, не зайдешь ты свѣтлою звѣздой,
 Ты не угаснешь, заревою пылая,
 Не какъ цвѣтокъ умрешь ты полевой,
 Не улетишь, звеня, къ родному краю; —

Угаснешь ты, во грозная рука
 Тебя сперва безжалостно коснется:
 Природы смерть спокойна и легка; —
 На части сердце, умирая, рвется!

Ш Е Н Ь Е.

I.

Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой,
 Оратаемъ идетъ за взрѣзанной браздой;
 Впряженные тельцы его послушны волѣ,
 Прилежною рукой онъ засѣваетъ поле,
 И дерзкій взглядъ поднимъ къ властителю небесъ,
 Вывааетъ: — Жатву ты блюди мою, Зевесъ!
 Не то, къ Европѣ страсть опять въ тебѣ волнуетъ,
 Въ ярмо твою главу мычащую нагну я!

II.

Вотъ онъ, Нивійскій богъ, сивритель дикихъ странъ,
 Со взглядомъ дѣвственнымъ и гроздіемъ вѣнчанъ,
 Влеконый желтымъ львомъ и барсомъ многоцвѣтнымъ,
 Обратный держитъ путь къ садамъ своимъ завѣтнымъ!

III.

Ко мнѣ, молодой Хронидѣ, смотри, какъ я прекрасна!
 О, юноша, тебя я полюбила страстно.
 Діанѣ равная, когда, въ закатѣ дня,
 Я шла, потупя взоръ, съ восторгомъ на меня
 Глядѣли пастухи, другъ друга вопрошая:
 „То смертная-ль идетъ, иль дѣва неземная?
 „Неэра, не вѣряя себя морскимъ волнамъ,
 „Не то богиню ты станешь, и пловцамъ
 „Придется въ бурю звать, къ стернѣ терая вѣру,
 „Отиду бѣлую и бѣлую Неэру!“

IV.

Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый,
 Узрѣвъ, что къ нимъ сатиръ подкрался похотливый
 И чую въ немъ себѣ опаснаго врага,
 Взыбася, изловчилъ ревнивые рога,
 Сатиръ склоняетъ лобъ—и стукъ ихъ ярой встрѣчи
 Зефиры по лѣсамъ, смѣясь, несутъ далече.

V.

Вагровый гаснетъ день; толпится за оградой
 Вернувшихся телицъ недоеное стадо.
 Игъ въ ясли сочная навалена трава,
 И ждутъ онѣ, жуя, пока ты, рукава
 По локоть засучивъ и волосы откинувъ,
 Готовишь звонкій рядъ расписанныхъ кувшиновъ.
 Безпечно на тебя лѣнныя глядятъ,
 Лишь краснобурой той, замѣть, неласковъ взглядъ;
 Въ глазахъ ея давно сокрытая есть злоба,
 Не даромъ отъ другихъ она наслась особо;
 Но если влѣстѣ мы къ строптивой подойдемъ
 И ноги сильныя опутаемъ ремнемъ,
 Мы покоримъ ее, и подъ твоей рукою
 Польется молоко журчащею струей.

VI.

Я вмѣсто матери уже считаю стадо,
 Съ отцомъ ходить въ поля теперь моя отрада,
 Мы трудимся вдвоемъ. Я заставляю мѣдъ
 Весной душистою на пчельникѣ звенѣть;
 Съ царцею своею, услыша звукъ тяжелый,
 Во страхъ улетѣть хотятъ младыя пчелы,
 Но новой ихъ семьѣ готова новый домъ,
 Сильнѣе все въ тазы мы кованныя бѣемъ,
 И вольные рои, испуганные нами,
 Межъ зелени висятъ жужжащими гроздами.

 1866—1875 гг.

ГЕЙНЕ *.

Nun ist es Zeit!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
 Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
 Довольно съ тобой, какъ искусный актёръ,
 Я драму разыгрывалъ въ шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
 Я такъ декламировалъ страстно,
 И мантин блескъ, и на шляпѣ перо,
 И чувства — все было прекрасно.

Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
 Хоть нѣтъ театральнаго гламу,

---

* Это стихотвореніе сообщено И. А. Гончаровымъ, съ просьбою помѣ-
 стить его, по принадлежности, въ собраніе сочиненій графа А. К. Толстого,
 гдѣ, по вѣрности перевода и изяществу стиха, оно должно занять не послед-
 нее мѣсто. Оно было переведено, по просьбѣ г. Гончарова, для 5-й части
 романа „Обрывъ“, гдѣ и напечатано.

Доселѣ болить еще сердце моё,
Какъ будто играю я драму!

И что я поддѣльнымъ болемъ считалъ,
То боль оказалась живая —
О, Боже! я, раненный на-смерть, игралъ,
Гладиатора смерть представляя!

Г Ё Т Е.

I.

БОГЪ И БАЯДЕРА.

Магадевъ, земли владыка,
Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,
Чтобъ, отъ мала до велика,
Самому извѣдать насъ;
Хочетъ, въ странствованіи трудномъ,
Скорбь и радость испытать,
Чтобъ судьбою правосуднымъ
Насъ карать и награждать.
Онъ, путникомъ городъ обшедши усталымъ,
Могучихъ проникнувъ, прислушавшись къ малышъ,
Выходитъ въ предмѣстье свой путь продолжать.

Вотъ стоитъ подъ воротами,
Въ шолкъ и въ кольца убрана,
Съ насурмленными бровями,
Дѣва падшая одна.
— Здравствуй, дѣва! — Гость, не въ иѣру,
Честь въ привѣтѣ мнѣ твоёмъ!
Кто же ты? — Я баядера,
И любви ты видишь домъ!

Гремучіе бубны привычной рукою,
Кружась, потрясаетъ она надъ собою,
И, ставъ изгибаю, обходитъ кругомъ.

И, ласкаясь, увлекаетъ
Незнакомца на порогъ:
— Лишь войди, и засяетъ
Эта хата какъ чертогъ;
Ноги я твои омою,
Дамъ приютъ отъ солнца стрѣль,
Освѣжу и успокою,
Ты усталъ и изомлѣлъ.

И нинимиъ страданьямъ она помогаетъ,
Безсмертный съ улыбкою все прииѣчаетъ,
Онъ чистую душу въ упавшей прозрѣлъ.

Какъ съ рабынею сурово
Обращается онъ съ ней,
Но она, откинувъ ковы,
Все покорнѣй и нѣжнѣй,
И невольню, въ жаждѣ вящей
Унизительныхъ услугъ,
Чуетъ страсти настоящей
Возрастающій недугъ.

Но вѣдатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводитъ ее постепенно
Черезъ нѣгу, и страхъ, и терзанія мукъ.

Онъ касается устами
Расписныхъ ея ланитъ,
И неожиданными слезами
Ликъ наемницы облитъ;
Пала ницъ въ сердечной боли,
И не надо ей даровъ,
И для пляски нѣту воли,
И для рѣчи нѣту словъ.

Но солнце заходитъ, и мракъ наступаетъ,
Убранное ложе чету принимаетъ,
И ночь опустила надъ ними покровъ.

На зарѣ, въ волненьи странномъ
 Пробудившись ото сна,
 Гостя мертвымъ, бездыханнымъ,
 Видитъ съ ужасомъ она.
 Плачь напрасный! Крикъ бесплодный!
 Совершился рока судъ,
 И брашны трупъ холодный
 Къ ямѣ огненной несутъ.

И слышитъ она погребальное пѣнье,
 И рвется, и дѣлитъ толпу въ испуганья...
 — Кто ты? Чего хочешь, безумная, тутъ?

Съ воплемъ ринулась на землю
 Предъ возлюбленнымъ своимъ:
 — Я супруга прахъ объемлю,
 Я хочу погибнуть съ нимъ!
 Красота ли неземная
 Станетъ непломъ и золой?
 Онъ былъ мой въ лобзаньяхъ рая,
 Онъ и въ смерти будетъ мой! .

Но стихъ раздается священнаго хора:
 — Несемъ мы къ могилѣ, несемъ безъ разбора,
 И старость, и юность съ ея красотой!

— Ты-жъ ученью Брамы вѣруй:
 Мужемъ нѣ былъ онъ твоимъ,
 Ты зовешься баядерой,
 И не связана ты съ нимъ!
 Только женамъ овдовѣвшимъ
 Честь сожженья суждена,
 Только тѣнь идетъ за тѣломъ,
 А за мужемъ лишь жена!

Раздайтеся трубы, кивалы гремите,
 Вы въ пламени юношу, боги, примите,
 Примите къ себѣ отъ послѣдняго сна!

Такъ, ея страданья множа,
 Хоръ безжалостно поѣтъ,

И на лютой смерти ложе,
Въ ярый огонь, она падётъ;
Но изъ пламеннаго зѣва
Богъ поднялся, невредимъ,
И въ его объятыхъ дѣва
Къ небесамъ взлетаетъ съ нимъ.
Раскаянныя грѣшныя любимо богами,
Заблудшихъ дѣтей огненными руками
Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

II.

КОРИНѢСКАЯ НЕВѢСТА.

Изъ Аѳинъ въ Коринѣ многоколонный
Юный гость приходитъ, незнакомъ;
Тамъ когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль водилъ съ его отцомъ;
И дѣтей они,
Въ ихъ молодые дни,
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

Но какой для добраго пріѣма
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ—дѣтя языческаго дома,
А они—недавно крещены!
Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь, и дружба сметены.

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,

Благодушно гостя принимает
 И покой отвесть ему спѣшитъ;
     Лучшее вино
     Ею внесено,
 Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

И простась, ночникъ ему зажжённый
 Ставить мать, но ото всѣхъ тревогъ
 Ужъ усталый онъ и полусонный,
 Безъ ѣды, не раздѣваясь, лёгъ,
     Какъ сквозь двери тьму
     Двигается къ нему
 Странный гость безшумно на порогъ.

Входитъ дѣва медленно и скромно,
 Вся покрыта бѣлой пеленой:
 Вкругъ косы ея, густой и тёмной,
 Блещетъ вѣнчикъ черно-золотой.
     Юношу узрѣвъ,
     Стала, оробѣвъ,
 Съ приподнятой блѣдною рукой.

— Видно въ домѣ я уже чужая,
 Такъ она со вздохомъ говорить,
 Что вошла, о гостѣ семь не зная,
 И теперь меня объемлетъ стыдъ;
     Сни-жь спокойнымъ сномъ
     На одрѣ своемъ,
 Я уйду ояты въ мой тёмный скитъ.

— Дѣва, стой, воскликнулъ онъ, со мною
 Подожди до утренней поры!
 Вотъ, смотри, Церерой золотою,
 Вакхою вотъ посланные дары;

А съ тобой придѣтъ
Молодой Эротъ,
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

— Отступи, о, юноша! я болѣ
Непричастна радости земной;
Шагъ свершонъ родительскою волей:
На одрѣ болѣзни роковой
Поклялася мать
Небесамъ отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И боговъ веселыхъ рой родимый
Новой вѣры сила изгнала,
И теперь царить одинъ Незримый,
Одному Распятому хвала!
Англицы болѣ тутъ
Жертвой не падуть,
Но людскія жертвы безъ числа!

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
— Неуже-ль теперь, въ тиши ночной,
Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
Тѣ стоитъ невѣста предо мной?
О, отдайся-жь мнѣ,
Будь моею вполнѣ,
Насъ вѣнчали клятвою двойной!

— Мнѣ не быть твою, отрокъ милый,
Ты мечты напрасной не лелѣй.
Скоро буду взята я могилой;
Ты-жь сестрѣ назначенъ ужъ моею;
Но въ блаженномъ снѣ
Думай обо мнѣ,
Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

— Нѣтъ, да свѣтитъ пламя сей лампы
 Намъ Гимена факеломъ святымъ,
 И тебя для жизни, для отрады,
 Уведу къ пенатамъ я своимъ!
     Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь!
     Мы вдвоемъ теперь
 Брачный ширъ неожиданно совершимъ!

И они мѣняются дарами:
 Цѣпь она сплѣшитъ златую снять, —
 Чашу онъ съ узорными краями
 Въ знакъ союза хочеть ей отдать;
     Но она къ нему:
     — Чаши не приму,
 Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

Полночь бѣтъ — и взоръ доселѣ хладный
 Заблистала — лицо оживлено,
 И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
 Съ темной кровью схожее вино;
     Хлѣба-жъ со стола
     Вовсе не взяла,
 Словно ей вкушать запрещено.

И фіалъ она ему подноситъ,
 Влѣсть съ ней онъ токъ багровый пьѣтъ,
 Но ея объятій какъ ни проситъ,
 Все она противится — и вотъ,
     Тяжко огорченъ,
     Паль на ложе онъ,
 И въ бессильной страсти слезы льѣтъ.

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
 — Жалко мучить мнѣ тебя, но, ахъ,

Моего когда коснешься тѣла,
Неземной тебя охватить страхъ:
Я какъ снѣгъ блѣдна,
Я какъ лёдъ хладна,
Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

Но кипящій жизненною силой,
Онъ ее въ объятъя заключилъ:
— Ты хотя бы вышла изъ могилы,
Я-бъ согрѣлъ тебя и оживилъ!
О, какими вдвоёмъ
Мы горимъ огнёмъ,
Какъ тебя мой проникаетъ пылъ!

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье,
Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
Пьётъ его горячее дыханье
И ужъ устъ не можетъ разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрѣла кровь,
Но не бьется сердце въ ней ничуть.

Между тѣмъ, дозоромъ позднимъ, мимо
За дверьми еще проходить мать,
Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, пританувъ дыханье,
Ждётъ она — сомнѣній болѣе нѣтъ —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бѣшеннаго бредъ:

— Скоро день — но вновь
 Насъ сведеть любовь!
 — Завтра вновь! съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
 Ключъ она свой тайный достаётъ:
 — Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
 Что себя пришельцамъ отдаётъ?
 Такъ возмущена,
 Входитъ въ дверь она —
 И дитя родное узнаётъ.

И воспрянувъ юноша съ испугу,
 Хочетъ скрыть завѣсомъ окна,
 Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
 Но, отбросивъ складки полотна,
 Съ ложа, вся пряма,
 Словно не сама,
 Медленно подѣмлется она.

— Мать, о, мать! нарочно ты ужели
 Отравить мою приходишь ночь?
 Съ этой теплой ты меня постели
 Въ иракъ и холодъ снова гонишь прочь!
 И съ тебя ужель
 Мало и досель,
 Что свою ты скронила дочь?

Но меня изъ тѣсноты могильной
 Нѣкій рокъ къ живущимъ шлётъ назадъ,
 Вашихъ клировъ пѣніе бессильно,
 И попы напрасно мнѣ вадятъ:
 Молодую страсть
 Никакая власть,
 Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
 Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
 Ты вотще во мнѣ новой вѣры
 Изрекла несслыханный обѣтъ!
     Чтобъ его принять,
     Въ небесахъ, о, мать,
 Въ небесахъ такого бога нѣтъ!

Знай, что смерти роковая сила
 Не могла сковать мою любовь,
 Я нашла того, кого любила,
 И его я высосала кровь!
     И покончивъ съ нимъ,
     Я пойду къ другимъ, —
 Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
 Осужденъ ты чахнуть и завять;
 Цѣпь мою тебѣ передала я,
 Но волосъ твоихъ беру я прядь.
     Ты ихъ видишь цвѣтъ?
     Завтра будешь съдѣ,
 Русымъ тамъ лишь явишься опять!

Мать, услышь послѣднее моленье,
 Прикажи костѣрь воздвигнуть нашъ,
 Свободи меня изъ заточенья,
 Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
     Такъ изъ дыма тьмы
     Въ пламѣ, въ искрахъ мы
 Къ нашимъ древнимъ полетимъ богамъ!

ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1875.

I.

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе,
Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлётъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣе не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ междъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былинны
Опутываетъ свѣтъ дрожащей паутины;
Кружась медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всею насталь покой, прійми-жь его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна, иль скудна?

II.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Быль тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Быль легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чулось движенье.

Не шелеста надъ головой моей,
Въ прозрачный прахъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебѣрь и полевой шалфей,
Влестя росой, въ травѣ благоухали.
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ,
Куда меня такъ манить и влечётъ!

Проникнуть весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъять природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто-жь мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?

Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я,
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ послышалось мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полусвѣтѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ—
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ!

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

	СТРАН.
Предисловіе	V
Автобіографическій очеркъ	IX

Посвященіе Е. И. В. Государынь Императрицъ.

ОТДѢЛЪ I.

1855—1865 г.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

— Иоаннъ Дамаскинъ	5
— Грѣшница	29
— Донъ-Жуанъ	35
— Алхимикъ	164

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ.

— Богатырь	171
— Василій Шибановъ	176
— Волки	180
— Въ колоколѣ, мирно дремавшій	182
— Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы	—
— Князь Михайло Рѣпнинъ	183
— Князь Ростиславъ	185
— Курганъ	187
— Ночь передъ приступомъ	189
— Ой, ка-бъ Волга-матушка	192
— Пантелей цѣлитель	—
— Правда	194
— Старицкій воевода	195
— У приказныхъ воротъ собирався народъ	196
— Ходить Спѣсь, надувающимся	197
— Чужое горе	198

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ.	СТРАН.
Аксакову, И. С.	200
Борь сосновый въ странѣ одиноко стоять	202
Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожить	—
Вздыхаются волны какъ горы	203
Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ.	204
Въ совѣсти искалъ я долго обвиненія	—
Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ.	205
Выростаеъ дума, словно дерево	206
Горнами тихо летѣла душа небесами	207
Господь, меня готова къ бою	—
Грядой влѣбится бѣлюю	208
Двухъ становъ не боецъ	—
Дерево мое миндальное	—
Дождя отшумѣвшаго капли	209
Дробится и плещеть, и брызжетъ волна	210
Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ.	—
Замолкнулъ громъ, шумѣтъ гроза устала	211
Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой	—
Звонче жаворонка пѣнье	212
Знѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы	—
Изъ Индіи дальной	213
Источникъ за вишневымъ садомъ	214
Кабы знала я, кабы вѣдала	—
Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій.	215
Когда природа вся трепещеть и сіяеть.	216
Колокольчики мои	217
Коль любить, такъ безъ разсудку	220
Колышется море	—
Край ты мой, родимый край.	—
Крымскіе очерки:	
1. Надъ неприступной крутизною	221
2. Клонить къ лѣни полдень жгучій	—
3. Всесильной волею Аллаха	222
4. Ты помнишь-ли вечеръ, какъ море шумѣло	—
5. Вы все любуетесь на скалы	223
6. Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ.	224
7. Какъ чудесно хороши вы.	225
8. Обычной полная печали.	—
9. Привѣтствую тебя, опустошенный домъ	—
10. Тяжелъ нашъ путь.	226
11. Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ	227
12. Солнце жжетъ; передъ грозою	228
13. Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ	—
14. Привалъ	229

	СТРАИ.
Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна	230
Лишь только одинъ я останусь съ собою	231
Меня, во мракѣ и въ пыли	—
Милый другъ, тебѣ не спится	232
Минула страсть, и цыль ея тревожный	233
Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты	—
На явны желтыя нисходитъ тишина	234
Насъ не преслѣдовала злоба	—
Не божишь громомъ горе ударило	235
Не брани меня, мой другъ	—
Не вѣрь мнѣ, другъ	236
Не вѣтеръ, вѣя съ высоты	—
Не пѣвится море, не плещеть волна	—
Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы	237
О, другъ, ты жизнь влачишь	—
О, еслибъ ты могла	—
Ой стоги, ой стоги	238
Ой, честь ли то молодцу лёнъ прасти	239
О, не пытайся духъ унять тревожный	—
О, не спиши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище	240
Онъ водилъ по струнамъ	241
Осень	242
Острою сѣкирой ранена березка	—
По греблѣ неровной и тряской	—
Поразмысливъ аккуратно	244
Порой, среди заботъ	245
Пусть тотъ, чья честь не безъ укора	—
Разсѣвается, разступается	246
Сердце, сильнѣй разгораясь	—
Сижу да гляжу я все, братцы	247
Слеза дрожить въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ	—
Смеркалось	248
Средь шумнаго бала, случайно	—
Съ ружьемъ, за плечами, одинъ, при лунѣ	249
Съ тѣхъ поръ, какъ я одинъ	250
Тебя такъ любятъ всѣ	—
Ты жертва жизненныхъ тревогъ	251
Ты знаешь край	—
Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ	253
Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая	—
Ты, невѣдомое, незнаемое	254
Ты не спрашивай, не распытывай	255
Ты помнишь ли, Марія	—
Ты правъ; мой своеобразный гецій	256
Тщетно, художникъ, ты мнишь	257

	СТРАН.
Ужь ласточки, кружась, надъ крышей, щебетали	258
Ужь ты, мать-тоска, горе-гореваньице	—
Ужь ты, нива моя, нивушка	259
Усни, печальный другъ	—
Хорошо, братцы, тому на свѣтъ жить	260
Что за грустная обитель	261
Что ни день, какъ поломя со влагой.	262
Что ты голову склонила	263
Шумить на дворѣ непогода	264
Я васъ узналъ, святяга убѣжденья	265
Я задремалъ, главу понура	—

ОТДѢЛЪ II.

1866—1875 г.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

Посадникъ.—Три первыхъ дѣйствія драмы	269
Портретъ.—Повѣсть въ стихахъ	379
Драконъ.—Итальянскій рассказъ XII-го вѣка.	403

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ.

Алѣша Поповичъ	428
Боривой	433
Гаконъ Слѣпой	439
Государь ты нашъ, батюшка.	441
Змѣй Тугаринъ.	442
Илья Муромецъ	448
Кануть.	450
Порой веселой малъ	456
Потокъ-богатырь	462
Противъ теченія	469
Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославѣ	471
Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь	475
Ругевитъ	484
Садко	486
Сватовство.	495
Слѣпой.	504
Три побойца.	510
Ушкуйникъ	516
Эдвардъ	517

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ.		СТРАИ.
Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо		519
Въ монастырѣ пустынноиъ, близъ Кордовы		520
Колодники		—
Мадонна Рафаэля.		521
На тягѣ		522
Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя		523
Темнота и туманъ застилають мнѣ путь		—
То было раннею весной		524
Ты почто, злая кручинушка.		525

ОТДѢЛЪ III.

ПЕРЕВОДЫ.

1855—1865 г.

БАЙРОНЪ:		
I. Ассирияне шли.		529
II. Неспящихъ солнце, грустная звѣзда.		530
Гейне:		
I. У моря сижу, на утесѣ крутомъ		—
II. Безоблачно небо		531
III. Изъ водъ подымая голову		—
Гервегъ:		
Хотѣлъ бы я угаснуть		—
Шенъе:		
I. Крымскій богъ любви		532
II. Вотъ онъ, Низийскій богъ.		—
III. Ко мнѣ, молодой Хромидъ.		533
IV. Супругъ блудливыхъ козъ		—
V. Багровый гаснетъ день.		—
VI. Я вмѣсто матери		534

1866—1875 г.

Гейне:		
Довольно!		—
Гете:		
I. Богъ и Баядера		535
II. Коринская невѣста		538

ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1875 г.

I. Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе	545
II. Земля цвѣла.	546

782020

